

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

**ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Тема номера:

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ –
СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ.
К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

2022/ № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2022 / № 1

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2022 / № 1

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалес Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д.пол.н., проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

Штоль В. В. — д.пол.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2022. — № 1. — 154 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K. A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2022. – № 1. – 154 p.

© MRSU, 2022.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии..... 6

ТЕМА НОМЕРА: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ – СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ. К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

- Багдасарян В. Э.* Восприятие СССР в историческом сознании современного российского социума: тенденции ресоветизации (по материалам социологических опросов) 7
- Шульц Э. Э.* Стереотипные образы Великой Отечественной войны:
Сталин, глобус и винтовки 20
- Маслов Д. В.* Некоторые тенденции новейшей отечественной литературы по истории распада СССР 30
- Ларионов А. Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны как объект научной коммеморации в новейшей российской историографии 37

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Ефремов С. А.* Раскол в Русской Православной Церкви: социальный протест или спор о путях развития России 46
- Лазарева Л. Н.* Вклад архивных документов в формирование исторической памяти (из опыта публикации сборника документов и материалов «Социальная политика позднего сталинизма») 52
- Никонов В. В.* Антирелигиозные мероприятия, проводившиеся в Московской губернии в первые годы советской власти. 62

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Козьякова Н. С.* Вопросы внешней политики в деятельности политических партий Второй Австрийской Республики в 1960–1970-е гг. 72

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Миловский Н. М.* О недостаточно исследованных предпосылках и причинах русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в отечественной историографии. 80
- Смоленский Н. И.* Проблема становления российской методологии истории:
В. О. Ключевский 92
- Егоров Д. И.* Исторические взгляды Ф. Джеймисона 105

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Кулибали А. Ш.* Военная политика республики Мали: основные факторы и направления .. 115
- Мануйлова Ю. В.* Морская стратегия Китая 128
- Афоньшина А. И.* Актуальность голлизма в XXI веке. Анализ внешнеполитического курса президентов Ж. Ширака и Н. Саркози на Ближнем Востоке и Южном Средиземноморье... 134
- Гутенев М. Ю., Калфоглу Р.* Научная дипломатия Турции в Арктике 142

CONTENT

Editor's Column	6
-----------------------	---

THEME OF THE ISSUE: SOVIET UNION – MODERN PERCEPTION. TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE USSR

<i>V. Baghdasaryan.</i> Perception of the USSR in the Historical Consciousness of Modern Russian Society: Trends in Re-Sovietization (Based on Sociological Surveys)	7
<i>E. Shults.</i> Stereotypical Images of the Great Patriotic War: Stalin, Globe and Rifles	20
<i>D. Maslov.</i> Some Trends of the Latest Russian Literature on the History of the Collapse of the USSR ..	30
<i>A. Larionov.</i> Frontline Everyday Life of the Great Patriotic War as an Object of Scientific Commemoration in the Latest Russian Historiography	37

DOMESTIC HISTORY

<i>S. Yefremov.</i> Schism in the Russian Orthodox Church: a Social Protest or a Dispute about the Ways of Russia's Development	46
<i>L. Lazareva.</i> Contribution of Archival Documents to the Formation of Historical Memory (From the Experience of Publishing a Collection of Documents and Materials «Social Policy of Late Stalinism»)	52
<i>V. Nikonov.</i> Anti-Religious Events in the Moscow Province in the Early Years of Soviet Power ...	62

WORLD HISTORY

<i>N. Kozyakova.</i> Issues of Foreign Policy in the Activities of Political Parties of the Second Austrian Republic in the 1960–1970S.	72
--	----

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

<i>N. Milovsky.</i> On Insufficiently Researched Prerequisites and Causes of the Russo-Turkish War of 1768–1774 in Russian Historiography	80
<i>N. Smolensky.</i> The Problem of the Formation of the Russian Methodology of History: V. O. Klyuchevsky.	92
<i>D. Yegorov.</i> Historical Views of F. Jameson	105

POLITICAL SCIENCE

<i>A. Kulibali.</i> Military Policy of the Republic of Mali: Main Factors and Directions	115
<i>Yu. Manuylova.</i> China's Maritime Strategy	128
<i>A. Afonshina.</i> Relevance of Gaullism in 21 st Century. The Analysis of External Policy of Presidents Jacques Chirac and Nicolas Sarkozy in the Middle East and South Mediterranean.	134
<i>M. Gutenev, M. Kalfaoglu.</i> Scientific Diplomacy of Turkey in the Arctic.	142

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Перед мировым сообществом в очередной раз встаёт выбор. Система капитализма, которая, как казалось многим экспертам, 2–3 десятилетия назад вырабатала иммунитет по отношению к кризисам, оказалась в тупиковом состоянии. О кризисе капитализма в истёкшем 2021 г. говорил, в частности, президент Российской Федерации В. В. Путин. Поиск выхода из тупиков современного развития обуславливает обращение к опыту исторических альтернатив. Такую альтернативу представлял в XX столетии Союз Советских Социалистических Республик.

В настоящее время запрос на переосмысление исторического опыта СССР, феномена советской цивилизации приобретает всё большую актуализацию. Конфликты на постсоветском пространстве обуславливают интерес к советскому опыту национальной политики. Социальное расслоение сегодня усиливает популярность советской системы общественных отношений, выстраиваемых на принципах справедливости. Кризис современной школы позволяет говорить об уникальности советской модели образования и воспитания. Обнаружение антропологических основ кризисного состояния человечества в XXI в. катализирует интерес к особому типу человека – Homo soveticus.

В данном выпуске журнала исследуется восприятие образа СССР и феномена «советского» в сознании современного российского общества. Задачи реконструкции исторического сознания определяют применение междисциплинарных методик. Авторы пересматривают сложившиеся стереотипы в отношении СССР, идеологические штампы, определяют степень устойчивости советских ценностей.

Выпуск номера приурочен к отмечаемому в 2022 г. столетию образования Союза Советских Социалистических Республик и открывает годовой научный марафон, посвящённый изучению феномена советской цивилизации.

Представленные в номере статьи подготовлены в рамках исследовательских проектов, поддержанных грантами РФФИ по проблематике: «Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве» (руководитель лауреат Государственной премии РФ, доктор исторических наук, профессор В. В. Журавлёв) и «Методология исследования причин распада СССР» (руководитель доктор исторических наук, профессор Д. В. Маслов).

Редакция журнала выражает благодарность Российскому Фонду Фундаментальных исследований за оказанную поддержку научного коллектива МГОУ.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ – СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ. К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-7-19

ВОСПРИЯТИЕ СССР В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: ТЕНДЕНЦИИ РЕСОВЕТИЗАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)

Багдасарян В. Э.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. На основании материалов социологических опросов выявить отношение российского общества к СССР, оценить степень приемлемости советской системы ценностей.

Процедура и методы. Ключевым методом исследования при реконструкции исторического сознания материалов являлось использование социологических опросов. Источниковой базой исследования послужили опросы ведущих российских социологических агентств – ВЦИОМ, Левада-центра, ФОМ. Прослеживалась динамика изменения отношения к СССР в контексте постсоветских политических процессов.

Результаты. На основании социологических материалов констатируется, что симпатии к СССР остаются доминирующими в восприятии прошлого российским населением: в российском социуме сохраняется приверженность советской системе идей и ценностей. Делается вывод о проявлении на современном этапе тенденций аксиологической ресоветизации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные выводы предполагают постановку вопроса о пересмотре взглядов на советское прошлое в учебной литературе, соотнесение их с идеями и ценностями большинства российского населения. Констатация доминирования советской системы ценностей определяет необходимость их учёта при реализации государственных политик федеральными и региональными органами власти Российской Федерации.

Ключевые слова: историческое сознание, СССР, советские ценности, социологический опрос, десоветизация, ресоветизация, общественное мнение

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43023.

PERCEPTION OF THE USSR IN THE HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY: TRENDS IN RE-SOVIETIZATION (BASED ON SOCIOLOGICAL SURVEYS)

V. Baghdasaryan

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. Based on the materials of sociological surveys, to reveal the attitude of Russian society towards the USSR, to assess the degree of acceptability of the Soviet system of values.

Methodology. The key research method in the reconstruction of historical consciousness was the use of materials from sociological surveys. The surveys of the leading Russian sociological agencies - VCIOM, Levada Center, FOM served as the study base. The dynamics of changing attitudes towards the USSR in the context of post-Soviet political processes was traced.

Results. Based on sociological materials, it is stated that sympathy for the USSR remains dominant in the perception of the past by the Russian population. It proves that the predominant part of the Russian society adheres to the Soviet system of ideas and values. The conclusion is made about the manifestation of axiological re-Sovietization tendencies at the present stage.

Research implications. The findings suggest that the issue of revising views on the Soviet past in educational literature, correlating them with the ideas and values of the majority of the Russian population, is raised. The statement of the dominance of the Soviet system of values determines the need to take them into account in the implementation of state policies by federal and regional authorities of the Russian Federation.

Keywords: historical consciousness, USSR, Soviet values, sociological survey, de-Sovietization, re-Sovietization, public opinion

Acknowledgments. This research was supported by an RFBR grant no. 21-09-43023.

Введение

Тридцать лет, минувших с гибели СССР, дают возможность для осмысления советского феномена в развёртке мировых исторических процессов, частично преодолев aberrацию близости. И это переосмысление выводит на повышение планки оценки советско-социалистической модели организации государства и общества. Высказываются мнения, что СССР представлял собой уникальный исторический эксперимент, повторить который невозможно. Заявляется позиция, согласно которой Советский Союз предпринял историческую попытку совершить прыжок в будущее, преодолеть отчуждение, создать нового человека и в этом отношении обозначал перспективу выхода на следующую ступеньку эволюции [7]. Получили достаточную популяр-

ность идеи реставрации Советского Союза как СССР-2.0, связываемые в одном случае с реинтеграцией евразийского пространства, в другом – со сменой капиталистической модели [10].

Вместе с тем сохраняется в общественном дискурсе и позиция радикального антисоветизма. Она выстраивается на 3 платформах – либеральной, националистической и религиозной, составлявших исторический консенсус борьбы с СССР. Согласно либеральному концепту Советский Союз представлял собой систему, имманентно направленную на подавление личности, являлся тоталитарным государством [8]. О том, к каким последствиям может привести развитие теории тоталитаризма, демонстрирует кампания по обвинению фашистской Германии и коммунистическо-

го СССР как будто подобных друг другу государств тоталитарного типа [11]. Националистическая критика Советского Союза выстраивалась на положении об утрате субъектности русского народа, неприятии идеологии советского интернационализма [2]. Наконец, претензии к СССР с платформы религии состояли в гонении на Церковь, преследовании священников, государственной пропаганде научного атеизма [12].

В основание школьных учебников положен взгляд, сообразно с которым Советский Союз в новых реалиях перехода к модели постиндустриального мира системно отставал от стран Запада, и его гибель как аутсайдера в глобальной конкуренции была предопределена. Принятый в 2014 г. Историко-культурный стандарт легитимизировал эту версию в качестве официальной государственной позиции¹.

Различие позиций в общественном дискурсе важно соотносить с представлениями российского общества в целом, историческим сознанием народа.

Цель проводимого исследования состоит в определении доминантных взглядов населения России на советское прошлое, исторический феномен СССР. Методологическая основа исследования определяется его предметной спецификой и заключается в опоре на принципы изучения исторического сознания. Ключевым исследовательским инструментарием работы является методика исторической социологии. Эмпирическую основу работы составили материалы опросов ведущих российских социологических агентств – ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центра по выявлению отношения общества к советскому прошлому. Использовались опросные данные 2020–2021 гг., представляемые социологическими агентствами в динамической связи с аналогичными опросами более ранних лет.

¹ Историко-культурный стандарт [Электронный ресурс]. URL: http://istorik-samara.ru/files/Istoriko-kulturnyj_standart.pdf (дата обращения: 06.12.2021).

Обращение к тематике общественной рефлексии вокруг восприятия образа СССР актуализируется также новой дискурсивной волной критики капитализма. То, что капиталистическая система продуцирует для человечества фундаментальные риски и угрозы, фактически привела к антропологическому кризису, является сегодня одной из центральных проблем в повестке мировой философии [4; 14]. О тупике, в который завёл человечество капитализм, было заявлено в юбилейном докладе 2017 г. Римского клуба [3]. В 2021 г. позиция, что капитализм себя исчерпал, была поддержана на Валдайском форуме президентом России В. В. Путиным². Констатация тупиковости и истощенности капиталистического пути развития обуславливает поиск альтернативных моделей, что побуждает к переосмыслению опыта СССР как реальной исторической альтернативы капитализму.

Важно зафиксировать различие 2 акцентов негативного отношения к гибели СССР. Они могут быть соединены в рамках одной платформы отрицательного взгляда на произошедшее в 1991 г., а могут и представлять каждый самостоятельную позицию. Первый акцент связан с распадом единого государства, потерей территорий. Сожалеть о территориальном распаде могут как симпатизанты советской идеологии, так и её противники, включая в число последних и приверженцев имперской идеи, и сторонников идей национализма большой нации. Для этой части респондентов ключевым в их негативной реакции является восприятие гибели СССР как «геополитической катастрофы»³.

Слова о геополитической катастрофе подразумевают негатив именно в связи

² Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 06.12.2021).

³ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2005 // Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 06.12.2021).

с распадом единого государства, но не в связи с отказом от коммунистической идеологии и советского типа государственности. Второй акцент негативной оценки на факт гибели Советского Союза состоит в отказе от модели устройства государственной и общественной жизни. Основным в этой позиции является отрицательное отношение к произошедшей декоммунизации. Территориальный распад является в понимании второй группы респондентов лишь следствием упразднения советской идеологической скрепы. Именно вторая позиция и определяет собственно приверженность в обществе к советской системе ценностей. Оценить удельный вес в российском обществе группы населения, которую условно можно обозначить как «советские – идейно, ценностно и ментально», и составляет ключевую задачу представляемого исследования.

В качестве гипотезы исследования рассматривается версия, что компонент «советских» представляет значимую, а возможно, и по-прежнему доминирующую составляющую в структуре российского общества. Подтверждение этого предположения будет означать фиксацию аксиологического раскола между народом и элитой. То, что формирование элит, включая механизм выборов, осуществляется в противоречии со взглядами и ценностями большинства социума, обозначает проблемы организации российской политической системы, нефункциональность принципов народовластия. Определённую историческую аналогию можно в этом отношении провести с императорской Россией, в которой параллельно сосуществовало 2 общества с различными воззрениями, ценностями, нормами жизни. Имели эти сообщества и принципиальные расхождения в восприятии допетровской Руси [1; 6; 9; 10].

О том, что большинство населения СССР было против демонтажа единого государства, свидетельствуют результаты голосования на референдуме 17.03.1991 о

сохранении Союза. На эти результаты часто ссылаются в обосновании нелегитимности Беловежских соглашений [13]. Но, по всей видимости, большинство населения было не только против ликвидации Союза, но и против смены социальной модели. Если это предположение верно, то нелегитимными, противоречащими позиции большинства, оказывались и реформы, направленные на переход от социализма к системе капиталистических отношений. Принятие такой оценки даёт основание для пересмотра утвердившейся в учебной литературе интерпретации реформирования начала 1990-х гг. как демократического процесса. Вывод о недемократичности в институционализации постсоветского государства позволяет, в свою очередь, констатировать, что современные политические проблемы развития Российской Федерации были заложены на стадии генезиса новой системы.

Симпатии к СССР объяснялись поначалу на уровне властного дискурса ностальгией по годам молодости старших поколений. Предполагалось, что с течением времени, ввиду объективной смены поколений, они будут ослабевать. И тенденции изменения общественного мнения действительно подтверждали этот прогноз. Однако он не имел линейной направленности. В противоречие с прогнозом в последние годы обнаружился запрос на советские образы, идеи и ценности среди молодёжи. Определённые сдвиги в отношении к советскому произошли и на уровне властного дискурса. Происходит признание эффективности советской системы по определённым позициям при отрицании её идеологических позиций, как утопии, противоречащей реальной политике. Советские бренды стали активно эксплуатироваться в новых культурных нарративах, в т. ч. в поисках образов героики в современном российском кинематографе [5]. Хотя в соответствующих художественных образцах героям войны, спорта, труда противопоставляется подавлявшая личность

система советской бюрократии. Фиксируемый поворот, проявляемый в массовом сознании, а также государственных установках, обозначается как процесс ресоветизации.

Анализ данных опросов ВЦИОМ

Опрос ВЦИОМ, проводимый в декабре 2021 г., предлагал респондентам назвать до 5 известных личностей советской эпохи, которые могли бы быть, по мнению респондентов, позиционированы в качестве героев. Понятие «герой» при этом не уточнялось.

Опрос отличался от опросов по выявлению «лучших правителей». В понимании респондентов при определении героического могли оцениваться качества личного мужества, а не масштабность свершений. Перечень героев интервьюерами не задавался и был сформирован снизу. На то, что разброс выбора оказался значительным, указывает итоговый результат: 62% получили персоналии, не преодолевшие условный 3% уровень популярности. Такое положение указывает на отсутствие в современной России пантеона исторических героев, который был определён официально или сложился на основе общественного консенсуса. Тем не менее, тройка героев-лидеров в итоговом рейтинге оказалась в существенном отрыве от остальных исторических персоналий:

1. 41% голосов – Гагарин;
2. 22% – Жуков;
3. 20% – Сталин.

Брежнев набрал 9% голосов и оказался на 4-м месте в опросе. Наряду с ними от ≥3% голосов получили: Королёв, Ленин, Маресьев, Сахаров, Терешкова, Рокоссовский, Космодемьянская, Матросов. Позиции первой тройки объяснимы соотносимой с их фигурами семантикой: Гагарин – освоением космоса, Жуков – победой в Великой Отечественной войне, Сталин – государственным величием. С антисоветским нарративом оказалась семантически связана только одна фигура –

Сахарова, набравшая 4% голосов¹.

Особого внимания заслуживает распределение голосов по возрастным группам, находящееся в противоречии с прогнозом о снижении популярности советских образов среди молодёжи.

Распределение мест в первой тройке по возрастным группам 45–59 и от 60 и старше совпало с общим результатом – Гагарин, Жуков, Сталин. Причем, в группе 60 и старше Сталин, к удивлению, набрал наименьший среди всех поколений удельный вес голосов – всего 8%. Наименьший в ней результат в сравнении с другими возрастными группами получил и Ленин – 3%. Такой результат в группе, считающейся традиционно главной опорой рейтинга популярности советских вождей, может быть объясним включением в старшие группы тех, чья молодость пришлась на период демонтажа СССР. В возрастных группах 25–34 и 35–44 года места в тройке лидеров поменялись – Сталин вышел на II позицию, опередив Жукова. Очевидно, что образ Сталина в большей степени ассоциируется с советской идеологией, чем Жуков, и рокировка их позиций в рейтинге указывает на тенденцию ресоветизации. Подтвердить или опровергнуть наличие соответствующей тенденции можно по результатам в младшей группе респондентов – 18–24 года. И тенденция ресоветизации действительно получает по ней подтверждение. Гагарин и Сталин поделили среди молодёжи I место, а Жуков и Ленин – III. Именно в этом сегменте опрошенных Ленин получил наибольший удельный вес голосов².

Социологическое исследование включало также вопрос об антигероях советской истории – персоналиях, вызывающих негативные эмоции, антипатии.

¹ Память об СССР: Гагарин против Горбачева // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-gorbacheva> (дата обращения: 06.12.2021).

² Память об СССР: Гагарин против Горбачева // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-gorbacheva> (дата обращения: 06.12.2021).

Больше всего негатива с отрывом от других соотносимо с результатом опроса вызывает в российском обществе Горбачёв – 20%. С существенным отрывом от него далее в рейтинге антигероев идёт группа политиков – Берия, Хрущёв, Сталин, Ельцин. Одни из них соотносятся в историческом сознании с советской идеологией – Сталин и Берия, другие – с антисоветизмом – Хрущёв (как десталинизатор) и Ельцин. В наиболее возрастной группе – 60 и выше – тройка антигероев чётко соотносится с представлением о разрушителях советской системы – Горбачёв, Ельцин, Хрущёв. Существенно расходилась в определении антигероев и позиция самой молодой группы, по результатам опроса в которой более всего негативных оценок получил Сталин. Горбачёв при этом в глазах молодёжи утратил образные характеристики однозначного антигероя, получив всего 3% голосов антирейтинга. Сталин, таким образом, занял при опросе среди молодёжной группы одновременно I место как в качестве героя, так и антигероя¹.

Полученный результат указывает на факт радикального ценностного раскола современной российской молодёжи. Одна часть молодёжи апологетически относится к советскому прошлому и считает Сталина героем, другая – резко отрицательно и придерживается антисталинистских позиций. Такая степень поляризации в других поколениях российского общества не прослеживается. Потенциально такой раскол угрожает гражданскими конфликтами при сценарии политических потрясений.

Респондентам опроса было предложено дать до трёх ассоциаций, которые у них вызывает образ Советского Союза. Обнаружился широкий спектр различных ассоциаций, включая, например, такие, как «вкусное мороженое» или «ав-

томаты с газировкой». Первые позиции в ассоциативном ряду российского населения заняли следующие формулировки: «вера в светлое будущее» (21%), «положительные эмоции» (13%), «детство, юность, молодость» (11%), «многонациональная страна» (10%). Из негативных коннотаций максимальную позицию получил образ «дефицит, очереди в магазинах, талоны» (5%). Положительные ассоциации явно доминировали, и удельный вес коннотаций оказывался в обществе незначительным. Показательно, что тема репрессий не преодолела даже условный 2% уровень².

Анализ результатов опросов Левада-центра

Сожалуют ли россияне о распаде СССР? Начиная с 1992 г. Левада-центр задаёт такой вопрос в периодически осуществляемых социологических исследованиях. Результаты опросов позволяют дать на него однозначно положительный ответ. Никогда за время опросов количество сожалеющих о распаде не было меньше численности тех, кто о нём не сожалел. Россияне, как следует из первого опроса, проведённого в марте 1992 г., т. е. всего через 3 месяца после гибели Советского Союза, были исходно против его ликвидации. Удельный вес сожалеющих по состоянию на март 1992 г. составлял 66%, тогда как относящихся без сожаления – только 23%. За 1990-е гг. доля лиц негативно относившихся к распаду СССР ещё более возросла, достигнув к 2000 г. отметки в 75%³.

Минимум принявших распад Советского Союза пришёлся на 1999 г. и со-

¹ Память об СССР: Гагарин против Горбачева // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-gorbacheva> (дата обращения: 06.12.2021).

² Тридцать лет спустя, или вспоминая и забывая СССР // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tridcat-let-spustja-ili-vspominaja-i-zabyvaja-sssr> (дата обращения: 06.12.2021).

³ Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе // Левада-Центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/> (дата обращения: 06.12.2021).

ставил 16%. В 2000-е гг. на фоне определяемой благоприятной конъюнктурой рынка экономической стабилизацией удельный вес сожалевших о распаде СССР сокращался, а несожалевших возрастал, что соотносилось с прогнозом о преодолении со временем симпатий к советскому прошлому. Рубежной датой оказался в этом отношении 2007 г., когда удельный вес симпатизантов составил 55%, а противников – 36%. Такие показатели, в отличие от показателей 1990-х гг., уже не позволяли говорить однозначно о доминанте советских симпатий.

Разразившийся в 2008 г. мировой финансовый кризис, смена персоналии на высшем президентском уровне и началом новой фазы «холодной войны» в связи с войной в Южной Осетии явились факторами, оказавшими влияние на историческое сознание российского населения. В период 2008–2016 гг. фиксируются колебания в сторону усиления и снижения симпатий к Советскому Союзу. Больше всего симпатизантов СССР в период 2002–2015 гг. показывали опросы 2008, 2009 и 2013 гг. – от 57% до 60%. Доля лиц заявляющих, что они не сожалеют о распаде Советского Союза, установилась примерно на одном показателе, варьирующемся в диапазоне на уровне погрешности – от 28% до 32%. Исключение составляли только результаты опросов 2012 и 2015 гг. – 36% и 37% соответственно. Несмотря на фиксируемые колебания, симпатии российского населения к СССР в целом сохранялись. Доля же лиц, которые не сожалеют о распаде Советского Союза, оказывалась за всё время опросов за исключением 3 лет ниже условного уровня в треть от общей численности респондентов.

Опросы Левада-центра с 2016 г. фиксируют начало нового этапа в развитии исторического сознания российского социума, определяемого тенденцией новых симпатий к СССР. По результатам последних опросных данных в 2018 и 2020 гг., доля лиц, сожалеющих о распаде

Советского Союза, составила 66 и 65%, тогда как несожалеющих – 25 и 26% соответственно. Фактически показатели отношения к СССР вернулись к уровню начала и середины 1990-х гг. Предположение, что доля симпатизантов СССР будет снижаться, оказалось ошибочным¹.

Уточняющий вопрос Левада-центра о причинах сожаления в связи с распадом СССР не даёт возможности точно оценить позицию общества ввиду односторонности вопросов. Предложенные респондентам версии ответов главным образом были сосредоточены на утрате государственного единства, тогда как тема отказа от советской идеологии и смены социальной модели ими не затрагивалась. Единственным вариантом ответа, не сопряжённым с темой государственного единства, являлась позиция, что вследствие упразднения СССР возросло взаимное недоверие и ожесточённость. Не оказалось, в частности, среди вариантов ответа версий об обнищании значительной части общества, возрастании неравенства, снижения социальной защищённости, утраты ценностных идеалов и т. п.

По результатам последнего из опросов (февраль 2020 г.) первые 3 позиции в объяснении сожаления в связи с распадом СССР распределились следующим образом:

1. 52% – «люди потеряли чувство принадлежности к великой державе»;
2. 49% – «разрушена единая экономическая система»;
3. 37% – «возросли взаимное недоверие и ожесточённость».

Со времени первого соответствующего опроса марта 1999 г. первая и вторая версия ответов несколько раз менялись местами. В целом позиция о единстве экономической системы обнаружила

¹ Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе // Левада-Центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/> (дата обращения: 06.12.2021).

тенденцию к снижению (в 1999 г. её под-держивало 60%), а сожаление об утрате чувства принадлежности к великой державе – к возрастанию (в 1999 г. она под-держивалась только 29% респондентов, что соответствовало III месту). Рост за-просов на великодержавие может быть объяснён контекстом «новой холодной войны». Показательно в этой связи, что соответствующая версия ответа полу-чила максимум по результатам опроса в ноябре 2014 г., что было, очевидно, со-пряжено с резонансом воссоединения Крыма с Россией.

Принятая в учебной литературе и установленная как нормативная Исто-рико-культурным стандартом позиция о предопределённости распада Советского Союза большинством российского на-селения не принимается. Это наглядно прослеживается по проводимым с фев-ряля 1998 г. опросам Левада-центра. По всем результатам опросов, доля тех, кто считал, что распад СССР можно было избежать, существенно опережала удель-ный вес респондентов, считавших его неизбежным. По разным годам опроса популярность позиции о предопреде-лённости гибели Советского Союза на-ходилась в диапазоне от 24 до 39%, в то время как позиция о непредопределён-ности поддерживалась в интервале от 48 до 65%. Последние результаты опроса Лева-да-центра показывают рост сторонников точки зрения, что распада СССР можно было избежать. Если в ноябре 2017 г. та-кой позиции придерживалось 52% ре-спондентов, то в ноябре 2018 г. – уже 60%, а в феврале 2020 г. – 63%. Снизилась с 39% (2015 г.) до 26% (2020 г.) доля считающих гибель СССР исторически неизбежной¹.

Резкое расхождение представле-ний общества с официальной позицией школьной учебной литературы актуали-

зирует вопрос о целесообразности пере-смotra подходов к советскому периоду Историко-культурного стандарта. Либо позиция большинства населения долж-на быть отвергнута как ненаучная с со-ответствующими аргументами против общественного мифа (в т. ч. объяснением его устойчивости и роста популярности), либо следует пересмотреть сам Стандарт, признав приверженность его разработчи-ков определённой идеологической схеме².

Наиболее индикативными с точки зрения выявления ценностных предпо-чтений российского общества имели ре-зультаты опроса Левада-центра февраля 2020 г. Впервые респондентам задавался вопрос: «Считают ли они советскую эпо-ху лучшим временем в истории страны в целом?». Тысячелетняя история Рос-сии включает ряд исторических эпох, и 70-летний советский интервал не зани-мает в ней по продолжительности сколь-бы то ни было доминантное положение. Положительный ответ на поставленный вопрос подразумевал, что период СССР ставится обществом и выше всей дорево-люционной истории, и выше современ-ной модели жизнеустройства. Результат был следующим:

- 37% – определённо согласны;
- 38% – скорее, согласны;
- 13% – скорее, не согласны;
- 5% – определённо не согласны;
- 6% – затруднились ответить.

Совокупно доля «определённо соглас-ных» и «скорее, согласных» с признани-ем её лучшей составила 75% против 18% «определённо несогласных» и «скорее, несогласных». Этот результат означает, что историческое сознание российского социума остаётся на настоящее время со-ветскоцентричным³.

² Историко-культурный стандарт [Электронный ресурс]. URL: http://istorik-samara.ru/files/Istoriko-kulturnyj_standart.pdf (дата обращения: 06.12.2021).

³ Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе // Левада-Центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/> (дата обращения: 06.12.2021).

¹ Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе // Левада-Центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/> (дата обращения: 06.12.2021).

Левада-центр посредством опроса попытался выявить ассоциативный ряд, вызываемый образом СССР. Эксперимент не очень удался, т. к. респонденты сами перечисляли ассоциации, и максимальная позиция набрала всего 16% голосов. Какие же были лидирующие в опросе версии ответов:

1. «Стабильность, порядок, уверенность в завтрашнем дне» – 16%;
2. «Хорошая жизнь (хорошие времена, было лучше, чем сейчас, легче жилось)» – 15%;
3. «Собственная жизнь (детство, молодость, родители)» – 11%;
4. «Коммунистическая идеология (партия, пионеры, социализм, коммунистические лозунги)» – 8%.

Первые позиции получили позитивные коннотации. Наибольший удельный вес из негативных коннотаций получила позиция о дефиците, очередях и талонах при СССР (4% голосов). Совокупно негативные коннотации присутствовали в 8% анкет. Позитивные ассоциации с Советским Союзом в современном российском обществе, судя по результатам опроса, явно доминируют¹.

Важным в определении генезиса советских симпатий являлся уточняющий вопрос об источнике информации об СССР:

1. 61% респондентов – личный опыт;
2. 51% – через устную историю (от родителей и близких родственников), обучение, СМИ, произведения культуры;
3. 17% – на уроках в школе, лекциях в вузе / колледжах.

Из результатов опроса можно сделать вывод, что симпатии к СССР в современной России являются далеко не только проявлением чувств ностальгии. У значительной части общества – не живших при СССР или живших в детском возрас-

те – они складываются опосредованно. Важнейшим же источником симпатий оказывается не публичный дискурс, а воспоминания родителей или других старших родственников, т. е. устная история².

Исследования

Фонда общественного мнения

Опросы Фонда общественного мнения подтверждают выводы о тенденциях изменения исторического сознания, полученных по результатам мониторинга ВЦИОМ и Левада-центра.

Респондентам было предложено перенестись в 1991 г. и дать оценку, какие чувства испытало большинство населения (обрадовалось или огорчилось), получив информацию о подписании Беловежского соглашения о ликвидации СССР. По оценке 61% россиян, тогда население России восприняло эту информацию негативно. Только 7% предположило, что соответствующее известие было воспринято в 1991 г. положительно. То, что информация о Беловежском соглашении не вызвала ни положительных, ни отрицательных эмоций, указало 15% опрошенных. В сравнении с аналогичным опросом 2014 г. доля тех, кто в 2021 г. считает, что распад СССР был воспринят негативно, возросла на 5%. Фактически, как показали другие опросные позиции, респонденты переносили свои оценки на взгляды населения в тридцатилетней ретроспективе. Вместе с тем понимание того, что советское население в большинстве было против ликвидации СССР, указывает на признание недемократичности процесса десоветизации³.

Опросы ФОМ по выявлению доли лиц, сожалеющих о распаде СССР, коррелируются с опросами Левада-центра. На 1992 г. удельный вес сожалеющих о распаде Советского Союза составлял 69% респондентов. За 1990-е гг. этот по-

¹ Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе // Левада-Центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/> (дата обращения: 06.12.2021).

² Там же.

³ 30-летие Беловежских соглашений // ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14665> (дата обращения: 06.12.2021).

казатель ещё более возрос, достигнув в 1999 г. 85%. Не сожалело, согласно опросу 1999 г., о распаде СССР только 11%. Далее удельный вес симпатизантов Советского Союза снижался, достигнув минимума в декабре 2011 г. – 51%. Трудно не связать эти показатели с совпавшей по времени волной оппозиционных выступлений. Однако за всё время опросов доля лиц, заявляющих, что не сожалеют о распаде СССР, не превысила уровень в 26%. Начиная с опроса января 2014 г., фиксируется устойчивый рост удельного веса симпатизирующих Советскому Союзу лиц. По результатам последнего опроса (декабрь 2021 г.) группа симпатизантов СССР имела уже показатель в 62%, тогда как противников – только 21%. Подтверждался вывод, полученный по результатам Левада-центра о симпатиях к советскому прошлому примерно 2/3 российского населения¹.

Вопрос ФОМ о том, распался ли СССР по объективным причинам или вследствие действий тогдашних политиков, может показаться схожим с вопросом Левада-центра о предопределённости гибели СССР. В действительности в основании вопросов лежит разная методология. Вопрос о предопределённости предполагал оценку степени функциональности советской системы. Позиция, согласно которой гибель СССР было возможно избежать, означала признание того, что советская система не была исторически обречена. Постановка вопроса в варианте ФОМ означала соотнесение объективных и субъективных обстоятельств гибели Советского Союза. И те, кто считал, что имелись объективные причины распада СССР, вовсе не обязательно разделяли взгляд о неизбежности его гибели. Тем не менее, и в версии ФОМ большинство респондентов устойчиво высказалось, что Советский Союз распался вследствие действий политиков, а не объективных

причин. Максимальное число респондентов (71%), связывавших распад СССР с действиями политиков, показал первый соответствующий опрос в декабре 2001 г. Далее этот показатель снижался и дошёл в декабре 2011 г. до минимального уровня – 53 %, после чего несколько возрос, достигнув по результатам последнего опроса (декабрь 2021 г.) показателя в 59%. Снижался с 21% (2006 г.) до 15% (2014 г.) и удельный вес респондентов, полагавших наличие объективных причин распада Советского Союза. Правда, по результатам опроса 2021 г. этот показатель обнаружил стремительный и противоречащий тренду подъём до 26%. Но в соотнесении с ростом доли тех, кто считает, что гибель СССР – результат действий политиков, можно сделать вывод о пополнении обеих групп за счёт неопределившихся².

В опросные позиции ФОМ был включён также вопрос по каждой из бывших советских республик – выиграла она или проиграла в связи с распадом СССР. Общий вывод оказывался однозначным: проигравшими являлись все союзные республики. Более других с оценкой о том, что республика проиграла, респонденты сошлись в отношении Украины – 65%. Высокий уровень консолидированности во взгляде о негативных последствиях для страны обнаружился также в отношении среднеазиатских, закавказских республик и Молдавии. Более высоким разброс мнений оказался в отношении государств Прибалтики³.

Большинство российского населения (52%), по данным опроса ФОМ, хотело бы воссоздания СССР. Не желает восстановления Советского Союза – 31%. Основные аргументы в пользу восстановления:

– «жизнь была в целом лучше, легче, проще» – 14%;

¹ 30-летие Беловежских соглашений // ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14665> (дата обращения: 06.12.2021).

² 30-летие Беловежских соглашений // ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14665> (дата обращения: 06.12.2021).

³ Там же.

– «лучше были отношения между людьми, была дружба» – 7%;

– «была стабильность, уверенность в завтрашнем дне» – 7%.

Наиболее распространённым аргументом среди противников восстановления являлась позиция «это бессмысленно, не нужно, невозможно». Фактически вопрос о желании восстановления подменялся в восприятии респондентов вопросом о возможности.

На вопрос же о возможности объединения бывших союзных республик в СССР больше всего голосов получила отрицательная позиция «невозможно» – 47%. Однако при суммировании позиций о возможности объединения всех бывших союзных республик получился близкий показатель – 45%. В этом смысле можно говорить о расколе мнения общества в отношении перспектив реинтеграции. Однако ФОМ при этом не ставил вопроса о восстановлении советской модели и ограничивался темой восстановления единого государства¹.

Заключение

Обращение к материалам мониторинга общественного мнения ведущими социологическими агентствами России подтверждает выдвинутую исследовательскую гипотезу. Большинство российского населения с симпатией относится к советскому периоду истории. Более того, эпоха существования СССР рассматривается как лучший период российской истории, и в этом отношении историческое сознание является советскоцентричным.

Доля симпатизантов Советского Союза составляет приблизительно 2/3 взрослой части населения Российской Федерации. В симпатиях к СССР обнаруживается 2 основные группы сторонников, нетождественных друг другу, хотя и частично совпадающих:

– I группа – сторонники единого государства, в которую входят в т. ч. и «имперцы», «великодержавники», не всегда разделявшие советскую систему ценностей;

– II группа – люди, которых привлекает в советском прошлом идеология и модель общественной организации СССР.

Как правило, в опросах социологических агентств акцентируется позиция I группы, воспринимающей распад Советского Союза преимущественно в качестве геополитической катастрофы. Однако опосредованно вопросы социологических мониторингов позволяют выявить и удельный вес в обществе II группы.

Проведённый анализ даёт основание утверждать, что российское общество по-прежнему остаётся в ценностном аспекте преимущественно просоветским. Полученный вывод позволяет фиксировать факт раскола в аксиологических и идейных позициях между элитой и большинством населения, а также противоречие между моделью современного государственного устройства России и советскими симпатиями российского общества.

Рассмотрение восприятия образа СССР в исторической динамике не подтвердило прогноз об ослаблении симпатий к Советскому Союзу в связи с объективной сменой поколений. Более того, в противоречии с этим прогнозом на современном этапе обнаруживается тенденция ресоветизации. Фиксируется рост популярности советской семантики у значительной части российской молодёжи.

Полученные выводы актуализируют постановку вопроса о целесообразности пересмотра учебной версии взгляда на советский период истории. В настоящее время взгляды на СССР авторов школьных учебников истории и большинства населения существенно расходятся. Имеющий место раскол исторического сознания может иметь в перспективе для

¹ 30-летие Беловежских соглашений // ФОМ : [сайт]. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14665> (дата обращения: 06.12.2021).

России самые негативные последствия. Дабы предотвратить возможные угрозы сложившимся положением, следует с позиций науки вновь обратиться к осмыслению феномена советской цивилизации,

дистанцируясь от установленных в 1990-е гг. обществоведческих идеологических схем.

Дата поступления в редакцию 09.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондар А. В. Социокультурный раскол и развитие российской государственности // Власть. 2009. № 3. С. 9–12.
2. Вдовин А. И. Русская нация в XX веке. Русское, советское, российское в этнополитической истории России. М.: Проспект, 2019. 712 с.
3. Гигаури Е. Н. Юбилейный доклад Римского клуба: «Старый мир обречён. Новый мир неизбежен!» // Вопросы культурологии. 2018. № 2. С. 18–26.
4. Гэмбл Э. Кризис без конца? : крах западного процветания. М.: Высшая школа экономики, 2018. 301 с.
5. Дупак А. А. Образ советского человека в российском кино: социологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 385–402.
6. Жуковский Д. А. Социокультурный раскол в российском обществе с позиций цивилизационного подхода // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 93–96.
7. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М.: Алгоритм, 2021. 352 с.
8. Казьмина М. В. Отечественная историография второй половины 1980-х гг. – начала XXI века о политическом и социально-экономическом развитии СССР в 1930-е гг. : дисс. ... док. ист. наук. Кемерово, 2006. 446 с.
9. Курган Г. И. Историософия культурно-исторического раскола России от его возникновения до наших дней : дисс. ... док. философ. наук. М., 2006. 389 с.
10. Кургинян С. А. Красная весна. М.: МОФ ЭТЦ, 2015. 384 с.
11. Люкс Л. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М.: Московский философский фонд, 2002. 304 с.
12. Пospelовский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
13. Собянин А. А., Суховольский В. Т. Демократия, ограниченная фальсификациями: Выборы и референдумы в России в 1991–1993 гг. М.: Издательство ИНТУ, 1995. 263 с.
14. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2018. 496 с.

REFERENCES

1. Bondar A. V. [Sociocultural split and the development of Russian statehood]. In: *Vlast* [Power], 2009, no. 3, pp. 9–12.
2. Vdovin A. I. *Russkaya natsiya v XX veke. Russkoe, sovetskoe, rossiiskoe v etnopoliticheskoi istorii Rossii* [Russian nation in the 20th century. Russian, Soviet, Russian in the ethnopolitical history of Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 712 p.
3. Gigaury E. N. [Anniversary report of the Club of Rome: «The old world is doomed. A new world is inevitable!»]. In: *Voprosy kulturologii* [Cultural studies], 2018, no. 2, pp. 18–26.
4. Gembl E. *Krizis bez kontsa? : krakh zapadnogo protsvetaniya* [Crisis without end? The unravelling of western prosperity]. Moscow, High School of Economics Publ., 2018. 301 p.
5. Dupak A. A. [The image of the Soviet man in Russian films: a sociological analysis]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology], 2019, vol. 12, no. 4, pp. 385–402.
6. Zhukovsky D. A. [Socio-cultural split in the Russian society from the perspective of the civilizational approach]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 22, pp. 93–96.
7. Zinovev A. A. *Kommunizm kak realnost* [The Reality of Communism]. Moscow, Algoritm Publ., 2021. 352 p.

8. Kazmina M. V. *Otechestvennaya istoriografiya vtoraya polovina 1980-kh gg. – nachala XXI veka o politicheskom i sotsialno-ekonomicheskom razvitii SSSR v 1930-ye gg.: diss. ... dok. ist. nauk* [Domestic historiography of the second half of the 1980s – the beginning of the 21st century on the political and socio-economic development of the USSR in the 1930s. : D. thesis in History of Sciences]. Kemerovo, 2006. 446 p.
9. Kurgan G. I. *Istoriosofiya kulturno-istoricheskogo raskola Rossii ot ego vznikeniya do nashikh dni : diss. ... dok. filosof. nauk* [Historiosophy of the cultural and historical split of Russia from its origin to the present day : D. thesis in Philosophy]. Moscow, 2006. 389 p.
10. Kurginyan S. A. *Krasnaya vesna* [Red spring]. Moscow, MOF ETTS Publ., 2015. 384 p.
11. Lyux L. *Tretii Rim? Tretii Reikh? Tretii put? Istoricheskie ocherki o Rossii, Germanii i Zapade* [Third Rome? Third Reich? Third way? Historical essays on Russia, Germany and the West]. Moscow, Moskovsky filosofsky fond Publ., 2002. 304 p.
12. Pospelovsky D. V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p.
13. Sobyenin A. A., Sukhovolsky V. T. *Demokratiya, ogranichennaya fal'sifikatsiyami: Vybory i referendumy v Rossii v 1991–1993 gg.* [Democracy Limited by Fraud: Elections and Referendums in Russia in 1991–1993]. Moscow, Izdatelstvo INTU Publ., 1995. 263 p.
14. Harari Y. N. *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow* (Rus. ed.: A. Andreev, transl. *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego*. Moscow, Sindbad Publ., 2018. 496 p).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Baghdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Восприятие СССР в историческом сознании современного российского социума: тенденции ресоветизации (по материалам социологических опросов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С...
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-7-19

FOR CITATION

Baghdasaryan V. E. Perception of the USSR in the Historical Consciousness of Modern Russian Society: Trends in Re-Sovietization (Based on Sociological Surveys). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp...
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-7-19

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-20-29

СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СТАЛИН, ГЛОБУС И ВИНТОВКИ

Шульц Э. Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Понять механизмы возникновения и укоренения мифов о Великой Отечественной войне в массовой культуре и массовом сознании последних 70 лет.

Процедура и методы. Анализ мемуаров и выступлений людей, сформировавших представления о Великой Отечественной войне в 1960–1980-х гг. в контексте исторического времени.

Результаты. Анализ целой группы популярных мифов, созданных Н. С. Хрущёвым, которые сохраняют востребованность до сегодняшнего дня, позволяет понять механизмы формирования этих мифов и их удобства для массового сознания и массовой культуры; получить иную, более реалистичную, картину Великой Отечественной войны и представлений об СССР как о государстве, которое смогло подготовиться к этой войне и победить в ней.

Теоретическая и/или практическая значимость. Понимание причин и механизмов формирования бытующих мифов о Великой Отечественной войне позволяет избавиться от стереотипных взглядов на неё, посмотреть иначе на действия руководства страны и армии, переосмыслить боевую готовность и потенциал РККА, чьи поражения были связаны не с простыми клише, наиболее устраивающими политическую и военную элиту 60–80-х гг. XX в. и массовое сознание, а с целым набором сложных факторов, которые требуют изучения.

Ключевые слова: образы СССР, образы ВОВ, ВОВ в современной общественной мысли

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43023.

STEREOTYPICAL IMAGES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: STALIN, GLOBE AND RIFLES

E. Shults*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To understand the mechanisms of emergence and rooting of myths about the Great Patriotic War in mass culture and mass consciousness of the last seventy years.

Methodology. Analysis of memoirs and speeches of people who formed ideas about the Great Patriotic War in the 1960–1980s in the context of historical times.

Results. The analysis of a whole group of popular myths created by N. S. Khrushchev, which still remain popular, allows us to understand the mechanisms of the formation of these myths and their convenience for mass consciousness and mass culture. It also enables us to get a different, more realistic, picture of the Great Patriotic War and ideas about the USSR as a state that was able to prepare for and win this war.

Research implications. Understanding the causes and mechanisms of the formation of still existing myths about the Great Patriotic War allows us to get rid of stereotypical views on this war, look differently at the actions of the leadership of the country and the army, re-think the combat readiness and potential of the Red Army, whose defeats were associated not with those simple clichés which were the most satisfying for political and military elite of the 1960–1980s and mass consciousness, but with a whole set of complex factors that require studying.

Keywords: images of the USSR, images of the Second World War, the Second World War in modern public thought

Acknowledgments. This research was supported by an RFBR grant no. 21-09-43023.

Введение

Образ СССР в исторической памяти современных поколений во многом формируется образами Великой Отечественной войны, поэтому исследование стереотипов и исторических мифов об этой войне имеет безусловную актуальность и для отечественных социальных наук, и для общественной мысли [7; 8; 9; 11].

Большинство представлений о Великой Отечественной войне, актуальных и сегодня, было сформировано во второй половине 1950–1960-х гг., когда переосмыслился т. н. «культ личности Сталина». Маршалы и генералы Победы стали создавать свои версии войны в мемуарах, а художественная литература и кинопроизводство множили различные штампы и стереотипы.

Причины поражений РККА в первые месяцы войны и взгляды на войну, заложенные в этот период, сохраняются до сегодняшнего дня и в научной литературе [4, с. 84]. Для осмысления основ массовых стереотипов необходимо понять время их возникновения и причины.

Политические элиты и мифы о войне 1960-х гг.

Н. С. Хрущёв после смерти И. В. Сталина занимал место ниже пятого в иерархии политических лидеров страны и шансов на власть не имел. Единственным шансом представлялось выдвижение повестки альтернативной действующему руководству страны. Именно выдвижение антисталинской повестки дало возможность Хрущёву противопоставить

себя действующему руководству и выиграть борьбу за власть. Одну из ключевых ролей в создании этой повестки сыграло переосмысление взглядов на поражения на начальном этапе Великой Отечественной войны и дальнейших победах в ней.

Тяжелейший вопрос, как армия-победитель могла откатываться до Москвы и нести тяжелейшие потери, вместо анализа и объективных ответов, получил простые, политически мотивированные ответы. Н. С. Хрущёв сформулировал эти ответы уже в докладе на закрытом заседании XX съезда КПСС:

1. армия технически не была готова к войне;

2. проблемы РККА усиливались в связи с репрессиями кадров командного состава;

3. Сталин не верил многочисленным сообщениям о начале войны 22 июня 1941 г.;

4. из-за отказа Сталина верить в нападение Гитлера не были выведены войска к границе, не было приказа отражать нападение¹.

Эти ответы легко ложились на массовое сознание по причине их простоты и кажущейся объективности. Именно эти постулаты вместе с нетерпимостью и жестокостью генералиссимуса, его личными ошибками и слабым составом, заградотрядами и проблемами с вооружением, где советский народ выиграл войну во

¹ Из доклада Н. С. Хрущёва на закрытом заседании XX съезда КПСС // СССР–Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. / сост. Ю. Фельштинский. 1983. С. 252–255.

многим не благодаря, а вопреки власти и командному составу армии, вошли в мемуарную литературу, художественную литературу, киноленты 1960–1980-х гг. и продуцируются до сегодняшнего дня.

Мифы Хрущёва оказались стойкими и действенными для интеллигенции и масс, однако почему их поддержал генералитет?

Генералитет РККА имел обиду на власть: за непризнание или недостаточное признание, за признание других, за собственные ошибки и провалы (скелеты в шкафу, которые были у каждого). Во многом эту обиду подметил и выразил Хрущёв: мол, нельзя сводить командующих армиями и фронтами до положения исполнителей, когда им присылают приказы Ставки и представителя Ставки¹.

Генералы и маршалы войны продолжали соревноваться между собой уже в новых реалиях в своих мемуарах². Меж-

личностные отношения этого генералитета сформировались в предвоенные годы и в годы войны, где присутствовали конкуренция, антипатия и даже открытая вражда, зависть к успехам, обида как к несправедливо обойдённому – обычные человеческие эмоции и отношения. Это нужно понимать, обращаясь к запискам, мемуарам, различным выступлениям и вопросу, почему генералы и маршалы поддерживали Хрущёва, клевету и опалу на целый ряд маршалов Победы (Жуков, Василевский и др.) и новые формируемые мифы о войне.

С точки зрения анализа мемуарной литературы как исторического источника, необходимо понимать, что мемуары – это литературное произведение, написанное человеком (или людьми) уже после свершившихся событий, которые отталкиваются от иной современности и, соответственно, иначе оценивают прошедшую современность и подбирают фактуру, делают акценты и расставляют приоритеты.

Многие стереотипные образы о войне запустил в своих выступлениях 1956–1957 гг. Г. К. Жуков, поэтому интересна эволюция взглядов самого Жукова.

В 1956 г. Жуков говорил об отсталости техники РККА перед войной³, а во второй половине 1960-х (после смещения Хрущёва) – уже о передовой технике, с которой РККА подошла к войне⁴. Маршал на пленуме ЦК КПСС в мае 1956 г. обвинил Сталина в малом количестве механизированных соединений, что с его подачи попытались исправить только зимой 1941 г. (формирование новых 20 корпусов за счёт конных частей), и это запоздалое решение стало причиной поражений в приграничных сражениях и

¹ Выступление Н. С. Хрущёва на собрании партийного актива Центральных управлений министерства обороны, Московского военного округа, Московского округа ПВО, 22 октября 1957 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 192.

² Письмо Г. К. Жукова В. Д. Соколову, 2 марта 1964 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 518–519; Письмо Г. К. Жукова В. Д. Соколову, 7 января 1964 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 503–514; Письмо Г. К. Жукова К. К. Рокоссовскому, 29 апреля 1965 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 540–541; Письмо Г. К. Жукова Н. С. Хрущёву, 18 апреля 1964 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 497–500; Письмо Г. К. Жукова Н. С. Хрущёву и А. И. Микояну, 27 февраля 1964 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 495–497; Пленум Центрального комитета КПСС. Октябрь 1957 г. Стенограмма // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 235–400.

³ Проект выступления Г. К. Жукова на Пленуме ЦК КПСС, [не позднее 19 мая 1956 г.] // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 141.

⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 296–297.

отступлений первых месяцев войны¹. Это утверждение стало штампом для всей последующей литературы и устойчивым образом в массовом сознании, при том, что сам Жуков впоследствии признавал ошибочность своих утверждений². В 1956 г. Жуков уверяет, что Сталин ошибочно не прислушался к донесениям о дате нападения на СССР, что если бы войска в приграничной зоне вовремя были бы приведены в полную боевую готовность, необходимые войска выведены к границе, то всё могло бы сложиться по-другому³. Сравните с тем, что пишет Жуков в мемуарах через 10 лет⁴: то ли Георгий Константинович уже не связан политической нуждой, то ли с возрастом и временем приходит переосмысление, но он пересматривает все высказанные положения⁵.

Используя Жукова в качестве тарана на «сталинскую гвардию», Н. С. Хрущёв достаточно быстро и самого маршала записал в виновники поражений. Теперь Жукову вменяли всё то, в чём он сам обвинял Сталина на XX съезде и после него, а обвинителями выступали Хрущёв, другие маршалы и генералы войны⁶. Роль Жукова в операциях стала принижаться

или отрицаться, маршала обвиняли в отрицании значения техники для армии, торможении развития РККА, плохом вооружении и неготовности к войне и т. д.⁷

Новая реальность о войне формирует свои причинно-следственные связи, ищет своих героев и антигероев и регулярно их меняет.

Ярким продуктом нового мифотворчества стали мемуары маршала А. И. Ерёменко, опубликованные в 1959 г., в которых он создаёт «красочную» картину неготовности армии к войне и главной проблеме поражений в отсутствии приказа 22 июня⁸. В той конъюнктуре был неуместен вопрос: а в чём были причины поражений Ерёменко с Брянским фронтом, когда неожиданности уже не было?

Ещё раз обращая внимание на специфику мемуарной литературы, отметим, что А. И. Ерёменко был сильно обижен на оценку его действий Сталиным и назначение Рокоссовского командующим наступательной операции под Сталинградом⁹. Как писал немецкий офицер из

¹ Проект выступления Г. К. Жукова на Пленуме ЦК КПСС [не позднее 19 мая 1956 г.] // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 138.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 205.

³ Проект выступления Г. К. Жукова на Пленуме ЦК КПСС [не позднее 19 мая 1956 г.] // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 138–140.

⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 233.

⁵ Там же. С. 296–298; Проект выступления Г. К. Жукова на Пленуме ЦК КПСС [не позднее 19 мая 1956 г.] // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 141–143.

⁶ Пленум Центрального комитета КПСС. Октябрь 1957 г. Стенограмма // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 235–400.

⁷ Письмо Г. К. Жукова Н. С. Хрущёву, 18 апреля 1964 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 497–500; Письмо Г. К. Жукова Н. С. Хрущёву и А. И. Микояну, 27 февраля 1964 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 495–497.

⁸ Еременко А. И. На Западном направлении. М., 1959. С. 10.

⁹ Директива Ставки ВГК № 170634 командующему войсками Сталинградского фронта об обороне Сталинграда, 5 октября 1942 г. // Русский Архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы, 1942 г. Т. 16 (5-2). М.: ТЕРРА, 1996. С. 410; Письмо Г. К. Жукова В. Д. Соколову, 7 января 1964 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 512; Письмо Г. К. Жукова Н. С. Хрущёву, 18 апреля 1964 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 512; Пленум Центрального комитета КПСС. Октябрь 1957 г. Стенограмма // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 314–315.

армии Паулюса, «мемуары, в конечном счёте, пишут для самооправдания»¹.

Интересен спор между редакциями «Военного Вестника» и «Красной Звездой» в 1956 г. по вопросу утверждений о неготовности РККА к войне, представлений её действий на начальном этапе как разрозненных подразделений и реакцию Жукова, который вынужден отстаивать позиции XX съезда². Но, попав в опалу, Георгий Константинович сменит свою позицию, начнёт критиковать и обращать внимание на серьёзные неточности и даже фальсификации в мемуарах³.

Хрущёв старательно сваливал вину за Харьковскую катастрофу 1942 г. на Сталина, и в этом процессе должен был пострадать Василевский, который «не доложил» и «не настоял»⁴.

Обращает на себя внимание мнение

Жукова о Хрущёве, когда политические интересы уже не требовали его поддерживать: «Он же был членом Военного совета Юго-Западного направления. Меня можно ругать за начальный период войны. Но 1942 год – это же не начальный период войны. Начиная от Барвенкова, Харькова, до самой Волги докатился. И никто ничего не пишет. А они вместе с Тимошенко драпали»⁵.

Возвеличивание роли Хрущёва в войне (прямая фальсификация его участия и роли в различных событиях) коснулось даже мемуаров К. К. Рокоссовского⁶.

В конце 1960-х Жуков записывает уже следующую мысль: «Нет ничего проще, чем, когда уже известны все последствия, возвращаться к началу событий и давать различного рода оценки. И нет ничего сложнее, чем разобраться во всей совокупности вопросов, во всём противоборстве сил, противопоставлении множества мнений, сведений и фактов непосредственно в данный исторический момент»⁷.

В 1964 г. Г. К. Жуков уже несколько иначе оценивал «простой вопрос» об обмане Гитлером Сталина в своих намерениях развязать войну, и как руководство страны пропустило «многочисленные надёжные предупреждения» о начале войны 22 июня 1941 г.⁸ В 1965 г. Жуков уже выговаривал Рокоссовскому, что тот принижает роль Верховного главнокомандующего⁹.

¹ Видер И. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М.: Вече, 2010. С. 136.

² Записка Г. К. Жукова в ЦК КПСС об освещении в печати начального периода Великой Отечественной войны, 12 мая 1956 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 133–134; Начальнику Главного политического управления Министерства обороны СССР генерал-полковнику тов. Желтову А. С. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 135–137.

³ Письмо Г. К. Жукова В. Д. Соколову, 7 января 1964 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 503–514; Письмо Г. К. Жукова К. К. Рокоссовскому, 29 апреля 1965 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 540–541; Письмо Г. К. Жукова Н. С. Хрущёву, 18 апреля 1964 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 497–500; Письмо Г. К. Жукова Н. С. Хрущёву и А. И. Микояну, 27 февраля 1964 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 495–497.

⁴ Пленум Центрального комитета КПСС. Октябрь 1957 г. Стенограмма // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 385–386.

⁵ Записка В. Е. Семичастного в ЦК КПСС о настроениях Г. К. Жукова // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 494.

⁶ Письмо Г. К. Жукова К. К. Рокоссовскому, 29 апреля 1965 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 540–541.

⁷ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 232.

⁸ Письмо Г. К. Жукова В. Д. Соколову, 2 марта 1964 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 518.

⁹ Письмо Г. К. Жукова К. К. Рокоссовскому, 29 апре-

Примечательны ответы в мемуарах, вышедших после снятия Н. С. Хрущёва, на формируемые в этот период представления.

Маршал Иван Христофорович Баграмян в мемуарах пишет: «В начале войны частенько можно было слышать критику в адрес высших военных органов, конструкторов и руководителей оборонной промышленности за их кажущееся отставание в создании новых видов боевой техники. Так могли говорить люди, имевшие очень смутное представление об истинном положении вещей»¹. Фраза «в начале войны» не должна вводить в заблуждение – это фигура речи в дискуссии, эти утверждения занимали серьёзные позиции и в мемуарах, и в масскульте.

А вот что писал генерал армии С. М. Штеменко: «Иные говорят, что мы совсем не были готовы к отражению нападения противника, что армия наша воспитывалась в расчёте на легкую победу. И хотя подобного рода высказывания принадлежат, как правило, людям невоенным, вокруг них громоздится обычно непролазный часток кол мудрёной специальной терминологии. Утверждается, например, что из-за неверного якобы понимания характера и содержания начального периода войны у нас неправильно обучались войска боевым действиям именно в этот период»².

Как высказывался Г. К. Жуков, находясь в опале, когда уже отошёл от всех заявленных им в 1950-х причинах проблем РККА и её поражений, о созданной истории Великой Отечественной войны, «это не история, которая была, а история, которая написана»³.

ля 1965 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 541.

¹ Баграмян И. Х. Так начиналась война. К.: Политиздат Украины, 1988. С. 66.

² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. В дни огорчений и побед. Кн. 1. М.: Вече, 2014. С. 21.

³ Записка В. Е. Семичастного в ЦК КПСС о настроениях Г. К. Жукова // Георгий Жуков. Стенограмма

Три популярных и показательных мифа

Для того, чтобы глубже понять механизмы возникновения запущенных в период Хрущёва мифов о Великой Отечественной войне, разберем 3 положения, созданные Хрущёвым, популярные до сегодняшнего дня:

1. Сталин впал в прострацию с началом войны и несколько дней страной управляли другие люди⁴;

2. Сталин разрабатывал операции на глобусе⁵;

3. серьёзная нехватка вооружений у РККА перед войной⁶.

Что касается утверждения Хрущёва, что Сталин впал в прострацию с началом войны и несколько дней страной управляли другие люди⁷, то те, кто мог опротестовать это утверждение (т. к. согласно журналу посещений были на совещаниях у Сталина) не присутствовали на заседании: были сняты с государственных и партийных должностей (Власик, Молотов, Каганович), умерли (Берия, Ватутин, Вознесенский, Меркулов, Мехлис) или не стали этого делать по личным и политическим соображениям (Ворошилов, Жигарев, Тимошенко). Однако сегодняшний исследователь может обратиться к журналу записи лиц, принятых Сталиным, за период 22–27 июня.⁸ При этом образ напуганного и отстранившегося Сталина – доминанта в масскульте и сегодня и часто встречается даже в научной литературе.

октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 494.

⁴ Из доклада Н. С. Хрущёва на закрытом заседании XX съезда КПСС // СССР–Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. / сост. Ю. Фельштинский. 1983. С. 256.

⁵ Там же. С. 257.

⁶ Там же. С. 253.

⁷ Там же. С. 256.

⁸ Выписка из журналов записи лиц, принятых И. В. Сталиным // 1941 год: в 2 кн. Кн. 2 / сост. Л. Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 428–430.

Утверждение о том, что Сталин разрабатывал операции на глобусе,¹ являлись настолько кричащей и откровенной ложью, что высокопоставленные участники войны пропустить её не смогли, и в мемуарах 1960-х эта история с глобусом часто высмеивается. Однако стереотипный образ не очень образованного (и даже глуповатого) Сталина до сих пор регулярно пробивается в художественных произведениях и даже научных, несмотря на то, что он принципиально расходится с описаниями Сталина, оставленными людьми, близко работавшими с ним².

В вопросе о нехватке вооружений у РККА перед войной Никита Сергеевич договаривается даже до того, что РККА не хватало артиллерии и даже винтовок³. Это противоречило массиву документов о наличии всех видов вооружений в РККА и статистикой производства в СССР. Так, на 1 июня 1941 г. в РККА (включая ВМФ, ВМС, а также призванных из резерва на большие учебные сборы) числилось 5 434 729 военнослужащих, которые имели на вооружении 7 640 546 винтовок и карабинов (т. е. на 2,2 млн штук больше, чем численность военнослужащих), кроме того, 250 тыс. ручных и станковых пулемётов и 90 тыс. пистолетов-пулемётов («автоматы»). Что касается артиллерийского вооружения, то РККА обладала

54 тыс. орудий (калибр от 45 мм и выше) и 54 тыс. миномётов (калибр от 50 мм и выше)⁴.

И если память свидетелей можно подправить, то со статистикой сложнее. Добавим, что в войне против Японии (август 1945 г.) на 1 747 465 человек личного состава было 984 800 винтовок и карабинов, и это количество никто не считал недостаточным для армии (плюс 316 476 пистолетов-пулемётов и 67 944 станковых и ручных пулемётов) [3, с. 197].

Хрущёв «в борьбе со статистикой» прибегает к одному приёму: он использует примеры нехватки оружия в период июля-сентября 1941 г. (когда РККА потеряла вооружение в приграничных боях) для того, чтобы создать картину неподготовленности к войне в вопросе вооружений⁵. Так, на октябрьском 1957 г. Пленуме ЦК Хрущёв представил дело так, что когда он при обороне Киева просил оружие для ополченцев, ему отказали, сказав, что оружие есть только для ленинградцев⁶. Здесь в концепции явно существует «логическая дыра»: либо в Киев ошибочно стягивались крупные силы и средства для обороны, либо «не хватало винтовок»). Положение о войне чуть ли не голыми руками или с одним штыком вошло в художественные произведения (характерно, что мемуарная литература 1960-х почти не использует этот шаблон). Примечательно, что Жуков в мемуарах в 1969 г. уже приводит огромные цифры поставок вооружений в армию с 1939 г.

¹ «Следует заметить, что Сталин разрабатывал операции на глобусе (оживление в зале). Да, товарищи, он обычно брал глобус и прослеживал на нём линию фронта» (Из доклада Н. С. Хрущёва на закрытом заседании XX съезда КПСС // СССР-Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. / сост. Ю. Фельштинский. 1983. С. 257).

² Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Изд-во пол. лит.-ры, 1983. С. 486–494; Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2008. С. 116–122, 127–129; Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 295–298.

³ Из доклада Н. С. Хрущёва на закрытом заседании XX съезда КПСС // СССР-Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. / сост. Ю. Фельштинский. 1983. С. 253.

⁴ Боевой и численный состав вооружённых сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : стат. сб. № 1 (22 июня 1941 г.). М.: ИВИ МО РФ, 1994. С. 10, 50, 68–76.

⁵ Выступление Н. С. Хрущёва на собрании партийного актива Центральных управлений министерства обороны, Московского военного округа, Московского округа ПВО, 22 октября 1957 г. // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 193.

⁶ Пленум Центрального комитета КПСС. Октябрь 1957 г. Стенограмма // Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2001. С. 385–386.

по 22 июня 1941 г., отмечая большое количество техники новых образцов¹.

Но данные говорят о другом. Во втором полугодии 1941 г. в СССР было произведено от 3 до 4,8 тыс. танков, более 8 тыс. самолётов, почти 17 тыс. орудий и миномётов, почти 2 млн штук стрелкового оружия [2, с. 158; 6, с. 171–172]. Это то вооружение, которое уже в большей части не могло быть оставлено в западных округах.

Нехватка вооружений могла сказываться при отступлении, проблемах подвоза боеприпасов, но массовая картина «одна винтовка на двоих с тремя патронами» и «оружие добудете в бою» не соответствует действительности. Так часто изображают ополченцев под Москвой и даже в период перехода в наступление. Однако в начале декабря 1941 г. (к началу московской наступательной операции) против почти 2 тыс. танков (четверть из них КВ и Т-34), 2 238 боевых самолетов, из которых 1,3 тыс. новых типов [4, с. 272]. Вряд ли в таких условиях не хватало винтовок.

Во многом мифы Хрущёва не были новшеством. Гитлер, например, исходил из того, что Россия только создаёт собственную военную промышленность, которая не способна создавать современ-

ную технику, и что Сталин уничтожил всех способных военачальников, на место которых пришли совершенно неспособные. Эти взгляды сам Гитлер признавал ошибочными уже в 1943 г.²

На сегодняшний день в исторической науке начинает превалировать позиция ошибочности плана Барбаросса и его провала именно в связи с неверной оценкой готовности СССР и его армии к войне [5; 10]. При этом масскульт продолжает продуцировать стереотипы, сформированные в период второй половины 1950-х – 1960-х гг.

Заключение

Итак, анализ целой группы популярных мифов, созданных Н. С. Хрущёвым и сохранивших популярность до сегодняшнего дня, позволяет понять механизмы формирования этих мифов и их удобства для массового сознания и масскульта; получить иную, более реалистичную, картину Великой Отечественной войны и представлений об СССР как государстве, которое смогло подготовиться к этой войне и победить в ней.

Дата поступления в редакцию 14.11.2021

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 205, 206, 209.

² Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания / пер. с нем. Г. Я. Рудой. М.: ТЕРРА, 1996. С. 306.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верт А. Россия в войне 1941–1945 / пер. с англ. Е. А. Болтина. М.: Прогресс, 1967. 774 с.
2. Ермолов А. Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2009. 309 с.
3. История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 11 / гл. ред. А. А. Гречко. М.: Воениздат, 1980. 494 с.
4. История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. / гл. ред. А. А. Гречко. М.: Воениздат, 1975. 536 с.
5. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001. 294 с.
6. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 333 с.
7. Федорченко С. Н. Интерпретация событий Великой Отечественной войны в компьютерных играх: риски и перспективы легитимации режима через политику памяти // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 5. С. 427–438.
8. Шульц Э. Э. Стереотипные образы Великой Отечественной войны: механизированные корпу-

- са // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 4 (29). URL: <https://www.noo-journal.ru/> (дата обращения: 27.09.2021).
9. Шульц Э. Э. Формирование самостоятельности мышления и позиции учащихся на фактах Великой Отечественной войны // Духовное наследие Великой Отечественной войны – важнейший источник духовно-нравственного воспитания молодежи : материалы V международной науч.-образов. конференции «Нестеровские чтения», посвященной Дню Памяти святого преподобного Нестора Летописца, а также празднованию 75-й годовщины победы в Великой Отечественной войне. М.: Принтика, 2020. С. 273–283.
10. Glantz D. M. *Barbarossa. Hitler's Invasion of Russia 1941*. Cheltenham: Tempus Publ., 2001. 256 p.
11. Larionov A., Baghdasaryan V., Fedorchenko S., Shults E. Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia // *Lingcure*. 2021. Vol. 5. № S3. DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830

REFERENCES

1. Vert A. *Russia at war, 1941–1945* (Russ. ed.: Boltin E. A., transl. *Rossii v voine 1941–1945*. Moscow, Progress Publ., 1967. 774 p.).
2. Ermolov A. I. *Tankovaya promyshlennost SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Tank industry of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow, 2009. 309 p.
3. Grechko A. A., ed. *Istoriia Vtoroi mirovoi voiny. 1939–1945. T. 11* [The history of the Second World War, 1939–1945. Vol. 11]. Moscow, Publishing House of the USSR Ministry of Defense, 1980. 494 p.
4. Grechko A. A., ed. *Istoriia Vtoroi mirovoi voiny. 1939–1945. T. 4* [The history of the Second World War, 1939–1945. Vol. 4]. Moscow, Publishing House of the USSR Ministry of Defense, 1980. 536 p.
5. Samuelson L. *Krasnyi koloss. Stanovlenie voenno-promyshlennogo kompleksa SSSR. 1921–1941* [Red colossus. Formation of the military-industrial complex of the USSR. 1921–1941]. M.: AIRO-XX, 2001. 294 p.
6. Simonov N. S. *Voenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiia proizvodstva i upravlenie* [The military-industrial complex of the USSR from the 1920s to the 1950s: economic growth rate, structure, organization of production and management]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 333 p.
7. Fedorchenko S. N. [Interpretation of the events of the Great Patriotic War in computer games: risks and prospects of regime legitimization through memory policy]. In: *Postsovetskie issledovaniia* [Post-Soviet studies], 2020, vol. 3, no. 5, pp. 427–438.
8. Shults E. E. [Stereotypical images of the Great Patriotic War: mechanized corps]. In: *Nauka. Obshchestvo. Oborona* [Science. Society. Defense], 2021, vol. 9, no. 4 (29). Available at: <https://www.noo-journal.ru/> (accessed: 27.09.2021).
9. Shults E. E. [Formation of independent thinking and position of students on the facts of the Great Patriotic War]. In: *Dukhovnoe nasledie Velikoi Otechestvennoi voiny – vazhneishii istochnik dukhovno-nravstvennogo vospitaniia molodezhi : materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-obrazovatelnoi konferentsii «Nesterovskie chteniia», posviashchennoi Dniu Pamiati sviatogo prepodobnogo Nestora Letopistsa, a takzhe prazdnovaniuu 75-i godovshchiny pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [The spiritual heritage of the Great Patriotic War is the most important source of spiritual and moral education for young people : materials of the 5th International Scientific and Educational Conference «Nesterov Readings», dedicated to the Day of Remembrance of St. Nestor the Chronicler, as well as the celebration of the 75th anniversary of the victory in the Great Patriotic War]. Moscow, Printika Publ., 2020, pp. 273–283.
10. Glantz D. M. *Barbarossa. Hitler's Invasion of Russia 1941*. Cheltenham, Tempus Publ., 2001. 256 p.
11. Larionov A., Baghdasaryan V., Fedorchenko S., Shults E. Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia. In: *Lingcure*, 2021, vol. 5, no. S3. DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульц Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: nuap1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard E. Shults – Cand. Sci. (Historical), Assoc. Prof., Department of Middle ages and Modern history of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: nuap1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шульц Э. Э. Стереотипные образы Великой отечественной войны: Сталин, глобус и винтовки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 20–29.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-20-29

FOR CITATION

Shults E. E. Stereotypical images of the Great Patriotic War: Stalin, globe and rifles. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 20–29.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-20-29

УДК 821.161.1:94(470)“20”

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-30-36

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ РАСПАДА СССР

Маслов Д. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить тенденции, характерные для новейшей отечественной литературы, посвящённой причинам, динамике и последствиям распада СССР.

Процедура и методы. Исследование проведено на основе принципов научной объективности, историзма, комплексного изучения с использованием методов классификации, периодизации, компаративного, проблемно-хронологического. Процедура отбора анализируемой литературы базировалась на необходимости обеспечения репрезентативности полученных выводов.

Результаты. Выявлен ряд характерных для современной историографии тенденций изучения проблемы: активизация попыток объективного изучения темы при сохранении высокого эмоционального накала; понимание необходимости комплексного многофакторного подхода к изучению причин распада СССР; сохранение стремления к поиску конкретных виновников происшедшего как внутри СССР, так и за его пределами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Намечены перспективы дальнейшего научного осмысления проблемы, в частности, посредством совершенствования методологии изучения темы. Автор стремился доказать, что в данном случае простые ответы уведут сознание россиян от представления о многомерности общественного процесса и формируют запрос на решение актуальных проблем в плане обеспечения государственного единства России посредством примитивных решений.

Ключевые слова: СССР, распад, исследование, факторы, процесс, литература

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43005.

SOME TRENDS OF THE LATEST RUSSIAN LITERATURE ON THE HISTORY OF THE COLLAPSE OF THE USSR

D. Maslov*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify trends characteristic of the latest Russian literature devoted to the causes, dynamics, and consequences of the collapse of the USSR.

Methodology. The research was conducted on the basis of the principles of scientific objectivity, historicism, comprehensive study involving classification, periodization, comparative and problem-chronological methods. The procedure for selecting the analyzed literature was based on the need to ensure the representativeness of the findings.

Results. A number of trends in the study of the problem characteristic of modern historiography is revealed: activation of attempts to objectively study the topic while maintaining a high emotional intensity; understanding of the need for a comprehensive multifactorial approach to study the causes of the collapse of the USSR; preservation of the desire to find specific culprits of what happened both inside the USSR and outside it.

Research implications. The theoretical significance of the article is that the prospects for further scientific understanding of the problem are outlined, in particular, by improving the methodology of studying the topic. The practical result consists in the author's desire to prove that simple answers in this case lead the consciousness of Russians away from the idea of the multidimensionality of the social process and form a request for solving urgent problems in terms of ensuring the state unity of Russia through primitive solutions.

Keywords: USSR, collapse, research, factors, process, literature

Acknowledgments. The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43005.

Введение

История распада СССР уже 30 лет остаётся весьма востребованным сюжетом в отечественной исторической литературе и общественной мысли в целом. Не утихают дискуссии о причинах, механизмах и последствиях произошедшего.

30 лет – срок немалый и достаточный для подведения определённых итогов исследований данного процесса. Представляемая статья не является обзором историографии по теме¹, её цель – осмыслить некоторые ключевые тенденции последних лет в развитии отечественной литературы по вопросу распада СССР. Необходимость такого осмысления диктуется тем, что в условиях нарастающего потока литературы возникает потребность в упорядочении накопленного исследовательского материала, его классификации. Предстоит также осмыслить особенности последнего этапа историографии темы, что позволит определить актуальные сюжеты и направления дальнейших поисков.

Данная статья написана в жанре размышлений автора о некоторых проблемных вопросах изучения истории распада

СССР. Эти рассуждения могут способствовать пониманию современного состояния изучения темы и наметить новые задачи на данном направлении научных исследований, что и является основной целью статьи.

Для анализа автором отобрано несколько изданий последних 3 лет, которые, как представляется, дают достаточно ясную картину современного знания по проблеме распада СССР.

Анализ тенденций

Говоря о характере изданных трудов, отметим, что среди них встречаются работы документальной, научной и публицистической направленности. Причём в ряде случаев отделить один жанр от другого довольно сложно [3; 4; 6; 7]. Не исчерпано стремление к расширению источниковой базы. Отметим в этом плане сборник интервью с руководителями бывших союзных республик журналиста А. Дубнова [2]. Повторяя иногда уже известные исследователям факты, герои интервью выдают порой свежую, или просто полезную информацию. Так, С. С. Шушкевич представил приглашение Б. Н. Ельцина в Беловежье в декабре 1991 г. всего лишь как стремление выпросить у России нефть и газ [2, с. 37]. Л. М. Кравчук сообщил о том, как М. С. Горбачёв фактически оказал поддержку украинскому «Руху» в противо-

¹ Подробнее анализ историографии см.: Миронов Б. Н. Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 132–147. Но нельзя сказать, что в этой работе по максимуму учтены хотя бы значимые исследования по распаду СССР.

стоянии последнего с партийным руководителем республики В. В. Щербицким [2, с. 56–57]. Экс-президент Эстонии А. Рюйтель рассказал о том, что положительному результату голосования по принятию республикой Декларации о государственном суверенитете в 1988 г. содействовал не кто-нибудь, а первый секретарь ЦК компартии республики В. Вяльяс [2, с. 164]! Грузинский экс-премьер Т. Сигуа привёл факт обращения в 1990 г. к грузинскому и эстонскому руководству неких американских представителей, пообещавших финансовую поддержку этим республикам со стороны США при условии скорейшего проведения ими земельной, жилищной и образовательной реформ [2, с. 182]. Эти и другие «изюминки» добавляют новую информацию для размышлений по вопросам, частично рассматриваемым далее.

Публицистика всё же никак не хочет уступать свои позиции и снижает градус объективности научных исследований. Данный феномен общественного сознания вполне объясним – наше общество и спустя 30 лет после рассматриваемых событий ещё не готово воспринимать их, что называется, с холодной головой. Если не стихли дискуссии о распаде другого государства в нашей истории – Российской империи, чему уже минуло более 100 лет, стоит ли удивляться столь обострённому восприятию гораздо более близких к нам событий, остающихся для многих частью их собственной биографии.

Тем не менее попытки объективно разобраться в произошедшем постепенно пробивают себе дорогу. Сборник статей ИРИ РАН под редакцией С. В. Журавлёва [5] и материалы круглого стола к 30-летию распада СССР [1] являются иллюстрацией реализации данной попытки. В построенном по тематическому принципу сборнике статей осмысление распада СССР осуществляется как изучение процесса, истоки которого необходимо искать во всех сферах общественной жизни. Сборник не является система-

тическим изложением экономических, политических и социальных факторов распада СССР, но важен тем, что фокусирует внимание на некоторых узловых элементах рассматриваемого процесса. И здесь можно отметить ряд полезных для будущих исследователей наблюдений. Так, С. В. Журавлёв в своём материале о роли Советов избегает привычных мантр о бесправии этих структур в советской властной системе и приходит к значимому в методологическом отношении выводу о том, что «полноценную историю Советов невозможно изучать вне связи “Советы+депутаты”, что требует привлечения методик социальной истории, микроистории и соответствующего комплексного подхода к формированию источниковой базы» [5, с. 16]. К вопросу об этапах становления советской власти обращается в упомянутом сборнике и А. К. Соколов, признавший, что до сих пор отсутствует обобщающее исследование, посвящённое истории Советов, а в их изучении продолжают преобладать стереотипы [5, с. 24]. Такая ситуация не может не выглядеть удивительной применительно к системе, чаще всего называемой именно советской.

В статье С. В. Журавлёва намечены и новые подходы к пониманию роли КПСС в советской системе, которую данный исследователь предлагает не отождествлять с партаппаратом и партноменклатурой [5, с. 18]. Действительно, даже мимолётное упоминание компартии СССР в каком-либо тексте до сих пор зачастую сопровождается весьма нелестными комментариями в её адрес, что заметно снижает объективность того или иного исследования.

В качестве ещё одного фактора краха СССР исследователи неоднократно называли теоретическую беспомощность лидеров позднего СССР. Отсутствие адекватной новым условиям теории общественного развития, нежелание или неспособность советских лидеров после сталинского периода научно осмыслить

произшедшие перемены также называются в качестве факторов распада СССР [1, с. 24, 25, 29].

Несмотря на эти попытки беспристрастного анализа, они ещё не определяют общий исследовательский фон на этом направлении. Более того, некоторые пишущие на эту тему специально подчёркивают, что неэмоциональное рассмотрение такого сюжета, как распад СССР, неприемлемо для гражданина своей страны. Так, А. Хинштейн удивляется безразличию к данному сюжету, прибегая к метафорам: «Как можно безболезненно, с улыбкой на устах отсечь у себя часть туловища?». Особенно неприятно поражает Хинштейна «демонстративное безразличие наших либералов». Данный автор упрекает, в частности, Е. Гайдара за то, что тот на 438 страницах одной из своих книг не нашёл возможности хотя бы раз употребить в отношении СССР слова «моя страна» [7, с. 5–6]. Тем самым можно говорить о попытках связать отношение к СССР и его распаду с политическими взглядами исследователей. Однако при этом не ставится вопрос о том, является ли «бездущие» либералов доказательством их научной несостоятельности, что должно интересовать в первую очередь того, кто характеризует чьи-либо взгляды по определённой проблеме.

В ситуации повышенного эмоционального напряжения вокруг темы распада СССР одним из ключевых остаётся принципиальный вопрос о закономерности/предопределённости такого исхода. Исследователи, сожалеющие о распаде Союза, как правило, исходят из того, что такой результат предопределён не был [1]. Примечательно, что даже некоторые из тех, кто упразднял Союз, в своё время не имели предчувствия скорого конца государства. Так, если верить С. С. Шушкевичу, то он этого не подозревал даже по пути в Беловежскую Пушу [2, с. 36]. Экс-премьера Казахстана А. Кажегельдина такое ощущение посетило, с его слов, также лишь в декабре 1991 г. [2, с. 76].

На наш взгляд, вопрос о предопределённости результата какого-либо исторического процесса в рамках исторической науки едва ли разрешим, т. к. в этом случае приходится давать оценку альтернатив, которые не осуществились, и рассуждать о которых можно лишь умозрительно, без опоры на факты [1, с. 31].

В. Ю. Катасонов попытался образно обозначить временной рубеж, после которого распад СССР стал неизбежным: «Думаю, что разгон был таков, что, наверное, в 1980-е гг. остановить развал Советского Союза было сложно. Где-нибудь на более раннем периоде нашей истории это было, наверное, возможно. Это, знаете, как автомобиль, который разгоняется, и неожиданно перед ним возникает какая-то преграда. Если препятствие возникло, скажем, за 3 м до столкновения, то и тормоза не помогут, а если же за 50 м, то вполне реально избежать катастрофы. Я бы так сказал: в 1980-е гг. это было уже почти неизбежно. А где-нибудь в 1970-е и, тем более, в 1960-е гг. у нас ещё была возможность как-то выбрать иной маршрут исторического развития без развала Советского Союза» [1, с. 17].

Дискуссия по данному вопросу будет продолжаться ещё долго, т. к. зачастую сторонники той или иной позиции не прибегают к научной методологии в обосновании своих тезисов.

Актуален в новейшей литературе и вопрос о точке отсчёта процесса распада СССР. Здесь можно обнаружить определённую новизну в постановке вопроса, т. к. для предшествующего этапа изучения темы более характерным был поиск причин краха СССР в условиях исключительно горбачёвской «перестройки». Постепенно к исследователям приходит понимание, что столь сложный процесс, как крушение государства, может иметь более глубокие исторические корни. В отличие от либерально мыслящих исследователей, обнаруживающих истоки краха СССР уже в момент его рождения (идея «первородного греха» советского обще-

ства), в новейшей литературе отмечают попытки назвать конкретный рубеж в истории Советского Союза, с которого ускорились разрушительные процессы. На наш взгляд, в истории страны было сразу нескольких таких рубежей, каждый из которых характеризует ту или иную сторону советского кризиса [1, с. 32–33].

Вопрос о роли холодной войны и внешних факторов в целом остаётся одним из актуальных. С одной стороны, в этом проявляется исследовательское стремление охватить весь комплекс факторов распада СССР, а с другой стороны, особенно в последние годы, в этом находит своё проявление комплекс униженной и разделённой нации, до сих пор не желающей верить, что такое мощное государство могло вдруг «исчезнуть» исключительно под грузом внутренних причин. К тому же поиск этих внутренних причин неизбежно выводит, по мнению В. Ю. Катасонова, на человеческий фактор, который данный исследователь рассматривает через призму деградации советского человека [1, с. 18]. Такие выводы, конечно, бьют по национальному самосознанию, но являются, на наш взгляд, необходимым условием беспристрастного научного анализа. Однако попытки найти истоки кризиса в собственной нации, а не в бесчисленных внешних врагах, наталкиваются сегодня на острое неприятие общественного мнения.

При этом, как показала недавняя дискуссия, в оценке как итогов холодной войны, так и её влияния на распад Советского Союза, единства мнений нет. Часть исследователей склонна связывать распад Союза с его поражением в этой войне [1, с. 27, 29, 38], другие же такую связь считают неочевидной или отвергают вовсе [1, с. 24]. В целом же в сюжете о связи между холодной войной и распадом СССР эмоции и публицистика пока ещё преобладают над разумом.

Для дальнейшего осмысления темы полезно учесть тот факт, что холодная война закончилась несколько раньше

краха СССР, который произошёл уже в обстановке существенного потепления международной обстановки и разоружения. В противном случае необходимо найти объяснение тому, что в гораздо более тяжёлых условиях холодной войны СССР выстоял, чтобы распасться в тот самый момент, когда эта война закончилась или подходила к концу. Очевидно, что беспристрастному изучению данного сюжета в наши дни сильно препятствует возобновление холодной войны России с Западом, что усиливает позиции тех, кто считает Запад исконным врагом России.

Конечно, продолжается поиск виноватых в распаде СССР и в самом Советском Союзе. Вообще, стремление найти конкретных виновников очень характерно для массового сознания россиян. Далеко не все из них имеют желание глубже вникнуть в происходившие тогда процессы.

Механизмам развала Советской армии в годы перестройки посвящена только что изданная работа Н. Н. Ефимова [3]. В отношении другой силовой структуры в новейшей литературе один из популярных вопросов – «куда смотрел КГБ?» – получает совершенно однозначное объяснение. КГБ вовсе не «прошляпил» сепаратизм, как многие полагали раньше, он сам активно ему содействовал, подчиняясь указаниям партийного руководства создавать антикоммунистическую националистическую оппозицию везде, где только можно. А. Хинштейн приводит информацию о том, как лично М. С. Горбачёв и А. Н. Яковлев давали руководителям на местах и союзным силовикам указание создавать демократическую оппозицию, в частности, литовский «Саюдис» был создан, по утверждению исследователя, фактически сверху [7, с. 449–451]. Исследователь истории спецслужб В. Пирогов дополняет сюжет информацией о том, что у КГБ были свои слабости: он строился по территориальному принципу, а в республиках большую часть аппарата составляли местные кадры, которые в условиях роста сепара-

тизма поддержали эту идею в силу убеждений или из корыстных соображений [4, с. 263]. Таким образом, тезис о ранее непонятной для многих беспомощности КГБ получает своё объяснение на всём большем фактическом материале.

Продолжается поиск виновников и среди представителей высшей политической элиты СССР. Так, В. Э. Багдасарян исходит из теории «предательства элит», уже обеспеченной историографически. По мнению исследователя, устоявшийся термин «распад СССР» в этом смысле не совсем точен, т. к. «Советский Союз не распался в силу внутренних причин, а был политически убит» [1, с. 37]. Об «уничтожении», «убийстве» СССР пишет и А. А. Сазонов, в своё время входивший в горбачёвскую команду по разработке проектов Союзного договора [6, с. 10–11]. Чаще всего среди виновников распада фигурируют М. С. Горбачёв и Б. Н. Ельцин, что вполне естественно. Но в последнее время, в связи с возникшим вопросом о начальной временной точке распада СССР, в этом списке появляются и другие фигуры. Интересно, что многие участники упомянутого круглого стола пришли к выводу, что не меньшую долю ответственности за распад Советского Союза несёт и Н. С. Хрущёв, целый ряд решений которого подрывал основы единого государства [1, с. 24, 27, 29, 32].

Подытоживая результаты поиска виновников распада СССР среди конкретных политических деятелей, отметим, что исследователи не всегда обосновывают связь между действиями тех или иных руководителей и крахом СССР. Зачастую имеет место своеобразная подгонка ответа под условие «задачи». Уяснение данного аспекта проблемы требует соответствующей методологии.

Заключение

Научная литература последних лет опирается на большой объём фактических данных, что позволяет более аргументированно судить о различных аспектах процесса распада Советского Союза. Укрепляется и понимание того, что к распаду единого государства привёл целый комплекс внутренних и внешних факторов в их сложной динамичной комбинации. Но неистребима и тяга к простым ответам, особенно в части поиска конкретных виновников краха СССР. В условиях обострившегося противостояния России и Запада ещё больше актуализировалось внимание к внешнему фону дезинтеграции Союза. Представляется, что одним из следующих исследовательских шагов на пути познания процессов распада СССР будет выработка научной методологии исследования указанного процесса.

Дата поступления в редакцию 29.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Гибель СССР: факторные основания цивилизационной катастрофы. К 30-летию трагических событий распада Союза Советских Социалистических Республик / С. Н. Бабурин, В. Э. Багдасарян, Л. Г. Ивашов, В. Ю. Катасонов, Д. В. Маслов, С. И. Реснянский, А. О. Степанян, С. С. Сулакшин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 6–41.
2. Дубнов А. Почему распался СССР. Вспоминают руководители союзных республик. М.: Индикум, 2019. 304 с.
3. Ефимов Н. Н. Распад СССР. 1991 год. М.: Вече, 2021. 320 с.
4. Пирогов В. В. Кто разрушил СССР. От Горбачёва до Ельцина. 1985–1993. М.: Вече, 2020. 448 с.
5. Распад СССР: дискуссии о причинах, обстоятельствах и последствиях: сборник статей / отв. ред. С. В. Журавлев. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 224 с.
6. Сазонов А. А. Кто и как уничтожал СССР? : архивные документы. М.: Алгоритм, 2018. 576 с.
7. Хинштейн А. Конец Атлантиды. Почему Путин никогда не станет Горбачевым. М.: Абрис, 2018. 624 с.

REFERENCES

1. Baburin S. N., Baghdasaryan V. E., Ivashov L. G., Katasonov V. Yu., Maslov D. V., Resnyansky S. I., Stepanyan A. O., Sulakshin S. S. *Gibel SSSR: faktornye osnovaniya civilizatsionnoy katastrofy. K 30-letiyu tragicheskikh sobytij raspada Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik* [Death of the USSR: factorial foundations of a civilizational catastrophe. On the 30th anniversary of the tragic events of the collapse of the Union of Soviet Socialist Republics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskaya nauka* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 4, pp. 6–41.
2. Dubnov A. *Pochemu raspalsya SSSR. Vspominayut rukovoditeli soyuznykh respublik* [Why the USSR collapsed. The leaders of the Union republics recollect the events]. M.: Individuum Publ., 2019. 304 p.
3. Efimov N. N. *Raspad SSSR. 1991 god* [The collapse of the USSR. 1991]. Moscow: Veche Publ., 2021. 320 p.
4. Pirogov V. V. *Kto razrushil SSSR. Ot Gorbacheva do Elcina. 1985–1993* [Who destroyed the USSR. From Gorbachev to Yeltsin. 1985–1993]. Moscow, Veche Publ., 2020. 448 p.
5. Zhuravlev S. V., ed. *Raspad SSSR: diskussii o prichinakh, obstoyatelstvakh i posledstviyakh : sbornik statey* [The collapse of the USSR: discussions about the causes, circumstances and consequences : collection of articles]. Moscow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ.; Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2019. 224 p.
6. Sazonov A. A. *Kto i kak unichtozhal SSSR? : arhivnye dokumenty* [Who destroyed the USSR and how? : archival documents]. Moscow, Algorithm Publ., 2018. 576 p.
7. Khinstein A. *Konec Atlantidy. Pochemu Putin nikogda ne stanet Gorbachevym* [The End of Atlantis. Why Putin will never become Gorbachev]. Moscow, Abris Publ., 2018. 624 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Dmitry V. Maslov – Dr. Sci. (Historical), Prof., Department of Recent History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маслов Д. В. Некоторые тенденции новейшей отечественной литературы по истории распада СССР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 30–36.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-30-36

FOR CITATION

Maslov D. V. Some trends of the latest Russian literature on the history of the collapse of the USSR. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 30–36.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-30-36

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-37-45

ФРОНТОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОЙ КОММЕМОРАЦИИ В НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ларионов А. Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Построить когнитивную модель интеллектуальной сети российского историографического дискурса по осмыслению проблемы фронтовой повседневности Великой Отечественной войны в исторических исследованиях конца XX – начала XXI вв.

Процедура и методы исследования. В основе настоящей статьи лежит комплексный историографический анализ наиболее репрезентативных работ на тему фронтовой повседневности РККА в 1941–1945 гг. в социально-историческом контексте развития российской исторической науки постсоветского периода с учётом значимости темы Великой Отечественной войны в формировании идентичности современного российского общества. В работе использовались историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-системный методы.

Результаты. Выявлены и проанализированы особенности российской историографии по проблемам фронтовой повседневности Красной Армии в 1941–1945 гг. Установлено, что интеллектуальная сеть данного дискурса пребывает в состоянии формирования. Историография является важным ресурсом социальной памяти о войне и фронтовой повседневности. Необходимы дальнейшие направленные усилия по развитию исследований различных вопросов фронтовой повседневности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Осмысленная в статье информация, будучи успешно преобразованная в структурированное знание и выводы, послужит основанием для дальнейших исследований и прироста интеллектуального капитала в области изучения социальной памяти российского общества о Великой Отечественной войне и о Советской эпохе в целом, а также для рациональной деконструкции негативных мифов о войне и исторической роли СССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фронтовая повседневность, историография, интеллектуальная сеть, историческая память

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43023.

FRONTLINE EVERYDAY LIFE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC COMMEMORATION IN THE LATEST RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

A. Larionov*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To build a cognitive model of the intellectual network of the Russian historiographical discourse on understanding the problem of frontline everyday life of the Great Patriotic War in the historical studies of the late twentieth - early twenty-first centuries.

Methodology. This article is based on a comprehensive historiographical analysis of the most representative papers on the frontline everyday life of the Red Army in 1941–1945 in the socio-historical context of the development of Russian historical science of the post-Soviet period. It takes into account the importance of the theme of the Great Patriotic War in the formation of the identity of modern Russian society. Among the methods used to achieve the purpose of the article are historical-genetic, comparative-historical, and historical-systemic.

Results. The features of Russian historiography on the problems of frontline everyday life of the Red Army in 1941–1945 are identified and analyzed. It is established that the intellectual network of this discourse is in a state of formation. Historiography is an important resource of social memory about the war and frontline everyday life. Further directed efforts are needed to develop research on various issues of frontline everyday life.

Research implications. The information comprehended in the article, having been successfully transformed into structured knowledge and conclusions, will serve as the basis for further research and intellectual capital growth in the field of studying the social memory of Russian society about the Great Patriotic War and the Soviet era as a whole, as well as for rational deconstruction of negative myths about the war and the historical role of the USSR.

Keywords: the Great Patriotic War, frontline everyday life, historiography, intellectual network, historical memory

Acknowledgments. This research was supported by an RFBR grant no. 21-09-43023.

Введение

Последние 30 лет стали временем активного становления историко-антропологических исследований в отечественной историографии. Одним из важных направлений в этом обширном исследовательском поле стал дискурс военно-исторической антропологии и, в частности, изучение военной повседневности. Фронтovou повседневность Великой Отечественной войны не то, что не оставили в стороне, – она заняла в этом дискурсе одно из приоритетных мест. Быстрый прирост совокупного интеллектуального капитала в данном вопросе ставит на очередь задачу его анализа и систематизации, промежуточного подведения итогов, что позволит отечественной традиции историописания более осмысленно и эффективно двигаться дальше.

Было бы ошибкой утверждать, что ранее не предпринималось попыток историографического анализа российского научного нарратива, посвящённого из-

учению повседневной жизни фронтовых частей Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Первую группу историографического нарратива составляют обзоры историографии в работах по истории фронтовой повседневности 1941–1945 гг. В них проанализированы научные результаты, существовавшие на момент создания конкретной монография или статьи. Кроме того, к настоящему времени сформировалась вторая группа: ряд публикаций собственно историографической направленности, в которых анализируются существующие работы по истории фронтовой повседневности РККА первой половины 1940-х гг.

Уже Е. С. Сенинская в своей почти канонической монографии «Фронтвое поколение. Историко-психологическое исследование» проделала огромную работу по выявлению элементов историко-антропологического и историко-психологического подхода в предшествовавших трудах по истории Великой Отечествен-

ной войны. На наш взгляд, историографическая ценность данного обзора заключается в том, что автору удалось доказать: даже в период фактического отсутствия официального дискурса на темы фронтовой повседневности, в условиях высокой идеологизации советской исторической науки различные грани исследования духовной стороны военной повседневности присутствовали в историографии войны¹.

Ценность другой фундаментальной работы, являющейся плодом коллективного труда южно-российских учёных Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидиновой и Т. П. Хлыниной заключается (в ракурсе интеллектуальной истории) в прослеживании генезиса традиции изучения частной жизни и повседневности «маленького человека в большой истории» с дореволюционных времён². Кроме того, в этой же монографии отечественная историографическая традиция изучения повседневности искусно соединяется с зарубежной. Тем самым фиксирован обмен научным знанием по проблемам истории повседневности в международном масштабе как эпистемологическая норма.

Переходя к специальным историографическим работам вокруг истории повседневности Великой Отечественной войны, мы встречаем большое количество статей [1; 4; 5; 6; 8], на основе которых можно сделать вывод, что историографический дискурс проблемы повседневной жизни в годы Великой Отечественной войны является свершившимся фактом. Свершившимся, но далёким от завершения! При всех достоинствах отмеченных публикаций все они рассматривают повседневность военного времени применительно ко всему советскому обществу.

¹ Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 5–18.

² Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2013. С. 13–28.

Историографические обзоры, которые бы анализировали работы по собственно фронтовой повседневности Красной Армии, отсутствуют. Получается, что фронтовая повседневность Действующей Армии предстаёт всего лишь как одна из модальностей общей советской повседневности 1941–1945 гг. Едва ли это является эпистемологически правильным. Кроме того, круг публикаций на темы именно фронтовой повседневности РККА периода Великой Отечественной войны непрерывно расширяется, в нём формулируются и исследуются новые проблемы, апробируются новые подходы. Из чего вытекает необходимость посвятить специальную публикацию современной российской историографии повседневной жизни фронтовиков РККА в годы прямого противостояния с вооружёнными силами нацистской Германии и её союзников.

Формирование интеллектуальной сети³ дискурса фронтовой повседневности

Память советского/российского общества о Великой Отечественной войне находится в постоянной динамике. Соответствующим образом изменяются нормы и формы отражения и интерпретации событий войны в исторической науке.

На рубеже 1980–1990-х гг. происходит радикальная смена парадигм в отечественной исторической науке, которую правомерно обозначить как «методологическую революцию» и которая не могла не затронуть исследователей, разрабатывающих тематику истории Великой Отечественной войны. На смену идейно-методологическому монизму Советской эпохи приходит многообразие подходов и оценок, что совпадает с частичным открытием архивов и снятием идеологиче-

³ Термины «интеллектуальная сеть», «интеллектуальный капитал», «пространство внимания» заимствованы автором из фундаментальной работы Р. Коллинза «Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения». Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.

ской цензуры над трудами историков об «актуальном прошлом». Дополнительным фактором становится быстрая интеграция российской исторической науки с зарубежными школами и направлениями историографии. Уже в первой половине 1990-х гг. некоторые исследователи сделали сознательный выбор в пользу исторической антропологии и истории повседневности как парадигм в изучении Великой Отечественной войны. В силу того, что они фактически открывали новые для российской историографии пути, выходявшие в то время публикации не встречали конкуренции в «пространстве внимания» и сами создавали канон, на который будут равняться пришедшие следом авторы.

Важнейший «узел» будущей интеллектуальной сети в течение 1990-х гг. был создан Е. С. Сениявской. Из-под пера этой исследовательницы в 1995–2006 гг. последовательно выходят 4 монографии¹ и большое количество статей, в которых преимущественно освещается морально-психологическая и духовная стороны фронтовой повседневности. Показательно, что Елена Спартаковна начала свои исследования именно с повседневности Великой Отечественной войны и только несколько позже расширила диапазон, включив в поле своего научного внимания войны России в XX в. – от Русско-японской до чеченской включительно. Другими словами модель исследования фронтовой повседневности рождалась и апробировалась именно на материале главной войны России. Можно даже усилить это утверждение, распространив его не только на историографическую,

но и на собственно историческую сферу: фронтовая повседневность Великой Отечественной войны явилась кульминацией всей военной повседневности русской цивилизации в XX столетии: она вобрала в себя весь опыт повседневности первой половины столетия и сформировала матрицу для его второй половины. Два десятилетия спустя, как бы подводя промежуточные итоги своей исследовательской деятельности, Е. С. Сениявская в соавторстве с А. С. Сениявским и Л. В. Жуковой опубликовала монографию «Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века» [7]. Таким образом, в течение четверти века вокруг Е. С. Сениявской возникает круг единомышленников, занятых разработкой общей проблематики, что можно считать прообразом/зародышем научной школы в будущем (гипотетическом).

Второй значимый узел сети образовался в Южном научном центре РАН и оказался представлен также 3 авторами: Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидиновой и Т. П. Хлыниной. Эти учёные по отдельности и в составе единого исследовательского коллектива являются авторами ряда интересных и ярких работ, среди которых наиболее значимыми с точки зрения истории фронтовой повседневности являются коллективные монографии, посвящённые повседневной жизни советских людей на протяжении 1920–1940-х гг.² и отдельно – частной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны, куда включены и разделы о повседневной жизни военнослужащих Действующей Армии на фронтах войны³.

Отдельные публикации членов этого научного коллектива известны со второй

¹ Сениявская Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1995; Сениявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. 226 с.; Сениявская Е. С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 2005. 368 с.; Сениявская Е. С. Противники России в войнах XX века. Эволюция образа врага в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

² Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009. 382 с.

³ Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2013. 360 с.

половины 1990-х гг.¹, но очевидный подъём приходится именно на 2010-х гг. Показательно, что 2 упомянутые монографии были созданы и опубликованы в рамках федеральных грантовых программ РГНФ. Из чего можно сделать вывод, что дискурс истории военной повседневности был актуален и получал поддержку на уровне общегосударственного управления научным познанием как один из стратегических приоритетов. Окончательное оформление южно-российского узла интеллектуальной сети истории фронтовой повседневности 1941–1945 гг. произошло в начале 2010-х гг. Таким образом, между образованием 1-го и 2-го узлов прошло около 10–15 лет.

В одном временном интервале с монографиями Е. Ф. Кринко и его ближайших коллег в Москве публикуются 2 взаимосвязанные монографии А. Э. Ларионова, посвящённые повседневной жизни фронтовых частей Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Первая² рассматривает вопросы материальной жизни, тогда как вторая³ – духовную жизнь и социальные коммуникации в условиях фронтовой повседневности. Несмотря на богатство источниковой и историографической базы, притязания на максимальную полноту охвата проблематики фронтовой повседневности, работы данного автора требуют более глубокой проработки в методологическом и содержательном отношении. Один автор едва ли может претендовать на создание самостоятельного нового

узла интеллектуальной сети в рамках тематического дискурса. Тем не менее, при условии продолжения исследований и тесного взаимодействия с коллегами, наличии последователей, такой узел вполне может сформироваться.

Кроме указанных авторов и их работ, в которых именно «повседневность» указывается в качестве предмета исследования, следует назвать исследования, посвящённые вопросам, фактически относящимся к повседневности, но специально не содержащие данного понятия в названиях и тексте. В частности, на протяжении 2000-х гг. были опубликованы труды и защищены диссертации на темы воспитательной работы и пропаганды в период ВОВ⁴. Вопросы повседневности в условиях фронта затронуты в диссертационном исследовании Н. В. Барсуковой, посвящённом такой специфической теме, как служба женщин в рядах Вооружённых Сил Советского Союза в годы войны⁵.

Крупный специалист по истории советского крестьянства В. Т. Анисков рассматривает психологию крестьянина, призванного в ряды Красной Армии, важным фактором, обусловившим Победу [3].

Значимой тенденцией является включение в отечественное историографическое пространство фронтовой повседневности работ зарубежных авторов. Американская исследовательница С. Амент посвятила монографию совет-

¹ Кринко Е. Ф. Религиозные представления населения Кубани в годы Великой Отечественной войны // Национальное возрождение России: теория и практика: сб. ст. и тезисов науч.-практ. регион. конф. «Русский национальный характер: основные ценности». Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 1996.

² Ларионов А. Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: управление, организация и материальные условия жизни РККА в 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 304 с.

³ Ларионов А. Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь РККА в 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 296 с.

⁴ Алёхин А. Н. Роль воспитательной работы в войсках в ходе выполнения боевых задач во втором периоде Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 – декабрь 1943 гг.): на материалах и документах Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов. Воронеж: 2009. 358 с.; Горлов А. С. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: институциональные и организационные аспекты: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 26 с.; Иванов А. Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник (по материалам Республики Татарстан): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 24 с.

⁵ Барсукова Н. В. Женщины в Вооружённых Силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Красноярского края): автореф. дисс. канд. ист. наук. Красноярск, 2005. 24 с.

ской песне военного времени, уделив немалое внимание песне на фронте [2].

Отдельного упоминания заслуживают научно-популярные работы, в которых раскрываются различные вопросы фронтовой повседневности Великой Отечественной войны. В частности, универсальным охватом отличается книга К. К. Сомова «Война – ускоренная жизнь»¹. Теме гигиены и банного обслуживания РККА в годы Великой Отечественной войны посвящён раздел книги И. И. Гольдина². Материальные и духовные вопросы фронтовой повседневности рассмотрены в работе О. С. Смыслова³. В силу научно-популярного характера этих изданий, в них не прорабатываются вопросы методологии, отсутствует ссылочный аппарат, достаточно ограниченный список использованной литературы. Так, в книге К. К. Сомова присутствует только список опубликованных в печатном и электронном виде источников, которые обильно и уместно цитируются в тексте. Данные работы практически не упоминаются в академических публикациях. Следовательно, их можно обозначить как периферийные точки в интеллектуальной сети истории фронтовой повседневности Великой Отечественной войны.

Наконец, помимо объёмных работ существует большое количество научных статей и докладов, посвящённых тем или иным вопросам фронтовой повседневности. Они принадлежат как упомянутым выше исследователям (Сенявская, Кринко, Тажиудинова, Хлынина, Ларионов), так и другим учёным из различных регионов России. В них освещаются самые разные грани фронтовой повседневности (питание, одежда, жильё, почта, досуговые практики и пр.) с различной степенью полноты и академизма.

¹ Сомов К. К. Война – ускоренная жизнь. Барнаул, 2010. 616 с.

² Гольдин И. И. Русская баня в шинели. М.: Культурно-спортивно-оздоровительные комплексы, 2010. 88 с.

³ Смыслов О. С. Житейская правда войны. М.: Вече, 2014. 320 с.; Смыслов О. С. Любви все звания почтены. М.: Вече, 2015. 304 с.

Закономерно встаёт вопрос о качестве научной коммуникации внутри интеллектуальной сети. Обзоры библиографии показывают, что наиболее часто упоминаются и цитируются книги и статьи Е. С. Сенявской. Следовательно, именно ей принадлежит центральное место в интеллектуальной сети российской историографии фронтовой повседневности Великой Отечественной войны. Второе место занимают работы Е. Ф. Кринко и его коллег из ЮНЦ РАН. Однако на них ссылаются значительно меньше. Другие авторы упоминаются эпизодически.

В некоторых публикациях можно встретить неоправданные лакуны, когда вообще не упомянута ни одна значимая научная публикация, в результате чего у автора складывается обманчивое впечатление о себе как о первопроходце разрабатываемой темы. В качестве примера сошлёмся на интересную и содержательную статью А. В. Гафурова, отличающуюся попыткой универсального охвата в ограниченном объёме⁴. Однако в данной статье автором не названы ни Е. С. Сенявская, ни Е. Ф. Кринко, ни другие авторы-исследователи фронтовой повседневности. Учитывая тот факт, что статья была опубликована в 2014 г., хотя бы некоторые значимые работы вполне могли быть указаны автором. Впрочем, проблема малого количества ссылок на работы коллег присуща и более фундаментальным исследованиям.

Данный изъян можно интерпретировать не как недобросовестность исследователей, а как свидетельство слабости научной коммуникации и информированности авторов о работах своих коллег в разных регионах России. Даже учитывая информационные ресурсы интернета, люди часто не имеют времени и сил для детального просмотра публикаций по смежным темам. Бумажные тиражи изданий часто бывают крайне ограни-

⁴ Гафуров А. В. Быт и повседневная жизнь бойцов Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // ИДНАКАР. 2014. № 5.С. 63–77.

ченными, что также препятствует своевременному их распространению. Например, интереснейшие книги Е. Ф. Кринко и его коллег опубликованы тиражом в 300 экземпляров! Тогда как можно с уверенностью говорить, что успешно мог бы разойтись и 30-тысячный тираж. Интернет далеко не всегда может заменить печатное издание в плане популяризации. Остаётся надеяться, что с течением времени цезуры и лакуны в сознании исследователей будут заполняться.

Заключение

Итак, проанализировав наиболее репрезентативные работы на тему фронтовой повседневности РККА в 1941–1945 гг. в социально-историческом контексте развития российской исторической науки постсоветского периода, резюмируем:

1. учитывая общее количество работ, посвящённых фронтовой повседневности Великой Отечественной войны, дискурс по данной теме можно считать вполне сформированным;

2. вместе с тем интеллектуальная сеть в рамках данного дискурса пребывает в статусе создания общего каркаса и в содержательном плане далека от наполнения;

3. в пределах уже созданного контура можно увидеть определённую иерархию с наличием центральных и периферийных позиций отдельных авторов и их работ;

4. суммарные тиражи книг и статей, чётко прослеживаемая статистика прочтений и скачиваний в интернет-пространстве позволяют говорить, что тема фронтовой повседневности ВОВ постоянно актуализируется не только в рамках научного сообщества, но и в общерос-

сийской социальной памяти. Таким образом, историография фронтовой повседневности Красной Армии в 1941–1945 гг. является одним из ресурсов широкой коммеморации образа войны и Победы, а в более широком ракурсе – памяти об СССР, Советской эпохе в целом;

5. научная коммуникация, обмен опытом и достижениями, конструктивная критика в рамках формирующейся интеллектуальной сети пребывают на достаточно низком уровне. В упоминаниях и цитатах авторы ограничиваются указанием на коллег, предпочитая воздерживаться от критических замечаний. Следовательно, конкуренция в пространстве внимания достаточно низка и не является доминирующим фактором развития интеллектуальной сети;

6. тема фронтовой повседневности обладает большим ресурсом для следующих поколений отечественных историков, нуждается в более глубокой разработке, введении в оборот новых источников; оформление полноценных научных школ – дело будущего;

7. поскольку работы по фронтовой повседневности появляются в самых разных географических локациях европейской и азиатской частей России, можно считать формирующуюся интеллектуальную сеть общероссийской;

8. для повышения качества научных исследований в этом направлении необходимо интенсифицировать коммуникацию в рамках академического сообщества, искать пути своевременного и качественного обмена актуальной информацией.

Дата поступления в редакцию 22.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева В. А., Мерзляков М. П. Повседневность советского общества как предмет изучения отечественных исследователей // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2017. № 2. С. 208–212.
2. Амент С. Допеть до Победы. Роль песни в советском обществе во время Второй мировой войны. Бостон, Санкт-Петербург, 2021. 416 с.
3. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма: история и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.

4. Козлов Н. Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 26. С. 93–110.
5. Рыжаков Д. Г. Проблема военной повседневности в современной российской историографии Великой Отечественной войны // EURASIASCIENCE : сборник статей X междунар. науч.-практ. конференции. М.: ООО «Актуальность.РФ», 2017. С. 335–338.
6. Сениявская Е. С., Сениявский А. С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы. Т. 3. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 197–211.
7. Сениявская Е. С., Сениявский А. С., Жукова Л. В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века. М.: ИРИ РАН, 2017. 422 с.
8. Смирнова В. К. Повседневность как проблема современной исторической науки (на примере историографии Великой Отечественной войны на юге России) // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2015. № 2. С. 377–384.

REFERENCES

1. Ageeva V. A., Merzlyakov M. P. [Everyday world of Soviet society as a subject of study Russian researchers]. In: *Vestnik Taganrogskego instituta im. A. P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov], 2017, no. 2, pp. 208–212.
2. Ament S. *Dopet do Pobedy. Rol pesni v sovetskom obshchestve vo vremya Vtoroi mirovoi voiny* [Sing to Victory! Song in Soviet society during World War II]. Boston, St. Petersburg., 2021. 416 p.
3. Aniskov V. T. *Krestyanstvo protiv fashizma: istoriya i psikhologiya podviga* [Peasantry against fascism: history and psychology of heroism]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2003. 502 p.
4. Kozlov N. D. [Everyday life of the people in the years of the Great Patriotic War. Some aspects of the modern Russian historiography]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2012, vol. 4, no. 26, pp. 93–110.
5. Ryzhakov D. G. [The problem of military everyday life in modern Russian historiography of the Great Patriotic War]. In: *EURASIASCIENCE : sbornik statei X mezhdunar. nauch.-praktich. konferentsii* [EURASIASCIENCE : collected papers of the 10th International scientific-practical conference]. Moscow, ООО «Aktualnost.RF» Publ., 2017, pp. 335–338.
6. Senyavskaya E. S., Senyavsky A. S. [Military everyday life as a subject of historical research: theoretical and methodological problems]. In: *65 let Velikoi Pobedy. T. 3* [65 years of the Great Victory. Vol. 3]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2010, pp. 197–211.
7. Senyavskaya E. S., Senyavsky A. S., Zhukova L. V. *Chelovek i frontovaya povsednevnost v voynakh Rossii XX veka* [Man and front-line everyday life in the wars of Russia of the 20th century]. Moscow, IRI RAN Publ., 2017. 422 p.
8. Smirnova V. K. [Everyday history as a problem of modern historical science (for example historiography Great Patriotic War in south Russia)]. In: *Vestnik Taganrogskego instituta im. A. P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov], 2015, no. 2, pp. 377–384.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ларионов Алексей Эдиславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: allar71@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larionov Alexey Edislavovich – Cand. Sci. (Historical), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Age, Moscow Region State University; e-mail: allar71@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ларионов А. Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны как объект научной коммеморации в новейшей российской историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 37–45.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-37-45

FOR CITATION

Larionov A. E. Frontline everyday life of the Great Patriotic War as an object of scientific commemoration in the latest Russian historiography. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 37–45.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-37-45

УДК: 271.2:94(470)«17»

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-46-51

РАСКОЛ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ ИЛИ СПОР О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ефремов С. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская федерация

Аннотация

Цель. Представить авторский взгляд на историю возникновения старообрядчества в противовес сложившихся в дореволюционной и советской историографии подходов.

Процедура и методы. Анализ историографии проведён с использованием историко-сравнительного и историко-аналитического методов.

Результаты. В статье автор критически подходит к мнению дореволюционных и советских историков о проблеме возникновения старообрядчества. Выдвигается тезис о стремлении вождей старообрядчества к идеалам «Святой Руси», пусть и не высказанным явно.

Теоретическая и/или практическая значимость. На примере истории русского раскола показать опасность идеологического и духовного разрыва в обществе.

Ключевые слова: раскол, старообрядчество, реформы Никона, дореволюционная и советская историография

SCHISM IN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: A SOCIAL PROTEST OR A DISPUTE ABOUT THE WAYS OF RUSSIA'S DEVELOPMENT

S. Yefremov

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To present the author's view of the history of the emergence of the Old Believers as opposed to the approaches developed in pre-revolutionary and Soviet historiography.

Methodology. The analysis of historiography was carried out using historical, comparative and historical-analytical methods.

Results. The author critically approaches the views of pre-revolutionary and Soviet historians on the problem of the emergence of the Old Believers. The paper puts forward a thesis about the dedication of the leaders of the Old Believers to the ideas of «Holy Russia», although it is not explicitly stated.

Research implications. Using the example of the history of Russian schism to show the danger of an ideological and spiritual gap in society.

Keywords: schism, Old Believers, Nikon's reforms, pre-revolutionary and Soviet historiography

Введение

История русского раскола – это в большой степени история разделения и разночувствования многих миллионов подданных царя Алексея Михайловича (да и его преемников на престоле), но в исторической литературе, ориентировавшейся на те или иные сиюминутные требования и положения, как дореволюционные, так и советского времени, эта история во многом получила несправедливую оценку.

Если дореволюционная историография внимание уделяла личным противоречиям патриарха и раскольников, то советская – делала акцент на роль в движении социальных факторов, которые трудно считать основными. От четверти до трети русских «ушли в раскол» (по сведениям А. Муравьева), и вряд ли причиной этого стала личная неприязнь патриарха к протопопу Аввакуму, если таковая и была, особенно имея в виду последующие многочисленные «гари» старообрядцев, для такого поступка требовались значительно более весомые основания.

Со всеми вышеобозначенными сомнениями и недоумениями мы и намерены разобратся в данном исследовании.

Историографический обзор подходов к причинам старообрядчества

В дореволюционной, советской и постсоветской историографии предпринимались самые разные попытки объяснения возникновения раскола в Русской православной церкви.

До революции господствовало мнение о главенстве личностных мотивов в явлении раскола. Так, С. Соловьёв указывал на самовластный, нетерпимый характер Никона, его неумение договариваться с оппонентами (и бывшими единомышленниками по кружку «ревнителей древнего благочестия»). Подчёркивая деспотический характер патриарха, историк так описывал сцену поставления Никона на патриаршество: царь Алексей Михай-

лович «лежа на земле и проливая слезы со всеми окружающими, умолял Никона не отречься» [11, с. 523] (как известно, Никон трижды отказывался от патриаршества, но согласился после присвоения ему титула, равного царскому – «Великий государь»).

Примерно также трактовал причины раскола преосв. Макарий, написавший «Историю русского раскола»: он говорил, что у Аввакума, Ивана Неронова, епископа Коломенского Павла (сторонника старообрядцев) была «личная вражда <...> к патриарху» [9, с. 452], объясняя эту вражду поначалу удалением Аввакума и Неронова от должностей справщиков (каковыми они никогда не были), а затем потерей авторитета сторонников старообрядчества при Никоне, которым те якобы пользовались при патриархе Иосифе. Тот же Макарий писал о «неучёности» старообрядцев, хотя, скажем, современные нам авторы свидетельствуют, что «в старообрядческих духовных центрах сосредотачивались значительные книжные собрания» [9, с. 56].

Несколько другую позицию, значительно более близкую к действительности, занимали С. Ф. Платонов и крупнейший историк русской церкви Е. Е. Голубинский [4]. Первый видел суть раскола в противостоянии «патриотов» – сторонников Аввакума и греков с примкнувшими к ним киевскими монахами, занимавшимися исправлением книг. О борьбе с греками пишет и Е. Е. Голубинский: «между русскими <...> времени, которое непосредственно предшествовало приступу Никона к исправлению чинов, обрядов и книг, господствовало твёрдое убеждение <...> будто греки эти отступили от чистоты православия» [4, с. 463–464].

Советская и во многом, по инерции, постсоветская историография выдвигали на первый план социальные причины, социальную борьбу. Квинтэссенцией такой позиции стали слова, приведённые в школьном учебнике 1985 г.: «раскол стал

одной из форм протеста народных масс против феодального гнёта»¹. Это, конечно, упрощение, однако в учебники, как правило, попадали устоявшиеся мнения по тем или иным вопросам, поэтому такую позицию можно считать консолидированной позицией советских историков.

Более тонкий подход демонстрировал Н. И. Павленко. Он писал, что «единство взглядов [на унификацию церковных обрядов] было нарушено, когда зашла речь о выборе образцов, по которым надлежало производить исправления». Однако и здесь было заявлено, что «после собора 1666–1667 гг. <...> чисто религиозное движение приобрело социальную окраску» [7, с. 220–221].

Наконец, через много лет после падения советской власти в работе В. Артемова и Ю. Лубченкова читаем: «основную часть сторонников "старой веры" составляли посадские люди и крестьяне. Они связывали ухудшение своего положения и усиление крепостничества с нововведениями в церкви» [2, с. 173]. Здесь советский подход как бы «обернут» – не раскольническое движение было формой социального протеста, а сами реформы в церкви стали причинами социальных бед. Однако сама значимость социальных факторов и в таком подходе не подвергается сомнению. Да и другие авторы, например, В. Столбов, также утверждают, что «причины раскола <...> можно охарактеризовать: внутренние <...> внешнеполитические».²

Отметим, кроме того, книгу В. Волкова, в которой говорится о более реальном расхождении спорщиков: «в XII–XV вв. в чинах и обрядах иерусалимской, константинопольской, антиохийской и александрийской православных автокефалий произошли важные изменения (они

перешли на Иерусалимский церковный устав...), после чего стали весьма отличаться от русских обрядов» [3, с. 402]. Отметим, кроме того, что такие, более адекватные воззрения, отнюдь не зависели от времени их написания – скажем, всего за несколько лет до Волкова в своей работе Г. Артамонов заявил, что «несмотря на очевидную зависимость от патриарха и императора приезжих из Константинополя митрополитов» [1, с. 267], в то время как на Руси, пусть и домонгольской, московские митрополиты вели (и назначались) достаточно вольно.

Как мы уже отмечали, огромную роль сыграла и культурная традиция старообрядчества, отгородившегося от реформируемой России старыми книгами – как отмечает Кочергина, даже «в дальнем зарубежье <...> созданы целые коллекции памятников старообрядческих культур» [8, с. 52].

В результате проведённого историографического обзора подходов к причинам старообрядчества согласиться с каким-либо из этих подходов трудно. Конечно, в самом старообрядческом движении были и социальные мотивы (особенно начиная с восстания Степана Разина, т. е. с 1670 г., когда многие из восставших заявили о себе как о старообрядцах, тем более после разгрома восстания, присоединяясь, в частности, к «Соловецкому сидению» 1668–1676 гг.), и мотивы личного неприятия старообрядцами Никона (Аввакум пишет про Никона, что он «являлся <...> яко ангел, а внутрь сый диявол»³), однако *причинами* движения не были ни те, ни другие.

По нашему мнению, основной причиной стала борьба вождей старообрядчества за возвращение к идеалам «святой» Руси, включая идеи чистоты Церкви, которые, по мнению Аввакума и его еди-

¹ Рыбаков Б. и др. История СССР : учебник для 7 класса средней школы. М.: Просвещение, 1985. С. 164.

² Столбов В. Старообрядчество в России: историко-философский аспект // Проза.ру : [сайт]. URL: <https://proza.ru/2018/08/23/1283> (дата обращения: 12.12.2021).

³ Аввакум Петров. Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания // Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 125.

номышленников, были поколеблены реформами Никона.

Ещё Стоглавый собор за век до описываемых событий пытался бороться с теми явлениями, с которыми боролись и члены кружка «ревнителей благочестия», однако за прошедшее время ситуация, пожалуй, даже ухудшилась, виной чему, в первую очередь, русская Смута. Однако, с точки зрения расколоучителей, к старым бедам – разнообразным непотребствам среди священства (блуду, пьянству, неграмотности), языческим пережиткам среди населения – добавились новые, привнесённые временем, например, учреждение театра при дворе Алексея Михайловича, «блюдолюбные» образы среди боярства (т. е. ношение заморской, в те времена польской, одежды), другие «западные» новшества. Ко всему этому и царь, и патриарх (хотя и в меньшей степени) относились вполне снисходительно. Ни Аввакум, ни его единомышленники, напротив, с такими обстоятельствами мириться не желали.

Борьба с подобными «непотребствами» началась задолго до Аввакума. Ещё с 1620-х гг. появляются сектантские учения, отчасти напоминающие дуалистические ереси, стержнем которых было неприятие современной им жизни, в т. ч. церковной. Таким было, например, учение о «самоуморении» старца Капитона, считавшего, что земля «святой Руси», как и православная церковь, погрязла во грехе. Сам ересиарх носил каменные вериги весом в 3 пуда, спал, подвешиваясь – всё ради того, чтобы «уморить» себя, спастись от наступающих соблазнов.

Эти мотивы в учении старообрядцев, по крайней мере поначалу, не были явными (проявились они уже впоследствии, в форме «гарей»), однако сам Аввакум, несомненно, признавал верность пословицы «смехи введут во грехи». Как раз дуалистический элемент практически незаметен у старообрядцев, однако неприятие всего нового, пришедшего из Греции или Киева, для них очевидно.

В сущности, учение вождей старообрядчества можно разделить на 3 пласта:

1. самый очевидный, обрядовый: двоеперстие, хождение посолонь, сугубая «аллилуйя», написание «Исус» вместо «Иисус» («аз» единый) и т. д.;

2. социальный уровень (отнюдь не в том смысле, как его понимала советская историография): возвращение к чистоте церкви и воспитание среди народа благонравия и благочестия. Не зря сам Аввакум пишет в своём «Житии»: «не почивая, аз, грешный, прилежа и в церквах, и в домех, и на распутиях, по градам и селам <...> проповедуя и уча слову божию». Надо сказать, что за такое прилежание, за призывы к аскетизму протопоп не раз бывал бит, иногда чуть не до смерти. На этом уровне позиции Аввакума и Никона, в общем, не расходились;

3. следование идеалам «святой Руси», «Москвы – Третьего Рима», тому общественному, а не церковному устройству, о котором писал ещё Филофей. Этот уровень, пожалуй, в полной мере не был от-refлексирован старообрядцами.

Со сторонниками Аввакума боролись во многом как против «постников, молебников и книжников» [10, с. 153], как говорилось по поводу других отступников от официальной церкви – стригильников. Но Аввакум, как и его будущие союзники, был, в первую очередь, человеком живой проповеди, хотя и стал знаменитым древнерусским писателем.

Аввакум писал: «я ведь не богослов»¹, однако по его сочинениям рассыпано множество намёков на подоплёку его учения. Фразой «беда миру бедному пришла!»² он описывает нововведения не только в церкви: «Где строение сёл любимых? Где сады и преграды? <...> Где жезл и меч, им же содержал царствия державу?»³, «А Борис Афонасьевич ещё

¹ Аввакум Петров. Письма к Симеону. // Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 223.

² Там же. С. 226.

³ Там же. С. 229.

ли троицу ту страха ради не принял? Жури ему...»¹. Иными словами, не формулируя отчётливо как программу борьбы за идеалы «святой Руси», Аввакум на практике проводит эту программу.

Вот что было истинной основой старообрядчества, а не социальная борьба и уж тем более не личное противостояние с Никоном. Из этой основы вырастало неприятие новой обрядности, вводимой посредством киевского монашества по образцам греческой церкви (которую, кстати, покарал Бог, отдав во власть иноверцев). Поэтому можно признать справедливым утверждение Л. Н. Гумилева, что «сторонники Аввакума отстаивали превосходство местного варианта православия <...> над традицией вселенского (греческого) православия» [5, с. 244].

Такова наша интерпретация причин раскола Русской православной церкви.

Заключение

Думается, мы смогли показать всю сомнительность личностных или социальных подходов к Расколу, которые, хотя и играли некоторую роль (скажем, во время восьмилетнего «Соловецкого сидения»), но отнюдь не были довлеющими причинами раскола.

Аввакум призывал, но призывал неясно, глухо, к следованию за идеалами «Святой Руси» – никогда, кстати, не бывалой, но близкой его пастве – и, возможно, именно в силу «глухости» его призывов, их невнятности и потерпел поражение в борьбе с никонианами. С ним боролись, как будто его взгляды были близки «манихеям, маркионитам, богомилам» [6, с. 39], а не вполне обычным русским православным, хотя и не пожелавшим подчиниться воле патриарха.

Дата поступления в редакцию 31.05.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов Г. Некоторые особенности эволюции институтов церковного управления Древней Руси (до конца XIII века) // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. С. 266–280.
2. Артемов В., Лубченков Ю. История. М.: Академия, 2016. 448 с.
3. Волков В. История России с древнейших времен до конца XVII века. М.: Юрайт, 2016. 452 с.
4. Голубинский Е. К нашей полемике с старообрядцами. М.: Университетская типография, 1896. 50 с.
5. Гумилев Л. От Руси до России. М.: АСТ, 2008. 416 с.
6. Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Л.: Советский писатель, 1990. 128 с.
7. История России с древнейших времен до 1861 года / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. Б. Кобрин, В. А. Федоров. М.: Высшая школа, 2001. 536 с.
8. Кочергина М. Русское старообрядчество и сохранение культурного наследия Древней Руси: история и современность // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 2. С. 51–60.
9. Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 7. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 672 с.
10. Рыбаков Б. Стригольники. М.: Наука, 1993. 334 с.
11. Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. 10. М.: Издательство социально-политической литературы, 1961. 415 с.

REFERENCE

1. Artamonov G. [Some Features of the Evolution of the Institutions of Church Administration in Ancient Russia]. In: *Prepodavatel XXI vek* [Educator in the 21st century], 2015, no. 4, pp. 266–280.
2. Artemov V., Lubchenkov Yu. *Istoriya* [History]. Moscow, Akademiya Publ., 2016. 448 p.
3. Volkov V. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVII veka* [History of Russia from ancient times to the end of the 17th century]. Moscow, Yurait Publ., 2016. 452 p.

¹ Аввакум Петров. Письмо к Афанасию. // Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 238.

4. Golubinsky E. *K nashei polemike s staroobryadtsami* [To our controversy with the Old Believers]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1896. 50 p.
5. Gumilev L. *Ot Rusi do Rossii* [From Russia to Russia]. Moscow, AST Publ., 2008. 416 p.
6. Gumilev L., Panchenko A. *Chtoby svecha ne pogasla* [So that the candle does not go out]. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ., 1990. 128 p.
7. Pavlenko N. I., Andreev I. L., Kobrin V. B., Fedorov V. A. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do 1861 goda* [History of Russia from ancient times to 1861]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2001. 536 p.
8. Kochergina M. [Russian Old Believers and Preservation of the Cultural Heritage of Ancient Russia: History and Modernity]. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University Herald], 2019, no. 2, pp. 51–60.
9. Macarius (Bulgakov). *Istoriya russkoi tserkvi. Kn. 7* [History of the Russian Church. Book 7]. Moscow, Izdatelstvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 1996. 672 p.
10. Rybakov B. *Strigol'niki* [Strigolniki]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 334 p.
11. Soloviev S. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 10* [History of Russia from ancient times. Vol. 10]. Moscow, Izdatelstvo sotsialno-politicheskoi literatury Publ., 1961. 415 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефремов Сергей Александрович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: 11sae11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Yefremov – postgraduate student, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: 11sae11@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ефремов С. А. Раскол в Русской православной церкви: социальный протест или спор о путях развития России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 46–51.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-46-51

FOR CITATION

Yefremov S. A. Schism in the Russian Orthodox Church: a social protest or a dispute about the ways of Russia's Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 46–51.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-46-51

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-52-61

ВКЛАД АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (ИЗ ОПЫТА ПУБЛИКАЦИИ СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА»)

Лазарева Л. Н.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить роль публикации архивных документов в формировании исторической памяти общества.

Процедура и методы. Работа построена на опыте подготовки автором документальных публикаций, а также на обобщении существующих данных в отечественной и зарубежной историографии.

Результаты. В наступившей реальности информационных войн и технологий, позволяющих манипулировать общественным сознанием, формирование исторической памяти, базирующейся на достоверной информации о прошлом страны, приобретает стратегическое значение. Публикация документальных сборников позволяет эффективно противостоять угрозе десоверенизации, выступая своеобразным «доктором» исторической памяти общества. Поиск причин гибели СССР требует анализа «сталинской» социально-экономической модели, оставшейся «скелетом» советского «проекта» даже после XX съезда партии. Отсюда следует актуальность проекта, реализуемого на базе фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) под руководством доктора исторических наук, профессора В. В. Журавлёва.

Теоретическая и/или практическая значимость. В линейке документальных публикаций уже вышли и получили высокую оценку исследователей работы «Экономическое наследие позднего сталинизма. 1947–1953 гг.» и «Социальная политика СССР в послевоенные годы (1947–1953 гг.). Документы и материалы», которые позволяют сопоставить долгосрочную концепцию развития страны с практическим её воплощением в послевоенной социальной политике, выявляя как грандиозность замыслов и целей, так и цену, заплаченную обществом за попытку их реализации.

Ключевые слова: гибель СССР, информационные войны, историческая память, поздний сталинизм, документальная публикация, социальная политика, советская экономика, догоняющая модернизация

Благодарности. Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 21-09-43005.

CONTRIBUTION OF ARCHIVAL DOCUMENTS TO THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY (FROM THE EXPERIENCE OF PUBLISHING A COLLECTION OF DOCUMENTS AND MATERIALS «SOCIAL POLICY OF LATE STALINISM»)

L. Lazareva

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the role of the publication of archival documents in the formation of the historical memory of society.

Methodology. The work is based on the author's experience in preparing documentary publications, as well as on the generalization of existing data from domestic and foreign historiography.

Results. In the new reality of information wars and technologies that allow manipulating public consciousness, the formation of historical memory based on reliable information about the country's past is of strategic importance. The publication of documentary collections makes it possible to effectively counter the threat of loss of sovereignty, acting as a kind of «doctor» for the historical memory of society. The search for the causes of the death of the USSR requires an analysis of the «Stalinist» socio-economic model, which remained the «skeleton» of the Soviet «project» even after the 20th Party Congress. It determines the relevance of the publishing project, implemented on the basis of the funds of the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) under the leadership of Doctor of Historical Sciences, prof. V. V. Zhuravlev.

Research implications. The line of documentary publications, which include «The economic legacy of late Stalinism. 1947–1953» and «Social policy of the USSR in the postwar years. (1947–1953). Documents and materials», has already been published and highly appreciated by researchers. These publications allow us to compare the long-term concept of the country's development with its practical implementation in post-war social policy, revealing both the grandiosity of the plans and goals, and the price paid by the society for trying to implement them.

Keywords: The death of the USSR, information wars, historical memory, late Stalinism, documentary publication, social policy, Soviet economy, catching up modernization

Acknowledgments. The research was prepared with the financial support of the RSF grant draft 21-09-43005.

Введение

Проблема исторической памяти народа получила дополнительный импульс осмысления в связи с 30-летием геополитической катастрофы – гибели СССР. По мере отдаления от советского прошлого нарастает процесс подмены реального образа страны на мифологизированные представления, причём как с положительной, так и с отрицательной коннотациями¹.

Тревога по этому поводу понятна и обоснована: «корректировка» сведений о прошлом в массовом сознании, не отвечающая критериям достоверности и правдивости, угрожает суверенитету государства, деформируя самоидентификацию нации [15, с. 42].

Доктор исторических наук, профессор В. Э. Багдасарян в монографии «Матрицы общественного сознания» анализирует

вая газета : [сайт]. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/03/24/160050-levada-tsentr-75-rossiyan-schitayut-sovetskuyu-epohu-luchshim-periodom-v-istorii-strany> (дата обращения: 25.11.2021).

¹ «Левада-центр»: 75% россиян считают советскую эпоху лучшим периодом в истории страны // Но-

опасность научного знания, нацеленного на прикрытие политических «проектов» [2]. Ценности и нормы, формируемые с его помощью, могут работать на задачу десуверенизации России. Попытка «втиснуть» процесс развития страны в «штампы» западных теорий, обесценивающих её нелегкую историческую судьбу через маркирование особенностей развития в качестве отклонений от «столбовой дороги» «передовых» цивилизаций, создаёт для этого удобренную почву. В контексте проблемы сохранения исторической памяти общества вырисовывается действительно тревожная ситуация, позволяющая прогнозировать высокую вероятность осуществления манипуляций с общественным сознанием.

Методология исследования причин распада СССР

Признавая справедливость и важность проблемы сохранения исторической памяти, вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что методология исследования – лишь инструмент в умелых руках историка. Очень многое (если не всё) зависит от его гражданской позиции и профессионализма. Например, используя для скрупулёзного комплексного анализа российских реформ теорию модернизации¹, профессор В. В. Журавлёв смог вывести осмысление советского «рывка» на новый уровень [2, с. 31; 6, с. 663–671].

Суть выводов Валерия Васильевича можно сформулировать следующим образом: отечественная элита (имперских ли, советских или либеральных времён) искала образцы для подражания. На рубеже XIX и XX вв. реформаторы стремились опереться на конструкции, сформированные другой цивилизационной матрицей и поэтому не эффективные для России. На этапе конструирования модернизации большевиками их эталон базировался на научной теории К. Маркса,

построенной на анализе западного индустриального рывка, продвинувшегося гораздо дальше, чем отечественный. В позднем СССР идеологи «шоковой терапии» очень плохо представляли себе механизмы фридмановского монетаризма, воплощённые в экономической политике, получившей в Великобритании название «тетчеризм», а в США – «рейгономика»; их «дорожная карта» опять имела мало общего со своими реальными прототипами. Отсюда следуют выводы:

– во-первых, советский период является закономерным этапом тысячелетнего пути страны, причём наследующим традиции «революции сверху»;

– во-вторых, условием обретения стратегии, обеспечивающей достижение новых высот, выступает становление культуры реформирования, которая «... не отторгая внешнего опыта, не оставившись перед заимствованиями, идущими извне...», будет способна их переакцентировать так, чтобы включить в «...систему собственных мировоззренческих, нравственных и поведенческих координат» [6, с. 670].

Основой такого развития могут быть только «кристаллы роста», накопленные в толщах практического воплощения теоретических постулатов властных элит в прорыве – «через тернии к звездам» – в тесный круг государств-вершителей истории XX в. [3].

Таким образом, важнейшим способом противостояния интеллектуальной атаке против российского государства становится соблюдение базовых принципов исследования – объективность и историзм, способных обеспечить достоверность и непредвзятость изложения материала. Для историка это требование невыполнимо при отсутствии широкой источниковой базы, не позволяющей отрываться от фактов или интерпретировать их вне контекста.

Вместе с тем, исходя из угроз, формируемых широким распространением социальных сетей, из-за которых стре-

¹ Сложившуюся под воздействием холодной войны в качестве её своеобразного оружия.

нительно увеличилась степень влияния на общество информации, получаемой через этот канал, в ряд первоочередных требований к профессиональному цеху историков выдвигается запрос на «открытие» широкой публике «сокровищ», хранящихся в архивах. Источники, без прикрас отражающие реальность прошлого страны и позволяющие выявить механизмы, использованные для реализации её долгосрочной стратегии развития, обоснованно доказывают некорректность и предвзятость политизированных теорий.

Складывая разрозненные «пазлы» в единую картинку, документальные источники позволяют почувствовать «ткань» истории, выявляя массу субъективных и объективных факторов, формировавших то или иное событие, создавших рамки, в которых действующим лицам нередко приходилось делать выбор, понимая, что все сценарии – плохие. Именно даруемая возможность осознания сложности и нелинейности исторической траектории делает материалы, хранящиеся в архивах, своеобразным «доктором» исторической памяти.

В контексте осмысления причин гибели СССР очень верным представляется мнение доктора исторических наук Д. В. Маслова: «опыт перестройки, помимо прочего, показал необходимость бережного и уважительного отношения к собственной истории, недопустимости в этих вопросах спешки и стремления к простым ответам на любые вопросы» [15, с. 57].

Вместе с тем анализ геополитической катастрофы – гибели страны, занимавшей 1/6 часть земного шара, по-прежнему формирует дискуссию не только в общественном пространстве, но и в экспертном сообществе. Пожалуй, сложно будет сформулировать суть дискуссии лучше, чем это сделал американский экономист П. Грегори. Исследователь ёмко обозначил проблему: «лошадь» или «жокей» – «система» или «исполнители»? [5].

Почему социально-экономическая модель, обеспечившая стране модернизационный рывок, выдержавшая экзамен Второй мировой войны, в кратчайшие сроки восстановившая разрушенное народное хозяйство, с задачей «встроиться» в постиндустриальное общество, адекватно отвечая его вызовам, не справилась? Часть авторитетных отечественных и зарубежных исследователей [5; 14] отвечает: советская экономика была не реформируема, т. е. виновата система. В то же время, не менее уважаемые их коллеги [1] отстаивают другую точку зрения: дело в исполнителях – советской властной элите, которая не смогла, корректируя или заменяя «механизмы» «сталинской» модели вывести страну из «тупика перестройки» [10; 12].

Из анализа позиций оппонентов следует вывод: невозможно приблизиться к истине (которой, как известно, суждено родиться из спора), не проведя глубокий комплексный анализ «сталинской» социально-экономической модели. Именно она, сформировавшаяся на базе ленинской стратегии строительства нового общества в реалиях российского капитализма начала XX в., деформированная решением задач модернизационного рывка в специфических рамках «советского проекта», и оставалась «скелетом» народно-хозяйственного механизма страны весь отпущенный СССР срок. Причём только привлечение широкой источниковой базы позволит не причинить вреда формированию и консолидации исторической памяти, свалившись в сложившиеся «штампы» о заведомой экономической неэффективности или тоталитаризме, как «генетической» особенности отечественной властной вертикали [4].

Не меньший вред может принести и сбрасывание со счетов цены, заплаченной советским народом за модернизационный рывок, или игнорирование эффективности запроса на корректировку хозяйственного механизма. Для поста-

новки обоснованного диагноза, а следовательно, и для формирования эффективной долгосрочной стратегии РФ, и для консолидации исторической памяти общества требуется чёткое понимание: корни каких именно особенностей современного развития страны «растут» из советского прошлого¹.

Исходя из обозначенной позиции, имеет огромное и научное, и общественно-политическое значение публикация документов позднего сталинизма в проекте Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), работа над которым ведётся под руководством лауреата Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, профессора В. В. Журавлёва.

В оба уже вошедшие в научный оборот сборника² включены делопроизводственные документы ЦК партии, большая часть которых имела гриф «Секретно». Учитывая особенности властной вертикали советского периода, очевидно, что эти источники, информировавшие высшие круги о положении дел в стране или раскрывавшие направления «мозгового штурма» фундаментальной попытки анализа сформировавшейся социально-экономической модели, содержат достоверную информацию для узкого круга «вершителей судеб».

Оба сборника связаны единой концепцией: подборка документов и материалов выявляет взаимообусловленность долгосрочной стратегии, специфики механизмов её реализации и особенностей практики социальной политики. Благо-

даря выбранному ракурсу, внимательные читатели получают возможность составить собственное мнение не только о фундаментальном, растянувшемся на десятилетия «мозговом штурме», нацеленном на осмысление пройденного страной пути и сложившейся социально-экономической модели. Наряду с этим документы позволяют соотнести величие «горних далей», в кои направляла страну долгосрочная стратегия, с реальностью бытия, делая зримой и цену, заплаченную послевоенным обществом за попытку их воплощения, раскрывая дихотомию героического и трагического, наполнявшего поздний сталинизм.

В сборник «Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы» составители включили материалы рабочих групп, трудившихся над проектом новой программы партии – документа, определяющего в условиях советской системы долгосрочную стратегию развития страны. Их анализ позволяет сделать вывод: обществоведы в своём поиске оставались в рамках парадигмы модернизационного рывка, опирающегося на внутренние ресурсы страны. Это формировало приоритеты: от тяжёлой индустрии по-прежнему требовалось обеспечить базу для отечественного машиностроения и обороны.

Вместе с тем коммунизм, для строительства которого большевики брали власть, представлялся близким к партийным кругам экспертам обществом изобилия. Для составления «дорожной карты» движения к нему требовалось найти решение задачи одновременного обеспечения накопления (инвестирование в расширенное воспроизводство диктовалось запросами незавершённого модернизационного рывка) и потребления (послевоенному обществу, балансировавшему на грани выживания, был необходим рост уровня жизни). В проектах всех 4 авторских групп, работавших над новой программой партии, ставка делалась на рост произво-

¹ Беляков Е. Главное препятствие для нас – мы из Советского Союза // Комсомольская правда : [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/28312/4453810/> (дата обращения: 03.08.2021).

² Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. 718 с.; Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.

дительности труда. Внедрение инноваций и сочетание моральных и материальных стимулов должно было обеспечить «подтягивание» сектора «Б», производящего товары широкого потребления¹.

В планах «сталинских» обществоведов развитие механизации и автоматизации, требовавших высокого образовательного уровня от работников, формировало предпосылки для преодоления противоречия умственного и физического труда – ещё одного важного условия перехода на новый виток развития².

Совокупность же всех 3 составляющих – качественно новый уровень техники и технологий, образование и достигнутое в итоге изобилие – должна была обеспечить базу для преобразования культурно-бытовых условий жизни в деревне. Таким образом, планировалось покончить и с противоречием города и деревни, уничтожив заодно классовые различия в результате формирования единой общенародной собственности³.

Авторский коллектив под руководством Г. Ф. Александрова попытался даже наметить конкретные этапы перехода к коммунистическому принципу распределения:

- в ближайшие 5–10 лет распределение по потребностям основных продуктов питания, промышленных товаров первой необходимости и массового спроса;

- за рамками ближайшего десятилетия – распределение по потребностям всех предметов потребления⁴.

Такой подход вызвал возражения со стороны группы П. Ф. Поспелова.

Эти разработчики проекта новой партийной программы отталкивались от

проблемы воспитания человека, способного жить в новом обществе. Они считали, что сущность внедрения автоматической системы машин в производственные процессы состоит в обеспечении возможности для большинства выбора занятия, основанного на призвании. Кроме того, стремительный рост производительности труда позволит выделять больше времени на досуг. Из такого посыла логично следовал вывод: переход к коммунистическому принципу распределения необходимо начинать с культуры⁵.

Ни научное сообщество, ни первый адресат, к которому направляли на рассмотрение свои проекты рабочие группы – лидер партии, оказались не готовы к такой постановке проблемы. Слишком уж разителен был диссонанс с окружающей действительностью.

Возможно, и по этой причине центр тяжести работы над долгосрочной стратегией развития страны был перенесён в Госплан. Основной задачей Генерального перспективного плана стало перевести намеченные алгоритмы движения к коммунизму на язык плановых проектировок, просчитав требующиеся для их реализации ресурсы и сроки [16].

Уже после того, как курировавший эту работу Н. А. Вознесенский был репрессирован, «мозговой штурм» вышел на новый виток, трансформировавшись в формирование теории политической экономии – науке, призванной осмыслить особенности сложившейся социально-экономической модели и дать прогноз её развития⁶.

Итоги экономического совещания подвёл И. В. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» [8]. Резюмировал результаты послевоенного «мозгового штурма» и вышедший в 1954 г. учебник политической экономии,

¹ Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 44–46.

² Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 45.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.

⁶ Там же. С. 189–441.

обсуждение макета которого и было поводом для широкого обмена мнениями экспертного сообщества в ноябре–декабре 1951 г. [7].

На страницах учебника была описана «сталинская» социально-экономическая модель: централизованное планирование по принципу «единая фабрика» опиралось не только на административные, но и на экономические методы стимулирования хозяйствующих субъектов. К тому же рыночный сектор играл заметную роль в производстве средств потребления, где приветствовались деятельность кустарей, артелей инвалидов, потребкооперация. Важную роль стабилизирующего механизма брало на себя снижение цен и госзаймы. Снижение цен стимулировало рост производительности труда, поддерживало малоимущие слои населения, имело социально-психологическое значение, примеряя население с тяжёлыми условиями жизни и внушая веру в лучшее «завтра». Госзаймы убирали «денежный навес», решали проблему «отложенного спроса» [13, с. 477–478, 539, 554].

Сборник «Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг. Документы и материалы» позволяет сопоставить представления теоретиков с реальностью позднего сталинизма, выявляя важнейшие механизмы, без которых «сталинская» модель не могла эффективно обеспечивать достижения стоящих перед ней целей.

«Гуру» советского планирования утверждали: в качестве «амортизатора» его недостатков использовался механизм обсуждения промфинплана – рабочие, получив сверху задание, должны были наметить не только пути его реализации, но и его перевыполнения¹. Вместе с тем, как мы обсуждали выше, стратегическое значение в планах теоретиков имел рост производительности труда. Отсюда важность анализа, основанного на при-

влечении документальных источников, практики «сталинской» модели. Именно такой подход использовали составители при определении структуры сборника, освещающего послевоенную социальную политику.

В раздел «Рабочие и горожане» включены результаты анализа ЦСУ Госплана СССР численности рабочих и служащих, их образовательного уровня и половозрастного состава². Таким образом, читатель получает представление о послевоенном обществе, состоящем из недавних фронтовиков и тружеников тыла, которые в тяжёлейших условиях разрухи показали чудеса трудового героизма.

Мобилизационная стратегия, выбранная лидерами партии, противоречила смягчению трудовых отношений, резко сужая возможности перевода их в формат, соответствующий действующей конституции³.

Ключевое значение роста производительности труда в «сталинской» модели подтверждается важностью, которую придавали партийные органы моральным и материальным мерам по его стимулированию⁴. Причём анализ документов выявляет понимание советскими лидерами невозможности значительной интенсификации труда без улучшения материально-бытовых условий трудящихся. Хорошей иллюстрацией данного вывода служит отчёт уполномоченного контрольно-партийной комиссии при ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю И. Гурова, направленный Г. М. Маленкову. В нём проверяющий, указывая выявленные причины проблем с трудовой дисциплиной на обследованном им производстве, пишет: «Неудовлетворительное состояние трудовой дисциплины объяснилось также плохими жилищно-бытовыми ус-

¹ Кржижановский Г. М. Доклад в Выборгском Доме культуры. 20 декабря 1929 г. М.: Госплан СССР, 1930. 37 с.

² Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. С. 371–393.

³ Там же. С. 405–430.

⁴ Там же. С. 435–464.

ловиями работающих»¹. С партийным чиновником можно согласиться – в разделе сборника «Жилищно-бытовые условия» собраны материалы, раскрывающие перед читателем послевоенную «стратегию выживания», как метко охарактеризовала повседневность данного периода Е. Ю. Зубкова [9, с. 25].

Объективность запроса на увеличение инвестиций в сектор «Б» (производство предметов потребления) противоречила «сталинской» долгосрочной стратегии, по-прежнему расставлявшей приоритеты в пользу сектора «А». Вместе с тем усилия и кооперации, и местной промышленности были нацелены на решение данной проблемы². С другой стороны, нехватка самого необходимого на потребительском рынке мотивировала рост оказания услуг и продажи товаров частниками. Докладная записка Л. З. Мехлиса, адресованная И. В. Сталину, характеризует противоречивую роль рыночного сектора, встроенного в плановую модель³. Таким образом, анализ реалий хозяйственного механизма дополняется важным уточнением: идеологическая составляющая заставляла советских руководителей закрывать «лазейки капитализма», формируя «прокрустово ложе» для частной инициативы.

В данном контексте интерес для исследователя представляет раздел «Финансовые механизмы социальной политики»⁴. В него вошли документы как характеризующие «узкое» место «сталинской» модели (удовлетворение платёжного спроса и снабжение населения), так и роль снижения цен и государственных займов (балансирование доходов и товарного покрытия). Если в стратегических замыслах снижение цен характеризовалось в качестве механизма перехода к комму-

нистическому принципу распределения, то благодаря анализу практики хозяйствования, исследователь получает представление и об использовании его как «пружины надежды» на лучшее будущее, обеспечивающей общественное согласие и принятие большинством граждан долгосрочных планов советских лидеров.

Ни долгосрочная стратегия, ни внутренняя политика не могут объективно анализироваться без учёта фактора стремительно развернувшейся холодной войны, во многом и сформировавшего решения лидеров партии и правительства.

Материалы, освещающие подготовку, ход и итоги Международного экономического совещания (МЭС), включённые в «Сталинское экономическое наследство...» дополняют документы, раскрывающие значение «дедоларизации» рубля – перевода советских денег на золотое содержание из второго сборника⁵. Сопоставление документальных источников косвенно подтверждает гипотезу, высказанную В. Ю. Катасоновым о замыслах руководителей СССР по созданию альтернативы долларовому рынку [11].

Заключение

Итак, сборник «Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: документы и материалы» значительно расширяет документальную базу исследования позднего сталинизма. Он адресован как профессиональному сообществу, так и широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей. Таким образом, вдумчивый и внимательный читатель получает возможность для собственного анализа и формирования непредвзятого мнения о реалиях истории советского периода.

Именно расширение подобных документальных публикаций будет способствовать нахождению общего языка

¹ Там же. С. 435.

² Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. С. 552–571.

³ Там же. С. 577–590.

⁴ Там же. С. 77–361.

⁵ Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. С. 230–234.

между профессионалами и дилетантами, историческую память, исключая опасную
между экспертным сообществом и за- мифологизацию прошлого.
всегдашними острыми дискуссиями в соци-
альных сетях, формируя и консолидируя

Дата поступления в редакцию 01.12.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен Р. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. 389 с.
2. Багдасарян В. Э. Матрицы общественного сознания. М.: Наше завтра, 2021. 416 с.
3. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021. 360 с.
4. Гетти А. Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 374 с.
5. Грегори П. Политическая экономика сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. 398 с.
6. Журавлёв В. В. Дихотомия реформ и революций в процессах модернизации России (некоторые итоговые суждения) // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 4 / отв. ред. И. Н. Данилевский. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 663–671.
7. Журавлёв В. В., Лазарева Л. Н. ...Нужно поднять уровень экономических знаний // Родина. 2014. № 3. С. 54–61.
8. Журавлёв В. В., Лазарева Л. Н. Нельзя «преобразовывать» законы». Экономическая дискуссия 1951 г. в оценке И. В. Сталина // Исторический архив. 2013. № 2. С. 45–77. № 3. С. 3–20.
9. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
10. Кара-Мурза С. Г. Крах СССР. Кто виноват. М.: Родина, 2021. 448 с.
11. Катасонов В. Ю. Бреттон-Вудс: ключевое событие новейшей финансовой истории: к 70-летию Бреттон-Вудской международной конференции. М.: Кислород, 2014. 350 с.
12. Колганов А. И. Путь к социализму: пройденный и непройденный: от Октябрьской революции к тупику «перестройки». М.: ЛЕНАНД, 2018. 400 с.
13. Политическая экономия : учебник / ред. К. В. Островитянов и др. М.: Госполитиздат, 1954. 638 с.
14. Попов Г. Х. Реформирование нереформируемого. Попытка Алексея Косыгина. М.: Международный университет, 2009. 527 с.
15. Проблема формирования исторического сознания в современной России / Н. И. Смоленский, Д. В. Маслов, В. Э. Багдасарян, С. В. Журавлёв, Н. А. Яснитский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 4. С. 42–77.
16. Симонов М. А. Проект построения коммунистического общества в СССР по Генеральному хозяйственному плану 1951–1970 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 2. С. 27–35.

REFERENCE

1. Allen R. *От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции* [Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 389 p.
2. Bagdasaryan V. E. *Матрицы общественного сознания* [Public Consciousness Matrices]. Moscow, Nashe zavtra Publ., 2021. 416 p.
3. Galushka A. S., Niyazmetov A. K., Okulov M. O. *Кристалл роста к русскому экономическому чуду* [Growth crystal to the Russian economic miracle]. Moscow, 2021. 360 p.
4. Getti A. *Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция* [Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. 374 p.
5. Gregory P. *Politicheskaya ekonomika stalinizma* [The political economy of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 398 p.
6. Zhuravlyov V. V. [Dichotomy of reforms and revolutions in the processes of modernization of Russia (some final judgments)]. In: Danilevsky I. N., ed. *Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa*

- XX в. Т. 4 [Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century. Vol. 4]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016, pp. 663–671.
7. Zhuravlyov V. V., Lazareva L. N. [...] We need to raise the level of economic knowledge]. In: *Rodina* [Homeland], 2014, no. 3, pp. 54–61.
 8. Zhuravlyov V. V., Lazareva L. N. [It is not allowed to «transform» laws. The economic discussion of 1951 estimated by I. V. Stalin]. In: *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], 2013, no. 2, pp. 45–77, no. 3, pp. 3–20.
 9. Zubkova E. Yu. *Poslevoennoe obshchestvo: politika i povsednevnost. 1945–1953* [Post-war soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 229 p.
 10. Kara-Murza S. G. *Krakh SSSR. Kto vinovat* [The collapse of the USSR. Who is to blame]. Moscow, Rodina Publ., 2021. 448 p.
 11. Katasonov V. Yu. *Bretton-Vuds: klyuchevoe sobytie noveishei finansovoi istorii: k 70-letiyu Bretton-Vudskoi mezhdunarodnoi konferentsii* [Bretton Woods: a key event in recent financial history : on the occasion of the 70th anniversary of the Bretton Woods International Conference]. Moscow, Kislorod Publ., 2014. 350 p.
 12. Kolganov A. I. *Put k sotsializmu: proidennyi i neproidennyi: ot Oktyabrskoi revolyutsii k tupiku «perestroiki»* [The path to socialism: passed and not passed: from the October Revolution to the dead end of «perestroika»]. Moscow, LENAND Publ., 2018. 400 p.
 13. Ostrovityanov K. V., ed. *Politicheskaya ekonomiya : uchebnik* [Political economy : textbook]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 638 p.
 14. Popov G. Kh. *Reformirovanie nereformiruемого. Popytka Aleksey Kосыgina* [Reforming the unreformed. Attempt by Alexei Kosygin]. Moscow, Mezhdunarodnyi universitet Publ., 2009. 527 p.
 15. Smolensky N. I., Maslov D. V., Bagdasaryan V. E., Zhuravlev S. V., Yasnitsky N. A. [The problem of the formation of historical consciousness in modern Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 4, pp. 42–77.
 16. Simonov M. A. [The draft of building a communist society in the USSR according to the General Economic Plan 1951–1970.]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2017, no. 2, pp. 27–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазарева Любовь Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: laz_dom@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov N. Lazareva – Cand. Sci. (Historical), Assoc. Prof., Department of Recent History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: laz_dom@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лазарева Л. Н. Вклад архивных документов в формирование исторической памяти (из опыта публикации сборника документов и материалов «Социальная политика позднего сталинизма») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 52–61.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-52-61

FOR CITATION

Lazareva L. N. Contribution of archival documents to the formation of historical memory (from the experience of publishing a collection of documents and materials «Social policy of late Stalinism»). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 52–61.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-52-61

УДК 272.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-62-71

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПРОВОДИВШИЕСЯ В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Никонов В. В.

*Российский государственный гуманитарный университет
125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотрение и анализ агитационной антирелигиозной работы, проводимой властями в первые послереволюционные годы на территории Московской губернии.

Процедура и методы. Статья представляет собой публикацию и анализ архивных источников, выявленных, обработанных и интерпретированных автором в процессе работы по теме взаимоотношений государства и Церкви в СССР.

Результаты. Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что к антирелигиозным мероприятиям, организуемым в первые годы советской власти и широко распространённым в уездах Московской губернии, следует отнести: устройство многочисленных встреч с агитаторами и распространителями политической литературы; назначение обязательных к посещению агитационно-пропагандистских мероприятий на воскресные дни; организацию коштунственных представлений, пародирующих церковные таинства и обряды, а также некоторые показательно-репрессивные меры: наложение взысканий и исключение из рядов РКП(б) за участие в религиозных обрядах, публичное обсуждение внутрисемейных дел и пр. Показано, что усилия, направленные на отвращение верующих от Церкви, как правило, своей цели не достигали, а находили поддержку лишь у люмпенизированной части населения, в принципе не являвшейся носителем православных традиций и устоев.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты, полученные в ходе работы, могут быть использованы в преподавательской деятельности по дисциплинам, связанными с изучением истории Церкви и Подмосковья.

Ключевые слова: антирелигиозная политика, Бронницкий уезд, Московская губерния, Православная Российская Церковь, религиозные обряды, репрессии против Церкви

ANTI-RELIGIOUS EVENTS IN THE MOSCOW PROVINCE IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

V. Nikonov

*Russian State University for the Humanities
Miusskaya ploshch. 6, Moscow 125993, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the article is to review and analyze the anti-religious propaganda work carried out by the authorities in the first post-revolutionary years on the territory of the Moscow province.

Methodology. The article is a publication and analysis of archival sources identified, processed and interpreted by the author in the course of study on the topic of relations between the state and the Church in the USSR.

Results. The analysis of archival materials allows us to conclude that the anti-religious events organized in the early years of Soviet power and widespread in the counties of the Moscow province should include the following: the arrangement of numerous meetings with agitators and distributors of political literature; the appointment of mandatory agitation and propaganda events on Sundays; the organization of blasphemous performances mocking church sacraments and rituals, as well as some demonstrative and repressive measures, such as the imposition of penalties and exclusion from the ranks of the RCP(b) for participation in religious rites, public discussion of family affairs, etc. It is shown that the efforts aimed at turning believers away from the Church, as a rule, did not achieve their goal, but found support only from the lumpenized part of the population, which was not a carrier of Orthodox traditions and foundations.

Research implications. The results obtained during the work on the article can be used in teaching activities in disciplines related to the study of the history of the Church and the Moscow region.

Keywords: Anti-religious policy, Bronnitsky district, Moscow province, Orthodox Russian Church, religious rites, repressions against the Church

Введение

Обработка общественного мнения в антирелигиозном направлении резко усилилась сразу после 1917 г., хотя разрушительная антицерковная деятельность проводилась заинтересованными кругами в Российской империи задолго до октябрьской катастрофы, к которой в значительной степени и привела. Задолго до прихода большевиков к власти в обществе формировалось пренебрежительное отношение к религии, и верующие люди, открыто исповедовавшие православие, часто слышали в свой адрес ироничные высказывания, а иногда терпели откровенно грубые выпады. На тему постепенного, искусственно инспирированного разрушения религиозного чувства в России в конце XIX – начале XX вв. написано достаточное число научных трудов, а художественная литература того времени наполнена многочисленными выразительными примерами. Но если до 1917 г. антирелигиозная деятельность определённых кругов маскировалась различными лозунгами и декорациями либерального толка, то после революции она стала государственной программой. Советская власть безошибочно определила Церковь как одного из главных врагов и все долгие десятилетия своего существования с переменным успехом с ней боролась.

Следует отметить, что на первом этапе у большевиков не было стратегически

выработанного плана идеологической войны против Церкви, и все их действия носили характер спонтанных атак на её служителей и наиболее активных верующих мирян. Однако довольно скоро властями была осознана необходимость борьбы за настроения населения иными методами помимо устрашения и террора, хотя именно устрашение и террор на многие годы останутся основными инструментами управления «народной массой». При этом первые попытки антирелигиозной пропаганды начинают предприниматься уже с конца 1917 г. Вначале она не выделялась в самостоятельную агитационную работу, а велась в рамках общей политической обработки, когда наскоро обученный лектор направлялся на заводы, фабрики, в деревни, где объяснял рабочим и крестьянам ценности завоеванной для них свободы, призывал всячески поддерживать новую власть и распространял соответствующую литературу, в т. ч. и антирелигиозную. Местом таких встреч в городах были, как правило, заводские цеха, а на селе часто вообще приходилось агитировать под открытым небом [5, с. 93].

Организация антирелигиозных мероприятий

Для увеличения посещаемости подобных мероприятий в Московской губернии нашли оригинальный выход – перенести

их в чайные. В сентябре 1918 г. состоялось очередное заседание Бронницкого уездного районного комитета РКП(б), на котором, вероятно, в преддверии наступления холодного сезона обсуждался вопрос о необходимости открытия в деревнях на месте «бывших кулацких – советских чайных ...», где будет возможно вести агитацию среди несознательных граждан и распространять политическую литературу. Постановили: Где представляется возможность открыть советские чайные и клубы, а Совнархозу озаботиться поспособствовать в средствах»¹. В протоколе не указывалось, чем «бывшие кулацкие» чайные принципиально отличались от «новых советских». На том же заседании был составлен список «товарищей, умеющих выступать на митингах». Надо полагать, что число агитаторов, регулярно присылаемых из Москвы в губернию, уже в 1918 г. было признано недостаточным.

15 августа 1919 г. на очередном заседании районного комитета РКП(б) был зачитан доклад Московского губкома, целиком посвящённый «вопросам религии»². По итогам обсуждения доклада в Бронницах впервые принимается решение о том, чтобы вменить в обязанность всем коммунистам вести антирелигиозную пропаганду среди населения. При этом в протоколе не разъяснялось, как и где проводить такую работу, из чего можно сделать вывод, что коммунистам она предписывалась не только на собраниях, но и в быту. Через несколько дней, 28 августа, в Бронницах был заслушан доклад «О дне советской пропаганды», после чего состоялся митинг под названием «Культурная задача коммунистической партии», в рамках которого было принято решение о создании местного комитета «по

устройству дня советской пропаганды». Таким днём решили сделать воскресенье, когда верующие традиционно посещают храмы. Сделано это было, разумеется, не случайно, т. к. воскресный день именно в силу своего религиозного значения представлял определённую проблему для советских идеологов [7]. Вновь созданному комитету было поручено «войти в контакт с культурно-просветительскими организациями и написать статью в газету “Известия”»³. Таким образом, можно говорить о том, что с августа 1919 г. в Бронницком уезде официально началась пропагандистская работа. Неслучайно и то, что именно в этот период на одном из июльских собраний Бронницкой уездной парторганизации единогласно было принято решение о «выделении 30 000 руб. на приобретение бюстов тов. Ленина и К. Маркса для последующей установки их на улицах»⁴.

Итак, с августа 1919 г., согласно партийной дисциплине, коммунисты Бронницкого уезда приступили к антирелигиозной работе, однако уже в начале октября в местном Совдепе поняли, что своими силами им не справиться. Местные жители, поколениями воспитывавшиеся в православной традиции, никак не желали менять свои убеждения в угоду настроениям новой власти. Тогда было принято решение просить вышестоящее руководство о командировании в Бронницы «лектора по религиозному вопросу с тем, чтобы члены ячейки хорошо ознакомились с этим вопросом и могли вести антирелигиозную пропаганду среди населения Бронницкого уезда»⁵.

¹ Протокол заседания Бронницкого Уездного Районного комитета РКП(б). 14/9–18 года. 14 сентября 1918 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 2. Л. 18. об.

² Протоколы заседаний Бюро и районного комитета РКП(б)/ 15 августа 1919 г. – 20 февр. 1920 г. Заседание 15 августа 1919 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

³ Протоколы заседаний Бюро и районного комитета РКП(б)/ 15 августа 1919 г. – 20 февр. 1920 г. Заседание 28 августа 1919 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об.

⁴ Протокол заседания Бронницкого УКОМа. 18 июля 1919 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.

⁵ Протоколы заседаний Бюро и районного комитета РКП(б)/ 15 августа 1919 г. – 20 февр. 1920 г. Заседание 4 октября 1919 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 34.

Весной 1922 г. производилось изъятие церковных ценностей. Однако подготовку общественного мнения к целенаправленному ограблению храмов власти начали раньше – ещё в 1921 г. В данный период все ораторы так часто старались включить в свои выступления пассажи об антирелигиозной работе, что это постепенно становилось общим моментом. Чему бы ни была посвящена речь очередного трибуна, в ней всегда находилось место словам о необходимости усиления борьбы с «религиозным дурманом» и «поповским мракобесием».

Летом 1921 г. в Бронницах состоялась уездная партийная конференция РКП(б), где выступали руководители волостных ячеек. Все как один касались политико-просветительской и антирелигиозной деятельности, которые, по их общему мнению, развиты в уезде недостаточно. Местным партийным ячейкам вменялось в обязанность на каждом собрании ставить в повестку дня антирелигиозные вопросы. Кроме того, докладчики призывали с повышенным вниманием относиться к биографиям вступающих в партию, особенно к так называемым интеллигентам, а также и к рекомандующим. Особое внимание было уделено воспитанию подрастающего поколения. По итогам работы конференции приняли резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Каждый член партии обязан воспитывать своих детей в духе коммунизма и вести неустанную борьбу с религиозными и прочими предрассудками, прежде всего, в своей семье и в окружающей его среде»¹.

Хотя до кампании по изъятию церковных ценностей было ещё более полугода, на конференции обсуждался также вопрос помощи голодающим, ведь голод в Поволжье уже начался. Сквозь сухие строчки резолюции явственно проступают истинные цели большевиков в этой трагедии. Каким же образом коммуни-

сты Бронницкого уезда планировали помогать голодающим? Оказывается, что «по итогам доклада уездной комиссии помощи голодающим (которая уже была организована – В. Н.) постановили: «Установить один день в неделю, а именно, воскресенье, днём помощи голодающим, для чего проводить митинги, беседы, собрания, делать сборы, устраивать спектакли, концерты, а также организовывать воскресники в пользу голодающих»². Таким образом, задолго до изъятия церковных ценностей власти начали приучать население к тому, что в воскресенье – в день, когда верующие привыкли ходить в храм, – будет организовано еженедельное развлечение: спектакли, концерты, беседы. И всё это под вполне понятным лозунгом помощи голодающим. За несколько месяцев такая практика войдет в привычку, и когда весной следующего 1922 г. в приходские церкви уверенно, похозяйски, войдут уполномоченные под защитой вооружённых красноармейцев, граждане в абсолютном большинстве случаев безропотно отдадут накопленное столетиями церковное имущество.

Партии вторил комсомол. В архиве сохранились тезисы к докладу безымянного оратора на 17-й Бронницкой уездной конференции РКСМ под названием «Задачи комсомола в деревне». В целом доклад вполне содержательный, и с большинством его положений, касающихся вопросов физического воспитания молодёжи, организации производительного труда и досуга, нельзя не согласиться. Однако весь доклад строится не просто на противопоставлении старых форм труда и отдыха и новых, советских, но на отрицании их духовного и религиозного содержания. «Опыт массовых гуляний молодёжи, имеющийся в уезде, должен в предстоящее лето развернуться ещё шире. Массовые гуляния должны организовываться на здоровых видах развлечений, отвлекающих молодёжь от старых бытовых привычек, которыми было за-

¹ Протокол Бронницкой уездной конференции РКП(б). 1921 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 40. Л. 5.

² Там же. Л. 5 об.

полнено содержание гуляний в старые бытовые праздники». И далее: «Антирелигиозная пропаганда должна принять систематический характер. В противовес религиозным праздникам и сопровождающему их пьяному разгулу, противопоставить трудовые и антирелигиозные праздники. Также антирелигиозная работа должна быть направлена против сектантского движения»¹.

В ряду антирелигиозных мероприятий нельзя не упомянуть и такие два мощных инструмента идеологического воздействия, какими были пресса и кинематограф [3]. Если кино в Московской губернии стало массово демонстрироваться на рубеже 1920–1930-х гг., то газетами уезды снабжались с первых лет советской власти, больше того, в Бронницком уезде уже с 1918 г. выпускалась своя газета. Визуальная же пропаганда раскрывалась в виде обширного пласта разнообразных религиозных изданий, таких, как «Безбожник у станка» [8].

Показательно-репрессивные меры

Антирелигиозная пропагандистская кампания набирала обороты, и уже с конца 1919 г. в протоколах Бронницкого УКОМа начинают появляться сведения о наказаниях членов партии, участвовавших в религиозных обрядах или просто допустивших участие в таких обрядах членов своей семьи. Так, в феврале 1920 г. обсуждалось недопустимое поведение народного судьи одного из подрайонов Бронницкого уезда Смирнова, ребёнка которого незадолго до этого крестили. Руководствуясь насаждаемыми сверху настроениями, партийные товарищи вынесли решение не только сместить Смирнова с занимаемой должности, но и исключить его из партии, переведя в кандидаты. Вызванный 6 февраля 1920 г. на заседание райкома Смирнов рассказал, что у него действительно родился сын и

его в самом деле крестили в церкви. Но произошло это, по словам Смирнова, в его отсутствие, без его согласия и вопреки его желанию, а исключительно по инициативе жены. В качестве оправдания Смирнов поведал про договорённость, которая якобы была у них с женой, что если родится мальчик, то крестить его не будут, а если девочка, то решение предоставляется «на расположение жены». Однако жена его обманула, а «насилие применять он не мог». Сегодня это может показаться странным, но «объяснение Смирнова как коммуниста было признано Бюро вполне удовлетворительным, однако окончательное решение оставалось за ячейкой района». Районные коммунисты оказались более принципиальными, и Смирнова всё-таки отстранили от должности и перевели в кандидаты². Случай с судьёй Смирновым стал одним из первых в длинном ряду подобных в Бронницком уезде. В дальнейшем такие показательные проработки устраивались всё чаще и, как правило, заканчивались исключением из партии. Этим властью достигалась одновременно две цели: во-первых, устрашение тех, кто смел публично исповедовать свои религиозные убеждения, а во-вторых, формирование отношения к таким людям среди односельчан как к изгоям, отвергнутым обществом.

В январе 1921 г. состоялось очередное общее собрание членов и кандидатов РКП Запасного пулемётного батальона, сформированного в Бронницах, на котором слушалось «дело о венчании в церкви члена партии тов. Хлебалина». Недолго думая, партийцы исключили Хлебалина из своих рядов, даже не внося его объяснения в протокол. Уже собирались переходить к следующему пункту повестки дня, как вдруг слово попросил принципиальный коммунист Морозов,

¹ Протоколы заседаний Бюро Бронницкого УКОМа с материалом. 1922 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДО-ПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 76. Л. 19.

² Протоколы заседаний Бюро и районного комитета РКП(б) 15 августа 1919 г. – 20 февр. 1920 г. Заседание 6 февраля 1920 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДО-ПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 12. Л. 134 об.

объявивший, что среди участников собрания присутствует коммунист Кашеев, в отношении которого «циркулируют слухи о том, что он, подобно исключённому Хлебалину, тоже венчался церковным браком». Обращаясь к Кашееву, Морозов потребовал ответить, оправданны ли эти слухи, которые обвиняемый подтвердил. После этого собрание единодушно постановило исключить из партии и Кашеева, хотя изначально его дела даже не было в повестке дня¹. Такого рода партийные проработки в начале 1920-х гг. фиксируются на страницах протоколов весьма часто, причём санкции к коммунистам применялись в т. ч. и за «проступки», совершённые ими не только после, но и до вступления в партию.

В рассматриваемый период исключения из партии с последующим восстановлением в её рядах производились постоянно. Существовал обширный список проступков, за которые партийцы могли лишиться билета. В их числе в протоколах фигурируют чаще всего пьянство, рукоприкладство, мародёрство, воровство и даже насилие. Но если провинившийся калялся, то чаще всего в партии его восстанавливали довольно быстро.

Иная практика складывалась в случае участия члена РКП в религиозных обрядах. Для исключённых по этой причине процесс восстановления был значительно усложнён. Типичную для того времени ситуацию можно увидеть в протоколе заседания Президиума Бронницкого уездного партийного комитета от 26 июля 1922 г.: «Слушали: Заявление гр. Пичина о принятии его в кандидаты, исключённого за религиозный обряд. Постановили: Постановление Быковского Волкома о неприятии Пичина в партию утвердить»².

¹ Протокол № 4 Общего собрания членов и кандидатов РКП. батальонного объединения отдельного Запасного Пулеметного Батальона. 26 января 1921 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 59. Л. 17.

² Протокол заседания Президиума Бронницкого УК РКП. 26 июля 1922 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 74. Л. 46.

Надо ли говорить, что в начале 1920-х гг. членство в партии постепенно становилось своего рода «охранной грамотой», и исключённые стремились как можно скорее восстановиться в её рядах.

Нападки на церковные таинства и обряды

Документы свидетельствуют о том, что, если властям представлялась возможность заменить православное таинство революционной пародией, они не сомневались и не скупились: «Слушали... выписку из протокола собрания Троицко-Лобановской ячейки о коммунистических крестинах. Постановили: Отпустить из средств УКОМа 10 рублей золотом»³. Сумма для 1924 г. внушительная.

Дело иногда доходило до абсурда. В мае 1925 г. заседала ячейка РКП(б) Усмерской волости Бронницкого уезда: «Слушали: Заявление тов. Булдина С. Т. с просьбой оказать содействие по смерти его, тов. Булдина, похоронить его гражданскими (революционными) похоронами. Постановили: Поручить тов. Сорокину С. Я. и Теренину договориться с семьей тов. Булдина в случае смерти тов. Булдина, будет ли семья возражать и настаивать на церковных похоронах»⁴. Другими словами, ещё при жизни некоего Булдина местная партийная ячейка поручает своим членам, наверняка его односельчанам, провести переговоры с семьёй живого(!) человека о том, каким именно образом того похоронить. Очевидно, что из этих похорон большевики пожелали бы сделать показательный акт. Целью было вытеснить из сознания людей глубокий смысл христианского обряда.

Происходили и вполне драматичные события, показывающие, насколько трав-

³ Протокол № 4 Заседания Бронницкого УКОМа РКП от 29 января 1924 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.

⁴ Протокол 43 заседания ячейки РКП Усмерской волости. 21 мая 1925 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 112. Л. 28.

мирующим и разлагающим оказывалось влияние антирелигиозной политики. В 1928 г. на пленуме Раменского волостного комитета обсуждалось поведение некоей Шевальяновой, которая, по свидетельству очевидцев, «совершила религиозный обряд похорон матери и участвовала в нём. Пленум постановил: вследствие того, что факт участия Шевальяновой в похоронах не подтвердился, вопрос считать исчерпанным»¹. Сегодня трудно установить, что же именно произошло на этом пленуме и как могло случиться, что Шевальянова не понесла наказания. Она и в самом деле не стала хоронить по-христиански свою мать? Наверняка женщину православного вероисповедания. Или же, похоронив её, как и следовало, потом вынуждена была публично отказаться от сделанного?

На территории соседних с Бронницким уездов – Коломенского и, главным образом, Богородского и Егорьевского – традиционно высоким был процент старообрядческого населения. Связано это было с тем, что в период гонений XVII и XVIII вв. сюда бежали приверженцы старой веры и образовывали здесь локальные поселения. По прошествии времени и в результате дореволюционных реформ к началу XX в. в восточном Подмоскovie мирно сосуществовали и православные, и старообрядческие, и единоверческие храмы. Желая внести раскол в Церковь, большевики всеми способами стремились возобновить существовавший прежде антагонизм, о чём свидетельствует протокол съезда секретарей сельских партийных ячеек Бронницкого уезда, состоявшегося 2 января 1923 г.: «Слушали: О расколе в церкви (тов. Кирсанов) говорит, что основа религии – церковь, а головка церкви – духовенство. Часть его пытается приспособиться к теперешним государственным порядкам, и что среди

них раскол, который нам необходимо использовать, разоблачая их манёвры. Посвящая во все подробности раскола, докладчик предлагает при всяком случае вести антирелигиозную пропаганду. Постановили: Признавая всякое религиозное учение, под какими бы оно лозунгами не проводилось, одинаково вредным для трудящихся масс; начавшийся раскол в церкви необходимо использовать в борьбе с религиозными предрассудками как удобный момент. Агитацию и пропаганду против духовенства и церкви признать ударной партработой, которую должен вести каждый член и кандидат РКП, как групповую, так и индивидуальную»².

Важной составляющей антирелигиозной работы в начале 1920-х гг. становится тиражирование материалов о священниках-ренегатах, оставивших служение или ушедших в обновленческий раскол [1].

С 1921 г. усиливается пропаганда новых праздников, заменяющих религиозные или наполняющая их новым «революционным» содержанием [4]. Так, ещё одной формой антирелигиозной работы, которая активно использовалась в СССР в начале 1920-х гг., были кощунственные пародии на главные христианские праздники – Пасху и Рождество Христово, которые особенно активно насаждались там, где пропаганда не давала ожидаемых результатов. К таким местностям, безусловно, относились Гжельская и Карповская волости Бронницкого и Богородского уездов, знаменитые своим народным промыслом. Гжельская округа до реформы 1861 г. находилась в составе Удельного ведомства и, таким образом, избежала всей тяжести крепостничества, в силу чего, возможно, населялась людьми исторически более свободными, нежели их ближайшие соседи.

На территории бытования Гжельского промысла располагалось 5 храмов, и они не пустовали. Здесь же в 1918 г. была

¹ Протоколы заседаний пленума и бюро Раменского волкома за 1928 г. Заседание 11 августа 1928 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.

² Протокол № 5 съезда секретарей ячеек и сельских ячеек Бронницкого уезда. 2 января 1923 г. // ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.

открыта Гжельская керамическая школа для обучения мастерству детей местных кустарей. Для работы в школе были приглашены высококвалифицированные преподаватели из Москвы, в чьи обязанности входила также работа в расположенной неподалеку избе-читальне. Здесь сотрудники школы, занимавшиеся ликбезом, вели также целый ряд предметов, включая арифметику, физику, рисование, астрономию, литературу, санитарию и гигиену. Существовал даже драматический кружок [2, с. 179–185]. Сведения об этом сохранились в многочисленных отчётах, которые отправляла своему руководству директор Гжельской школы П. Г. Алешина. В отчёте «Об общественной работе» за 1924 г. после перечня работ читаем следующие строки: «...Такова работа педагогов нашей школы, работа, за которую со стороны местного крестьянства школа слышит одобрение. Кроме того, в наступающем Комсомольском Рождестве, организация которого будет вынесена в крестьянскую среду, педагоги нашей школы примут также активное участие, план которого уже имеется»¹.

В ряду мероприятий, организованных преподавателями Гжельской школы, П. Г. Алешина упомянула «комсомольское рождество», которое устраивалось с попустительства властей с начала 1920-х гг. и представляло собой пародийные представления, грубо высмеивавшие главные христианские праздники – Рождество и Пасху. Анализ фактов показывает, что такие формы антирелигиозной кампании организовывались «в ходе тесного взаимодействия РКП(б) и РКСМ и проходили под их непосредственным руководством» [9].

Выглядело это следующим образом: комсомольские ячейки должны были организовывать празднование «комсомольских святок» в первый день Рождества, т. е. 25 декабря, которое было объ-

явлено нерабочим днём. Мероприятия начинались чтением докладов и речей, разоблачающих «экономические корни» рождественских праздников. Потом шли спектакли и инсценировки, показывались политические сатиры, «живые картины». На второй день праздника организовывались уличные шествия, на третий – в клубах устраивались маскарады и ёлка, получившая название «комсомольская ёлка». Участники ёлочных карнавалов (в основном из комсомольцев-пропагандистов) рядились в самые невообразимые сатирические костюмы: Антанты, Колчака, Деникина, кулака, эппмана, в языческих богов и даже в рождественского гуся и поросенка. Проводились шествия с факелами и сожжением «божественных изображений» (т. е. икон – В. Н.).

Подобные мероприятия организовывались и в других волостях Бронницкого уезда, но пример с Гжелью наиболее показателен, т. к. здесь в качестве исполнителей и участников кощунственного действия по распоряжению свыше выступали пользовавшиеся большим авторитетом местных жителей преподаватели наиболее крупного просветительского центра округа – Гжельской керамической школы [2, с. 179–185]. Следует отметить, что, несмотря на то, что такие акции являлись глумлением над чувствами верующих, сведений о конфликтах, которые бы возникали на этой почве в Московской губернии, автору обнаружить не удалось. Подобная тенденция отмечается и в других регионах [6].

Следует сказать, что такого рода антирелигиозные мероприятия не пользовались успехом и, скорее, достигали целей, обратных поставленным. Не только верующие, но и те, кто по разным причинам отошёл от Церкви, не поддерживали такого откровенного глумления над религиозными праздниками. Комсомольские пасха и рождество проходили в атмосфере натянутости, по сценариям, присланным «из губернии», и привлекали в основном люмпенизированную, опустив-

¹ Доклад об общественной работе педагогов Гжельской Керамической школы от 22.12.1924 // ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. Д. 883.

шуюся часть жителей уезда, падкую на примитивные зрелища и всегда ищущую возможности развлечься. Тем не менее ежегодно Бронницкий уездный партком требовал от волостей проведения очередных мероприятий подобного рода, и это продолжалось до 1930-х гг.

Заключение

Анализ документов, раскрывающих механизм антирелигиозной кампании, перманентно проводившейся в сельских местностях Московской губернии, позволяет сделать вывод о том, что, хотя в начале 1920-х гг. антирелигиозная политика

властей становилась всё более репрессивной по своей сути (о чём свидетельствуют многочисленные факты исключения из партии тех, кто был уличён в участии в религиозных обрядах, попытки наступления на церковный календарь и кощунственные манифестации, прямо направленные на оскорбление религиозного чувства верующих), в целом сельское население продолжало сохранять привычный жизненный уклад, глубоко проникнутый православной традицией и интегрированный с церковным годовым циклом.

Дата поступления в редакцию 09.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорош А. А. Образ православного священнослужителя-рenegата в советской антирелигиозной пропаганде в 1922–1923 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 3 (68). С. 57–63.
2. Илькевич Б. В., Никонов В. В. Художественно-промышленное образование в Гжели. 1899–1937 гг. Гжель: ГГХПИ, 2014. 352 с.
3. Карлявина А. И. Антирелигиозный кинематограф в советской пропаганде 1920-х годов. // Артикульт. 2019. № 3 (35). С. 97–104.
4. Катаев Е. А. Борьба с православными праздниками в 20-х годах XX века (на примере прессы Царицынской губернии) // Труды Белгородской православной духовной семинарии. 2017. № 6. С. 149–156.
5. Никонов В. В., Ушатова Н. П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель: ГГУ, 2016. 616 с.
6. Табунщикова Л. В. «Комсомольское рождество» 1923 года в Донской области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3. Ч. 2. С. 176–179.
7. Уфимцева Е. И. Практики атеистической социализации в контексте формирования советского общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология, политология. 2018. № 2. С. 133–139.
8. Федосов Е. А. Диалектика сакрального в советской визуальной пропаганде 1920–1960-х гг. // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2018. № 81. С. 91–104.
9. Шмелев С. А. Красное «Комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 3. С. 92–99.

REFERENCES

1. Dorosh A. A. [The image of an Orthodox priest-renegade in the Soviet anti-religious propaganda in 1922–1923]. In: *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economics, culture], 2021, no. 3 (68), pp. 57–63.
2. Ilkevich B. V., Nikonov V. V. *Khudozhestvenno-promyshlennoe obrazovanie v Gzheli. 1899–1937 gg.* [Industrial art education in Gzhel. 1899–1937]. Gzhel, GGKHPI Publ., 2014. 352 p.
3. Karliavina A. I. [Anti-religious movies in Soviet propaganda in 1920-s.]. In: *Artikult* [Articult], 2019, no. 3 (35), pp. 97–104.
4. Kataev E. A. [The struggle against Orthodox feasts in the 20-s of the XX century (on the example of the press of Tsaritsyn province)]. In: *Trudy Belgorodskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii* [Works of the Belgorod Orthodox Theological Seminary], 2017, no. 6, pp. 149–156.

5. Nikonov V. V., Ushatova N. P. *Za Khrista preterpevshie. Tserkov' i politicheskie repressii 1920–1950-kh gg. na territorii Ramenskogo raiona Moskovskoi oblasti. T. 1. Ramenskaya volost* [Suffered for Christ. Church and political repressions of the 1920s–1950s on the territory of the Ramensky district of the Moscow region. Vol. 1. Ramenskaya volost]. Gzhel, GGU Publ., 2016. 616 p.
6. Tabunshchikova L. V. [«Komsomol Christmas» of 1923 in the Don region]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice], 2016, no. 3, iss. 2, pp. 176–179.
7. Ufimceva E. I. [Practices of atheistic socialization in the context of the formation of Soviet society]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Sotsiologiya, politologiya* [Izvestia of Saratov university. New series. Series: Sociology. Politology], 2018, no. 2, pp. 133–139.
8. Fedosov E. A. [Dialectics of the Sacred in Soviet Visual Propaganda of the 1920s–1960s]. In: *Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi* [St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History], 2018, no. 81, pp. 91–104.
9. Shmelev S. A. [The red «Komsomol Christmas» and the problem of creating a new life-style in the early 1920s.]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 3, pp. 92–99.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никонов Вадим Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: nikonova-box2009@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Nikonov – Cand. Sci. (Pedagogical), Assoc. Prof., Department of History and Organization of Archival Activities, Russian State University for the Humanities;
e-mail: nikonova-box2009@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никонов В. В. Антирелигиозные мероприятия, проводившиеся в Московской губернии в первые годы советской власти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 62–71.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-62-71

FOR CITATION

Nikonov V. V. Anti-religious events in the Moscow province in the early years of soviet power. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 62–71.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-62-71

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-72-79

ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ВТОРОЙ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1960–1970-Е ГГ.

Козьякова Н. С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать правительственные группы давления в 1960–1970-е гг. на примере Второй Австрийской Республики. В правительстве они выступали за крепкие связи страны с «Общим рынком», а также за сотрудничество определённых групп австрийских промышленников с немецкими монополиями, что не могло не вызывать определённого беспокойства австрийской общественности.

Процедура и методы. Основополагающими принципами в данном исследовании являются принципы научной достоверности и объективности, системного подхода и историзма. В качестве специальных исторических методов использовался метод сравнительно-исторического анализа, что позволило провести более подробный анализ важных явлений и процессов в системе взаимодействия австрийских политических партий.

Результаты. Автор приходит к выводу, что в рассматриваемый период самой сильной политической организацией страны была Австрийская народная партия (АНП). В правительственной коалиции она была ведущей организацией с Социалистической партией Австрии (СПА) и на парламентских выборах 1955–1966 гг. получила самое большое количество мандатов. В дальнейшем АНП стала партией, которая на внешнеполитическую линию австрийского правительства оказала наиболее сильное влияние. Внутри АНП в течение данного периода шла острая борьба между правым и умеренным крылом, которые выражали интересы различных австрийских лоббистских групп.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы статьи могут быть использованы для углублённого изучения политической истории стран Западной Европы, а также при подготовке учебных пособий и лекционных курсов по новейшей истории Европы.

Ключевые слова: Австрийская народная партия, Коммунистическая партия Австрии, Социалистическая партия Австрии, австрийские социалисты, национальные интересы, нейтралитет

ISSUES OF FOREIGN POLICY IN THE ACTIVITIES OF POLITICAL PARTIES OF THE SECOND AUSTRIAN REPUBLIC IN THE 1960–1970S

N. Kozyakova

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

© CC BY Козьякова Н. С., 2022.

Abstract

Aim. The article uses the example of the Second Republic of Austria to study government pressure groups in the 1960s and 1970s. In the government, they advocated for strong ties between the country and the «Common Market», as well as the cooperation of certain groups of Austrian industrialists with German monopolies, which caused certain concern to the Austrian public.

Methodology. The fundamental principles in this study are the principle of scientific validity and objectivity, a systematic approach and historicism. As for special historical methods, the method of comparative historical analysis was used, which made it possible to conduct a more detailed analysis of important phenomena and processes in the system of interaction of Austrian political parties.

Results. The author comes to the conclusion that during the period under review, the most powerful political organization in the country was the Austrian People's Party (ЦVP). In the government coalition, it was the leading organization together with the Socialist Party of Austria (СПЦ) and won the largest number of seats in the 1955–1966 parliamentary elections. In the future, the ЦVP became the party that had the strongest influence on the foreign policy of the Austrian government. Within the ЦVP during this period, there was a keen struggle between the right and moderate wings, which expressed the interests of various Austrian lobbying groups.

Research implications. The article's materials can be used for an in-depth study of the political history of the countries of Western Europe, as well as for the preparation of textbooks and lecture courses on the modern history of Europe.

Keywords: Austrian People's Party, Communist Party of Austria, Socialist Party of Austria, Austrian Socialists, national interests, neutrality

Введение

В апреле–мае 1945 г. произошло освобождение Австрии. Советская армия сыграла в этом ведущую роль: после тяжёлых боёв были освобождены Вена и восточные провинции страны. На базе трёхпартийной коалиции народной партии (во главе которой стоял социалист К. Реннер), коммунистов и социалистов было создано Временное правительство Австрии. Это произошло на территории, освобождённой советской армией в конце апреля 1945 г. СССР содействовал в восстановлении разрушенной экономики Австрии и первым 28 апреля 1945 г. признал Временное правительство.

Между СССР, США, Великобританией и Францией 4 июля 1945 г. было подписано соглашение о контрольном механизме и зонах оккупации в Австрии¹. В границах 1937 г. оно предусматривало раздел Австрии на 4 оккупационные зоны:

1. во французскую зону вошли Форарльберг и Тироль;

2. в британскую – Штирия и Каринтия с Восточным Тиролем;

3. в американскую были включены провинция Зальцбург и находящаяся на правом берегу Дуная часть Верхней Австрии;

4. в советскую – Бургенланд, расположенная на левом берегу Дуная часть Верхней Австрии и Нижняя Австрия.

На оккупационные секторы между 4 державами была также разделена и столица Австрии – г. Вена. Оккупация стала следствием того, что во время Второй мировой войны Австрия потерпела военное поражение и безоговорочно капитулировала перед фашистской Германией и являлась её частью. Главными задачами оккупации были демократизация, денацификация и демилитаризация страны, создание систематических мер против повторения её захвата Германией и восстановление Австрии в качестве демократического независимого государства.

Четыре страны для выполнения данных задач создали Союзническую комиссию по Австрии. С Австрией предполагалось заключить Государственный

¹ Внешняя политика Советского Союза в период отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. М., 1947. 471 с.

договор, согласно которому оккупация страны завершалась после выполнения поставленных задач¹. Но данные задачи не были полностью выполнены из-за попустительства западных держав, которые стремились включить в создаваемый ими военный блок западную часть Австрии. Западные страны, в первую очередь США, для усиления своего влияния в стране, старались использовать оккупацию. Указанной цели служили Австрийско-американское соглашение от 2.07.1948 по «плану Маршалла» и Соглашение о так называемой «промежуточной помощи» между Австрией и США от 2.01.1948 [4, с. 147].

Политические партии Второй Австрийской республики в 1960–1970 гг.

В условиях усиления мощности социалистических стран, где ведущая роль принадлежала СССР, под давлением общественности страны австрийское правительство приняло решение о проведении политики нейтралитета и трезво оценило ситуацию, что облегчило путь к дальнейшему заключению Государственного договора [2, с. 175]. В ответ на инициативу СССР, австрийское правительство в апреле 1955 г. согласилось на проведение двусторонних переговоров в Москве, в ходе которых были урегулированы все стоящие на пути к заключению Государственного договора актуальные вопросы экономического и политического характера.

В 50–70-е гг. XX в. в Австрии самой сильной политической организацией была Австрийская народная партия (АНП). Наряду с Социалистической партией Австрии (СПА) она была ведущей организацией в правительственной коалиции и на парламентских выборах 1955–1966 гг. получила самое большое количество мандатов (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Распределение мандатов между Социалистической партией Австрии и Австрийской народной партией на парламентских выборах в 1953–1962 гг. / Distribution of mandates between the Socialist Party of Austria and the Austrian People's Party in parliamentary elections in 1953–1962

Год	АНП	СПА
1953	74	73
1956	82	74
1959	79	78
1962	81	76

Источник: Info – kompakt: die Freiheitliche Partei Österreichs (FPÖ), Geschichte, Programm, Organisation, Kontakte. Freiheitliche Partei Österreichs, Wien: FPÖ-Bildungsinstitut, 2017, 55 S.

В марте 1966 г. на выборах АНП получила абсолютное большинство мандатов (85 против 74) и в дальнейшем создала однопартийное правительство, просуществовавшее до 1970 г. В первый раз в истории Второй Австрийской республики выборы в марте 1970 г. принесли существенное изменение соотношения сил в пользу СПА между двумя ведущими партиями: СПА получила 81 мандат, а АНП – 79.

В 1955–1970 гг. АНП была партией, которая на внешнеполитическую линию австрийского правительства оказывала наиболее сильное влияние. Внутри АНП в течение данного периода шла острая борьба между правым и умеренным крылом, которые выражали интересы различных австрийских лоббистских групп. Представители умеренного крыла партии во главе с Ю. Раабом в ходе данной борьбы постепенно были отстранены из руководства партии представителями её правого крыла (Г. Витхальм, А. Горбах, Р. Камитц, Й. Клаус и др.), несмотря на то, что они выступали за строгое соблюдение Австрией обязательств Закона о нейтралитете и Государственного дого-

¹ Второе контрольное соглашение по Австрии от 28.04.1946.

вора. Интересы австрийской олигархии, тесно связанной с немецкими монополиями, выражало правое крыло АНП. Здесь необходимо выделить следующую закономерность: позиция правого крыла АНП усиливалась по мере того, как немецкий капитал укреплял свои позиции в австрийской экономике.

Историк Рейнхольд Лопатка делает вывод, что за участие Австрии в интеграции Западной Европы последовательно выступала АНП, приводя доказательство в качестве «необходимости объединения национальной экономики с большим европейским хозяйством» [6, с. 267]. Это неудивительно, т. к. партия крупных австрийских промышленников выступала за укрепление и расширение собственных связей с монополистическими объединениями США и стран Западной Европы.

Внутренняя борьба в АНП усилилась в связи с расколом Западной Европы в 1957–1960 гг. на две противоборствующие экономические группы – ЕАСТ и ЕЭС [1, с. 62].

Для дальнейшего усиления связей австрийского капитала с немецким правое крыло партии выступило за присоединение Австрии к ЕЭС. Задачей здесь было передать частным собственникам национализированный сектор австрийской промышленности и ослабление позиций младшего партнёра по правительственной коалиции – СПА.

В рассматриваемый период значительную силу представляла Социалистическая партия Австрии (СПА). Формально она была рабочей партией, т. к. являлась правопреемницей Социал-демократической партии Австрии, которая была создана в 1888 г. В состав СПА входило свыше 40% рабочих. Но в годы Первой мировой войны руководство СДПА встало на оппортунистические позиции и перестало принимать во внимание интересы рабочих. Во Второй республике СПА была 3-й по численности партией в Австрии [3, с. 48].

СПА совместно с АНП до 1966 г. осуществляла правительственную программу, но начиная с 1966 г. и по 1970 г. была уже в оппозиции. Придерживаясь политики «социального партнёрства», правые лидеры СПА шли на уступки и отказались от любого сотрудничества с Коммунистической партией Австрии.

В действительности политика СПА была направлена на защиту существующего строя, а её внешнеполитическая программа, по сути, подчинялась внешнеполитической стратегии австрийской олигархии. Австрийские социалисты активно выступали за участие страны в интеграционных организациях стран Западной Европы и поддерживали «план Маршалла». Австрийские историки К. Эдель, Х. Зикингер, С. Тиллингер и А. Эйкер в своём исследовании прошедшего в 1958 г. в Вене партийного съезда рассматривают принятую программу, которая содержала положение о том, что СПА поддерживала участие Австрии в Европейском Совете, а также в Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС, с 1960 г. – ОЭСР), приходят к выводу, что «объединение этих организаций создаёт основу для будущих общих экономических и политических органов Объединённой Европы» [4, с. 42] и выступала за создание так называемых «Соединённых Штатов Европы»¹.

Историк К. Прапротник считает, что в оценке западноевропейской интеграции данная программа не отличалась от характеристики почти одновременно принятой программы АНП. Программа австрийских социалистов также содержала демагогию социальных и экономических благ, которые якобы должно было принести участие Австрии в экономических объединениях стран Западной Европы. [11, с. 195]

¹ Info – kompakt: die Freiheitliche Partei Österreichs (FPÖ), Geschichte, Programm, Organisation, Kontakte. Freiheitliche Partei Österreichs, Wien: FPÖ-Bildungsinstitut, 2017. 55 p.

В отношении стран Восточной Европы позиция СПА определялась антикоммунистической политикой и идеологией её лидеров. Это проявлялось в фальсификации фактов, целей и принципов внешней политики социалистических стран. Программа СПА содержала утверждение о том, что в мире существует угроза «коммунистической экспансии» [13, с. 167]

Постоянным явлением в отношении стран социалистического лагеря была враждебность лидеров СПА и их антикоммунизм. Особенно она усилилась в связи с событиями 1968 г. в Чехословакии. Польская исследовательница Ю. Мечниковска приводит по данному поводу доказательство теоретического журнала КПА «Weg und Ziel», который писал, что «правые лидеры СПА делали всё для того, чтобы оклеветать социалистические страны и дискредитировать социализм» [7, с. 125]

В начале 1970 г., во время предвыборной кампании, лидеры СПА фальсифицировали события в Венгрии 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., а также допускали резкие выпады против социалистических стран.

По данному поводу председатель КПА Ф. Мури выступил с заявлением, в котором сделал акцент на том, что «с точки зрения внешней политики, пропаганда такого рода направлена на обострение отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами, т. е. против политики мирного сосуществования и разрядки напряжённости, что не отвечает интересам Австрии» [10, с. 54].

Правые социалистические лидеры СПА за годы её участия в коалиционном правительстве выступали против сотрудничества Австрии со странами социалистического лагеря. После того, как в 1966 г. СПА вышла из правительственной коалиции, они подвергли критике однопартийное правительство АНП за то, что оно делало «слишком много хорошего» в направлении расширения сотрудничества с социалистическими странами. По

этому поводу председатель СПА Б. Крайский говорил: «мы за корректные отношения с социалистическими странами, но не больше». [5, с. 351].

Смысл проведения политики «мирного сосуществования» лидеры СПА видели в разрядке международной напряжённости и сотрудничестве с социалистическим лагерем только в достижении целей трансформации политического строя в данных странах и дальнейшей реставрации капитализма. Они также активно поддерживали контрреволюционные силы в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии с 1968 г.

СПА была хорошо организованной и сильной партией и, как следствие, имела возможность влиять на проводимую коалиционными правительствами Австрии внешнюю политику, но не использовала имеющиеся возможности. Для осуществления собственных интересов АНП в 1950–1960-х гг. использовала широкую поддержку правых лидеров СПА. Австрийские социалисты в 1961–1966 гг. оказали поддержку мероприятиям коалиционного правительства, отвечавшим только интересам австрийских монополий, которые были тесно связаны с немецкими. Партия не выдвинула альтернативной внешнеполитической концепции, несмотря на её переход в оппозицию.

Австрийская партия свободы (АПС) была третьей политической партией Австрии, которая в течение рассматриваемого нами периода была представлена в парламенте. Она была создана в апреле 1956 г. и стала правопреемницей неонацистского Союза независимых. Данный союз прекратил своё существование после вступления в силу Государственного договора, он также выступал против принятия Закона о нейтралитете и заключения Австрией Государственного договора.

Лидеры АПС демагогически критиковали действия правительства, в защиту демократии выступали с псевдоречами и маскировались под либералов. Если рас-

смагивать программу данной партии и её состав, то видно, что АПС была крайне реакционной правой партией, а не либеральной¹.

Руководство партии состояло из бывших нацистов, которые в своё время занимали высокие посты в СС и армии, а также в государственном и партийном аппарате Третьего рейха [12, с. 154.]

Основателем АПС был А. Райнталлер, который во время Второй мировой войны был бригаденфюрером СС и входил в состав нацистского «правительства» фашистского ставленника А. Зейс-Инкварта, непосредственно готовившего аншлюс Австрии.

Его преемником на посту председателя партии стал Ф. Петер, который также был офицером войск СС и, согласно газете «Neue Front» – партийного органа АПС, «участвовал в походе против России на передовой линии»².

АПС выступала в качестве апологета идеи «Великой Германии» и представляла интересы немецких западных монополий, материальную поддержку ей оказывали крупные финансисты ФРГ. Данная партия считала Австрию частью «немецкого народного и культурного содружества»³, выступала с пангерманскими идеями и отвергала существование австрийской нации⁴. В области внешней политики её главной целью было максимальное сближение, а в дальнейшем и соединение Австрии с ФРГ. Сторонники пангерманских идей из АПС планировали осуществить свои цели при помощи политической и экономической интеграции Австрии в Западную Европу, при этом они осознавали, что старый путь аншлюса был нереальным. В связи с этим АПС проводила

широкую пропагандистскую кампанию за вступление Австрии в ЕЭС. Федеральным правлением АПС было принято решение о вступлении Австрии в ЕЭС в той форме, которая могла отвечать полному членству данной организации⁵ [7, с. 24]. СМИ партии вели усиленную антикоммунистическую кампанию, АПС также выступала против любого сотрудничества со странами социалистического лагеря и СССР.

Внешнеполитическая концепция АПС была опасна из-за экстремистской и пангерманской ориентации. Несмотря на то, что в парламенте она была представлена только несколькими депутатами, по сути, это была ведущая сила при условии равного распределения парламентских мест между коалиционными партиями АНП и СПА, т. к. исход голосования в парламенте зависел от её поддержки той или иной партии. Это заставляло как СПА, так и АНП добиваться её поддержки. Однопартийное правительство АНП, существование сильной оппозиции в парламенте в 1960–1970-х гг. привело к установлению доверительных контактов с АПС. Поддержка АПС в 1970–1971 гг. стала фактором, который позволил социалистическому правительству меньшинства удержаться у власти. Но открыто пойти на создание с АПС «малой коалиции» ни СПА, ни АНП не могли в связи с опасением утраты потери престижа на международной арене и влияния внутри страны⁶ [13, с. 58].

Коммунистическая партия Австрии (КПА) выражала национальные интересы австрийцев. Она оказывала огромное влияние на политическую жизнь страны, имела чётко сформулированную политическую программу, несмотря на то, что с 1959 г. не была представлена в парламенте. В 1953–1956 гг. в парламенте КПА было представлено 4 депутата, а в 1956–

¹ Österreich zuerst 1956–2016: 60 Jahre FPÖ die soziale Heimatpartei. Wien: FPÖ-Bildungsinstitut, 2016. 224 p.

² Österreich zuerst 1956–2016: 60 Jahre FPÖ die soziale Heimatpartei. Wien: FPÖ-Bildungsinstitut, 2016. 224 p.

³ Sagen aus Österreich. Freiheitliche Partei Österreichs. Wien: FPÖ; 2013. 120 p.

⁴ Там же.

⁵ Info – kompakt: die Freiheitliche Partei Österreichs (FPÖ), Geschichte, Programm, Organisation, Kontakte. Freiheitliche Partei Österreichs, Wien: FPÖ-Bildungsinstitut, 2017. 55 p.

⁶ Österreich zuerst 1956–2016: 60 Jahre FPÖ die soziale Heimatpartei. Wien: FPÖ-Bildungsinstitut, 2016. 224 p.

1959 гг. – 3 [8, с. 46]. КПА требовала строго и однозначного соблюдения нейтралитета, различные трактовки здесь не допускались, это являлось средством укрепления независимости Австрии. По мнению историка М. Муграуэра, защита нейтралитета должна была быть «общим делом всех австрийцев, независимо от их партийной принадлежности» [9, с. 75], т. к. это отвечало жизненным интересам и потребностям австрийцев.

Заключение

Единственной политической партией, которая выступала за развитие отношений Австрии с социалистическими странами и СССР, была Коммунистическая партия Австрии. По этому поводу газета «Folksstimme» писала: «КПА ... считает одной из своих важнейших задач продолжать борьбу за дружественные отношения с Советским Союзом и соседними социалистическими странами» [9, с. 421].

Австрийские СМИ системно фальсифицировали жизнь в социалистических странах, в связи с этим задача австрийских коммунистов состояла в опровержении лжи о жизни в странах Восточной Европы.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в основе АПС, АНП и СПА лежали

сложные идеологические конструкции. Это были либеральные партии, т. к. в общественно-политических делах придерживались принципа личной ответственности, а в экономике поддерживали рыночную систему. Они также были демократическими – выступали за многопартийную систему правления и отрицали партийную диктатуру. Их можно назвать и консервативными в связи с проводимыми ими государственной семейной и демографической политиками. Фундаментальной основой указанных партий был национализм. Данная идеология являлась главной направленностью как во внутренней, так и во внешней политиках. В первом случае это касалось укрепления статуса австрийской национальной культуры, а во втором – сохранения суверенной национальной Австрии, независимости которой не должна затрагивать наднациональные властные институты.

Принимая во внимание перечисленные тезисы, можно сказать, что данные партии в определённых исторических условиях были как национал-консервативными, так и национал-либеральными в зависимости от рассматриваемых ими вопросов внешней политики.

Дата поступления в редакцию 08.04.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Вититнев С. Ф. Экологическое движение в ФРГ: генезис, идеология, функции: дисс. ... док. ист. наук. М., 2004. 592 с.
2. Жиряков И. Г. Воссоздание австрийского государства в 1945–1955 гг.: историко-правовое исследование. М., МГГУ им. М. А. Шолохова, 2007. 245 с.
3. Козьякова Н. С. Неофашистское движение в Австрии (1945–1975 гг.). М.: ИИУ МГОУ, 2018. 135 с.
4. Edel K., Sickinger H., Tillinger-Deutsch S., Ecker A. Politische Parteien in Österreich. Universität Wien, Fachdidaktikzentrum für Geschichte, Sozialkunde und Politische Bildung. Wien: Fachdidaktikzentrum Geschichte und Politische Bildung, 2011. 100 p.
5. Kreisky B., Rathkolb O. Erinnerungen: das Vermächtnis des Jahrhundertpolitikers. Wien; Graz; Klagenfurt: Verl.-Gruppe Styria, 2014. 503 p.
6. Lopatka R. Für Österreich: 70 Jahre Österreichische Volkspartei. Eine Erfolgsgeschichte. Wien, 2015. 400 p.
7. Miecznikowska J. Europeizacja partii i systemu partyjnego Austrii. Warszawa: Instytut Europeistyki, 2018. 492 p.
8. Mugrauer M. 90 Jahre KPÖ: Studien zur Geschichte der Kommunistischen Partei Österreichs. Wien: Eigenverl.; Alfred-Klahr-Ges, 2009. 348 p.
9. Mugrauer M. Die Politik der Kommunistischen Partei Österreichs 1945–1955. Wien, 2017. 813 p.
10. Muhri F. KPÖ zeigt die Alternativen. Wien: Kommunistische Partei Österreichs, 1978. 79 p.

11. Praprotnik K. *Parteien und ihre Wahlversprechen: Einblicke in die Politikgestaltung in Österreich*. Wiesbaden: Springer VS, 2017. 280 p.
12. Siebenhaar H.-P. *Österreich: die zerrissene Republik*. Zürich: Orell Füssli Verlag, 2017. 271 p.
13. Zögernitz W., Lenzhofer S. *Politische Parteien – Recht und Finanzierung*. Wien: Facultas, WUV, 2013. 315 p.

REFERENCES

1. Vititnev S. F. *Ekologicheskoe dvizhenie v FRG: genesis, ideologiya, funktsii: diss. ... dok. ist. nauk* [The environmental movement in Germany: genesis, ideology, functions: D. thesis in History of Sciences]. Moscow, 2004. 592 p.
2. Zhiryakov I. G. *Vossozdanie avstrijskogo gosudarstva v 1945–1955 gg: istoriko-pravovoe issledovanie* [Reconstruction of the Austrian state in 1945–1955: historical and legal research]. Moscow, MGGU im. M. A. Sholohova Publ., 2007. 245 p.
3. Kozyakova N. S. *Neofashistskoe dvizhenie v Avstrii (1945–1975 gg.)* [Neo-fascist movement in Austria (1945–1975)]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2018. 135 p.
4. Edel K., Sickinger H., Tillinger-Deutsch S., Ecker A. *Politische Parteien in Österreich*. Universität Wien, Fachdidaktikzentrum für Geschichte, Sozialkunde und Politische Bildung. Wien, Fachdidaktikzentrum Geschichte und Politische Bildung, 2011. 100 p.
5. Kreisky B., Rathkolb O. *Erinnerungen: das Vermächtnis des Jahrhundertpolitikers*. Wien; Graz; Klagenfurt, Verl.-Gruppe Styria, 2014. 503 p.
6. Lopatka R. *Für Österreich: 70 Jahre Österreichische Volkspartei. Eine Erfolgsgeschichte*. Wien, 2015. 400 p.
7. Miecznikowska J. *Europeizacja partii i systemu partyjnego Austrii*. Warszawa, Instytut Europeistyki, 2018. 492 p.
8. Mugrauer M. *90 Jahre KPÖ: Studien zur Geschichte der Kommunistischen Partei Österreichs*. Wien, Eigenverl., Alfred-Klahr-Ges., 2009. 348 p.
9. Mugrauer M. *Die Politik der Kommunistischen Partei Österreichs 1945–1955*. Wien, 2017. 813 p.
10. Muhri F. *KPÖ zeigt die Alternativen*. Wien, Kommunistische Partei Österreichs, 1978. 79 p.
11. Praprotnik K. *Parteien und ihre Wahlversprechen: Einblicke in die Politikgestaltung in Österreich*. Wiesbaden, Springer VS, 2017. 280 p.
12. Siebenhaar H.-P. *Österreich: die zerrissene Republik*. Zürich, Orell Füssli Verlag, 2017. 271 p.
13. Zögernitz W., Lenzhofer S. *Politische Parteien – Recht und Finanzierung*. Wien, Facultas, WUV, 2013. 315 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козьякова Наталья Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya S. Kozyakova – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козьякова Н. С. Вопросы внешней политики в деятельности политических партий Второй Австрийской республики в 1960–1970-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 72–79.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-72-79

FOR CITATION

Kozyakova N. S. Issues of foreign policy in the activities of political parties of the Second Austrian Republic in the 1960–1970s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 72–79.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-72-79

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(470)“1768/1774”

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-80-91

О НЕДОСТАТОЧНО ИССЛЕДОВАННЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ И ПРИЧИНАХ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768–1774 ГГ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Миловский Н. М.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучение, сопоставление и обобщение позиций отечественных историков по недостаточно изученным вопросам предпосылок и причин русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Процедура и методы. Данное исследование предпринято с учётом принципа историзма с привлечением системного метода, что дало возможность осуществить всесторонний анализ историографии рассматриваемой проблемы.

Результаты. Рассмотрены изложенные и объяснённые в исторических исследованиях предпосылки и причины русско-турецкой войны 1768–1774 гг., как главнейшие – столкновение политических интересов ведущих мировых империй, так и второстепенные – роль и значение «Северного аккорда», «диссидентский вопрос в Польше», российских дипломатов, внешняя политика Франции в отношении Российской Империи во второй половине 1760-х гг.¹

Теоретическая и/или практическая значимость. Проанализированные и сопоставленные основные положения работ отечественных исследователей по различным вопросам внешней политики России накануне русско-турецкой войны 1768–1774 гг. могут быть использованы для подготовки специальных курсов по истории внешнеполитической деятельности Российской Империи.

Ключевые слова: вторая половина XVII в., Российская империя, внешняя политика, Османская империя, Польша, предпосылки и причины русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

ON INSUFFICIENTLY RESEARCHED PREREQUISITES AND CAUSES OF THE RUSSO-TURKISH WAR OF 1768–1774 IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

N. Milovsky

Moscow Region State University

ul. Very Voloshonoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. Study, comparison and generalization of the positions of Russian historians on insufficiently studied issues of the prerequisites and causes of the Russo-Turkish War of 1768–1774.

Methodology. This study was conducted taking into account the principle of historicism with the involvement of a systematic method, which made it possible to carry out a comprehensive analysis of the historiography of the problem under consideration.

Results. The prerequisites and causes of the Russo-Turkish war of 1768–1774, both the main ones – the clash of political interests of the world's leading empires, and the secondary ones – the role and significance of the «Northern Accord», the «Dissident question in Poland», Russian diplomats, the foreign policy of France towards the Russian Empire in the second half of the 1760s, are considered.

Research implications. The analyzed and compared main provisions of the works of domestic researchers on various issues of Russian foreign policy on the eve of the Russo-Turkish war of 1768–1774 can be used to prepare special courses on the history of foreign policy activities of the Russian Empire.

Keywords: The second half of the XVII century, the Russian Empire, foreign policy, the Ottoman Empire, Poland, prerequisites and causes of the Russo-Turkish War of 1768–1774

Введение

Почему именно сегодня важно обращение к истории русско-турецкой войны 1768–1774 гг.? Потому что причины, ход и результаты войны освещают ряд важнейших аспектов так называемых «Крымского» и «Польского» вопросов, приобретших в настоящее время статус геополитических проблем; разрешение которых затянулось на несколько столетий и которые сегодня представляют собой «камень преткновения» во взаимоотношениях России с другими странами. Однако в первую очередь необходимо обратиться к предыстории войны.

Предметом статьи являются проанализированные в работах российских исследователей XIX–XXI вв. политические предпосылки и причины русско-турецкого и русско-польского конфликта 1768–1774 гг., предопределившие политику России на несколько столетий вперед.

Цель работы состоит в анализе и обобщении позиций отечественных историков по важнейшим аспектам внешнеполитического курса Российской империи 1760–1770-х гг.

Для достижения поставленной цели необходимо: 1) определить узловые проблемы внешнеполитической ситуации, сложившейся в Западной Европе ко второй половине XVIII в., явившиеся основными и второстепенными предпо-

сылками и причинами русско-турецкой войны; 2) выявить, проанализировать и сопоставить позиции отечественных исследователей, изучавших предпосылки и причины возникновения войны.

Исследование поставленных задач проводилось в соответствии с принципами историзма и системного метода исследования, что позволило сделать всесторонний научный анализ заявленной к рассмотрению проблемы в целом.

Традиционно исследовательскую литературу подразделяют по периодам: до-революционный [2; 4; 6; 22; 28; 32; 33], советский [8; 9; 10; 16; 18; 29; 30; 34]) и послесоветский [1; 3; 7; 13; 14; 15; 25; 26; 27; 31; 35; 36, 37, 39].

Специальных и обобщающих работ, посвящённых именно предпосылкам и причинам русско-турецкой войны нет, есть отдельные статьи, в которых раскрывается тот или иной аспект интересующей нас темы [26; 27; 31; 38; 39], но практически в каждой работе любого из указанных историографических периодов так или иначе обозначены факторы, предопределившие вооружённое противостояние России и Турции, России и польских конфедератов [5; 11; 18; 21; 24; 28; 34; 40].

Принципиальных разногласий по поводу глобальных геополитических предпосылок военной коллизии нет. Основопо-

лагающим фактором, предопределившим русско-турецкую войну 1768–1774 гг. считается столкновение интересов мировых империй [12; 34]. Но есть многочисленные нюансы, которые в ракурсе рассмотрения подготовки войны либо выносятся на второй план, либо не принимаются в расчёт вообще. Тогда как многие из различий предопределяли и сам конфликт, и участие в нём – прямое или опосредованное – той или иной страны.

Так, например, до сих пор остаются без глубокого и всестороннего изучения, хотя и не оставленные без внимания вообще, такие связанные с предысторией русско-турецкой войны вопросы, как «Северный аккорд» (или «Северная система»), «Диссидентский вопрос» в Речи Посполитой, Барская конфедерация, внешняя политика Франции, Австрии и Пруссии [1; 9; 10; 24]. Многогранное исследование этих аспектов крайне важно при анализе как предпосылок и причин войны, так и её хода, и, конечно же, результатов. Причём вопросы предпосылок (т. е. сложившейся обстановки, благоприятных для развязывания военных действий условий), причин (глубинное и конкретное обоснование неизбежности военной кампании) и повода (некоей формальности или катализатора, послужившего толчком для начала столкновения) войны рассматриваются более в работах, посвящённых общим вопросам внешнеполитической политики Екатерины II [12; 13; 22; 23], чем в исследованиях событий перед, во время и после военных действий 1768–1774 гг. [19].

Предпосылки войны

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. – первая в серии войн между двумя государствами в период с последней трети XVIII – начала XX в.

Цель войны со стороны Турции – расширение владений на Кавказе и Северном Причерноморье [14, с. 68–69], присоединение территорий Подолии и

Волынии, а также возможность установления протектората над Речью Посполитой [28, с. 56–62]. Российская империя рассчитывала заполучить выходы к Черному морю, в первую очередь, на Крымском полуострове, а также уничтожить польскую оппозицию в лице сторонников Барской конфедерации, рассматривавших Турцию как своего союзника.

Отечественные исследователи, занимавшиеся и занимающиеся историей русско-турецкой войны 1768–1774 гг., едины в том, что войне предшествовала длительная дипломатическая подготовка, причём в т. ч. и со стороны стран, прямо в военном конфликте не замешанных, но желающих и рассчитывающим получить определённые дивиденды в результате войны между Россией и Турцией, а также благодаря политическому кризису в Польше. Что, в частности, было проанализировано в трудах Г. М. Генделя и П. П. Черкасова [9, с. 187–220; 10, с. 123–137; 39, с. 50–76].

По сути, русско-турецкая война 1768–1774 гг., как считали исследователи, явилась продолжением общеевропейского конфликта за австрийское наследство (1740–1748), Семилетней войны (1756–1763), вызванных противостоянием Великобритании и Франции за глобальное первенство и «подключившихся» к борьбе других империй – Пруссии, России, Австрии, Турции. Однако Лондон и Париж делали всё, чтобы военные конфликты происходили вне их территорий, на «периферии», под которой подразумевали Восточную Европу, Северное Причерноморье. Кроме того, французская и английская дипломатии не были заинтересованы в укреплении ни России, ни Турции, а потому стремились столкнуть их в противоборстве, но получить «все причитающиеся» дивиденды. Англия и Франция рассчитывали также, что будут выступать в роли миротворцев – официально, а негласно – поддерживать в Европе состояние политической напряжённости.

Причины войны

Мы считаем правильным вести отсчёт предыстории начавшихся в 1768 г. военных столкновений именно с событий, происходивших в Речи Посполитой в 1760-х гг.

Российский историк Ф. Ф. Веселаго ещё во второй половине XIX в. отмечал, что точкой отсчёта движения стран к войне можно считать создание в 1763 г. по проекту российского дипломата Н. И. Панина так называемого «Северного аккорда» – союза России, Пруссии, Дании в противовес Франции и Австрии. Однако автор не смог убедительно обосновать свою мысль [6, с. 93].

Советский историк Е. И. Дружинина, изучая процесс подготовки и заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., повторила идею Ф. Ф. Веселаго [16, с. 87].

Лишь гораздо позднее уже современный исследователь П. П. Черкасов постарался развить идею Веселаго, остановившись на особенностях дипломатических и политических взаимоотношений России и Франции в 1760-х гг. [39, с. 50–76].

Нет чёткости и ясности в работах отечественных историков и по анализу позиции к «Северному аккорду» со стороны Англии, которая поддерживала Пруссию во время событий 1756–1763 гг., а после окончания Семилетней войны вернулась к политике континентального нейтралитета [30, с. 159–190].

Недооценено отечественными историками и продление в 1766 г. русско-британского договора о торговле от 1734 г. сроком ещё на 15 лет. Напротив, акцент в большинстве исследований сделан на том, что, несмотря на некоторые дипломатические подвижки, интересы Англии и России так и не могли совпасть, что также не совсем соответствует истине, учитывая хотя бы эволюцию торговых взаимоотношений [16, с. 81].

Ряд исследователей особо подчеркивает, что благодаря «Северному аккорду» удалось вывести Австрию из-под сферы

влияния Франции, которая поддержала Россию в начавшейся в 1768 г. войне с Турцией [10, с. 187–220]. Мы не согласны с оценкой В. Н. Виноградова, считавшего «Северный аккорд» аморфным, неподдающимся определению образованием [39, с. 54–55]. Здесь исследователь повторяет оценки В. О. Ключевского и С. М. Соловьёва [20, с. 230–231; 33, с. 316], также достаточно критически относившихся к идее Н. И. Панина [8]. Даже «нейтрализация» Австрии стоила усилий [16, с. 74–75].

Франция же упорно отстаивала идею создания так называемого «Восточного барьера» – союз противостоящих России (и Австрии) стран: Турции, Швеции, Речи Посполитой, которым стремилась преградить выход России не только в Западную Европу, но и на юг – к Чёрному морю; в этом советские и российские историки, пожалуй, консолидировались [16, с. 72; 19, с. 130–178; 40, с. 50–76].

Польский вопрос, осложнившийся в начале 1760-х гг., выступает как составная часть концепции «Восточного барьера», предусматривающей перманентное противостояние 2 стран; неслучайно конфликт России с Польшей, по аналогии с войной России и Турции, называют «Первой польской войной» [17].

После смерти короля Речи Посполитой Августа III (сентябрь 1763 г.) страну охватили политические распри, в которые вмешались и страны-соседи. России удалось «продать» своего кандидата, и в 1764 г. королём стал Станислав Понятовский. Франция в этом раунде проиграла [39, с. 56].

Но политическое противостояние в Польше, как точно подмечало большинство исследователей, не прекратилось. Одна из причин – акцентирование внимания со стороны России к так называемому «диссидентскому вопросу» – проблеме дискриминации в Польше не-католического населения (православных и протестантов) [1, с. 31–39; 16, с. 82]. Это не могло не сказаться на взаимоотно-

ношениях Речи Посполитой не только с Россией, но и с другими европейскими державами (Пруссией, Англией, Австрией), однако этот аспект «диссидентского вопроса» пока недостаточно разработан исследователями, поскольку основное внимание уделяется исключительно главному «игроку» – Российской империи.

Недостаточно освещены в отечественной исторической литературе место и роль Н. В. Репнина, с 1764 г. «полномочного министра» Российской Империи в Речи Посполитой, чьи действия во многом предопределили вооружённое столкновение России с польской оппозицией и с самой Турцией [2; 16, с. 84–89].

Также недостаточно внимания было уделено Барской конфедерации – временному политическому союзу польского дворянства, – заключённой в крепости Бар (Подолія) 29 февраля 1768 г. в противовес пророссийским конфедерациям – Слуцкой, Торуньской, Радомской. Барская конфедерация была создана как реакция на арест российскими военными 14 октября 1767 г. ряда влиятельных польских сенаторов и подписание 24 февраля 1767 г. трактата о «вечной дружбе» Российской империи и Речи Посполитой [17, с. 116–119; 25, с. 160–161].

Цель Барской конференции, как совершенно справедливо указывают исследователи, – сохранение прав и привилегий польской шляхты и противостояние усилиям России в решении «диссидентского вопроса» [1, с. 31–39]. Создание Барской конференции не могло не обеспокоить и Н. В. Репнина и официальный Петербург в целом. По сути, конфедератов объявили вне закона. Это не оспаривается историками, однако среди исследователей нет согласия в вопросе о том, выступали ли сторонники Барской конфедерации только против российского присутствия или против польского короля тоже? Но 26 марта 1768 г., как известно, Понятовский обратился к России с просьбой о военном вмешательстве. Значит, либо и сами конфедераты Бара ставили его «вне

закона», либо он действовал по указанию Репнина.

Конфедераты рассчитывали на помощь и поддержку западноевропейских стран, в первую очередь, Франции, однако последняя, опасаясь открыто выступать против Екатерины II, «нашла» для Речи Посполитой союзника – Турцию. Косвенно процесс выстраивания политических взаимоотношений между Турцией и Францией представлен в исследовании П. П. Черкасова [39, с. 50–76]. К сожалению, в трудах советских историков, содержащих очень богатый фактографический материал, это изложено порой политизировано и не даёт объективного представления о целях и задачах, которые ставили перед собой не только Франция, но и Османская Империя [16, с. 11, 12, 29–32, 70–71]. Нет, на наш взгляд, объективности и в оценках военной мощи Турции, сплочённости шляхты, позиции Российской Империи, внимательно наблюдавшей за дипломатическими усилиями Парижа и Константинополя [8].

Так или иначе, но исследователи единодушны в утверждении, что Османская Империя не смогла устоять перед напором французских дипломатов, хотя русский посол в Турции А. М. Обресков убеждал султана, что русские войска выйдут из крупнейших городов Речи Посполитой как только конфедераты прекратят сопротивление. В ряде работ указывается, что российский посол обещал вывод воинских подразделений едва ли не в конце февраля 1868 г., т. е. введены они были только для устрашения? К сожалению, в работах отечественных историков мы не нашли ответа на этот вопрос. Франция использовала свой главный козырь: смогла убедить конфедератов передать Турции в случае победы над Россией Волинь и Подолію [28, с. 56–62]. Однако не очень убедительно звучат констатации ряда историков о том, что Франция убеждала Турцию не бескорыстно, рассчитывая получить взамен контроль над Египтом [21, с. 11].

Повод для войны

Турции оставалось найти только повод для объявления Российской империи войны. Исследователи считают, что такой случай представился тогда, когда состоявшие на русской военной службе гайдамаки взяли штурмом г. Балты, в котором укрывались конфедераты и турецко-татарские наёмники, но который находился уже на турецкой территории [28, с. 109]. И это совершенно правильное утверждение. Стоит добавить, что обстановку обострило известие о том, что те же отряды гайдамаков разграбили и сожгли г. Дубоссары на Днестре (тоже турецкой территории). Эти события освещены, или хотя бы упомянуты, в большинстве исследований.

Турция выдвинула России ультиматум, требуя передать ей нарушителей границ. Однако российские военные власти лишь подвергли виновных телесным наказаниям, но на русско-турецкой границе и в присутствии представителей турецкой стороны. В отдельных работах указано, что виновные были приговорены судом к смертной казни, заменённой на иной вид наказание – порку.

Султан Мустафа III, оценив подобные действия как личное оскорбление, приказал арестовать русского посла, заключив его в Семибашенный замок [28, с. 109]. По законам Османской империи это означало объявление войны, что и произошло 25 сентября 1768 г. [14, с. 68.].

Ряд исследователей убеждён, что турецкая сторона давно вынашивала планы войны против России, будучи обеспокоенной строительством крепостей вдоль своей границы, а события в Польше и дипломатическое давление Франции рассматривались как возможность получить непосредственный повод к началу решительных действий и поддержку Западной Европы [28]. И с этой постановкой можно было бы согласиться, если оценивать и события в Польше, и усердие французской дипломатии как нечто второстепен-

ное и незначительное. Что, конечно же, не так.

Россия вступила в войну 18 ноября 1768 г., когда Екатериной II был подписан соответствующий манифест, но, по сути, война уже шла – с союзником Турции Речью Посполитой – с начала весны того же года.

Ещё один важный аспект, связанный с началом русско-турецкой войны – это содержание циркулярной ноты российской императрицы к европейским царствующим домам, в которой Екатерина II постаралась объяснить реакцию своей страны на действия Турции и Речи Посполитой. Большая часть исследователей в лучшем случае вскользь упоминает об этом документе, в худшем – обходит его вниманием. Нам представляется важным заострить внимание на этой Екатерининской ноте, т. к. благодаря ей удалось удержать нейтралитет британцев, заинтересованных в торговле с Россией и традиционно враждебных к Франции и её союзникам. Мало того, Англия разрешила российскому флоту использовать свои порты и вербовать моряков. Екатерина II этой нотой повторяла сказанную несколькими годами ранее фразу, ставшую не просто «крылатой», а содержащей в себе всю суть внешней политики Российской Империи вообще: «Мы ни за кем хвостом не тащимся» [7, с. 127]. Это – с одной стороны, с другой – невозможность согласиться с утверждением, что Екатерина Великая воевала с Турцией, рассчитывая изгнать из Европы варварство [34, с. 5].

Заключение

Вывод ряда авторов о том, что русско-турецкая война 1768–1774 гг. – первое широкомасштабное столкновение двух держав, каждая из которых претендовала на первые роли не только в северном Причерноморье, но и юго-восточной Европе вообще, бесспорен.

Однако мы не согласны с оценкой некоторых отечественных историков соз-

данного по инициативе Панина «Северного аккорда». Его создание дало России возможность определиться после окончания Семилетней войны, кто союзник, а кто – противник, а также найти точки соприкосновения не только с «нейтралами», но и со вчерашним врагом – Пруссией [16, с. 77–79].

Польские события второй половины 1760-х гг. и роль в них Репнина стали едва ли не самым определяющим моментом в развязывании русско-турецкой войны, т. к. Турция, хотя и рассматривала Россию как потенциального противника, но не планировала скоропалительно объявлять ей войну. Однако эти аспекты нуждаются в дополнительном изучении, т. к. их освещение в исторической литературе не даёт полного представления о фигуре «полномочного министра» Российской Империи в Польше и о проводимой им политике. Ведь «первые залпы» русско-турецкой войны 1768–1774 гг. прозвучали именно в Речи Посполитой.

Российские историки правы в особом внимании к Франции, которая сыграла

важнейшую роль в развязывании войны. Париж рассматривал Россию как одного из возможных геополитических противников, причём считал её опаснее, чем Англия [16, с. 71], и делал всё, чтобы столкнуть Петербург и Константинополь в военном конфликте, используя в качестве доводов и возможных дивидендов польские территории. И именно Франция, это убедительно доказано, поддерживала Речь Посполитую в её противостоянии с Россией, подыскивая ей союзников, способных открыть против Российской империи «второй фронт».

Ответ России на провокационные действия Турции (арест посла и пр.) оценивается в литературе как вполне адекватный в сложившейся ситуации. И хотя Россия не была готова к ведению боевых действий на два фронта (а вскоре появился и «третий фронт» – выступление Е. И. Пугачева), она смогла мобилизовать не только военные, но и дипломатические ресурсы.

Дата поступления в редакцию 29.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Аржакова Л. М. Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1. С. 31–39.
2. Бантыш-Каменский Д. Н. 31-й генерал-фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин // *Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов* (репринтное воспроизведение издания 1840 г.). Ч. 2. Пушкино: Культура, 1991. 268 с.
3. Бажова А. П. Дипломаты екатерининской эпохи. Восточный вопрос и Кючук-Кайнарджийский мир // *Российская дипломатия в портретах*. М.: Международные отношения, 1992. С. 79–95.
4. Бутурлин Д. П. Картина войн России с Турцией в царствования императрицы Екатерины II и императора Александра I. Ч. 2. СПб.: Типография Императорского воспитательного дома, 1829. 171 с.
5. Венков А. В. Казаки в Первой русско-турецкой войне 1768–1774 гг. М.: Вече, 2019. 382 с.
6. Веселаго Ф. Ф. Краткая история Русского Флота. М.-Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939. 304 с.
7. Виноградов В. Н. Дипломатия Екатерины Великой // *Новая и новейшая история*. 2001. № 3. С. 124–148.
8. Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин: Из истории русской дипломатии XVIII века. М.: Международные отношения, 1989. 176 с.
9. Гендель Г. М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // *Учёные записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского*. 1947. Т. 17. С. 187–220.
10. Гендель Г. М. Позиция Пруссии в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // *Учёные записки Горьковского государственного университета*. Горький, 1957. Вып. 43. С. 123–137.

11. Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта: от основания до Крымской войны. М.: URSS, 2015. 264 с.
12. Гребенщикова Г. А. Россия и Турция: двенадцать невыученных уроков. СПб.: Остров, 2016. 447 с.
13. Гребенщикова Г. А. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и средиземноморская политика Екатерины II в донесениях российских дипломатов // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 5–26.
14. Гусейнов Ю. М. Крымский регион в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.: некоторые аспекты внешней политики // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 6 (2). Т. 6. С. 68–70.
15. Джахиева Э. Г. Кумыкские феодальные образования в кавказской политике в период российско-османской конфронтации 1768–1774 гг. // Третьи Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. 12 апреля 2016 г., Махачкала. Ч. 1. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2016. С. 219–225.
16. Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 368 с.
17. Керсновский А. А. Первая польская война 1768–1772 годов // Керсновский А. А. История Русской армии. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 116–119.
18. Кидирниязов Д. С. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и Северный Кавказ // Конституционное и государственное строительство на Юге России: история и современность. 2-е Кадыровские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Референдума 23 марта 2003 года и принятия Конституции Чеченской Республики. Грозный, 20 марта 2013 г. Грозный: Грозненский рабочий, 2014. С. 355–364.
19. Клокман Ю. Р. Борьба России с Турцией за Северное Причерноморье и Крым во второй половине XVIII в. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М.: Наука, 1968. С. 130–178.
20. Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций в 3 книгах. Т. 3. М.: Мысль, 1993. 558 с.
21. Лебедев А. А. У истоков Черноморского флота России. Азовская флотилия Екатерины II в борьбе за Крым и в создании Черноморского флота (1768–1783 гг.). СПб.: ИПК Гангут, 2011. 832 с.
22. Лефорт А. А. История царствования государыни императрицы Екатерины II. Ч. 3. Кн. 5: Первая Турецкая война. 1768–1774. М.: Типография С. Селивановского, 1837. 101 с.
23. Лылова М. Е. Внешнеполитическая деятельность Екатерины II Великой. Рязань: РВВДКУ, 2010. 481 с.
24. Мальгин А. В. «Покоренье Крыма», 1768–1774. Симферополь: СОНАТ, 2016. 175 с.
25. Мулина С. А. Барские конфедераты в современной польской памяти и историографии // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 160–170.
26. Носов Б. В. Польский вопрос в отношениях Петербурга с державами «фамильного пакта» и Турцией в 1764–1766 гг. // Славянские народы: общность истории и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С. 100–140.
27. Носов Б. В. Речь Посполитая между Россией и Пруссией в 1764–1766 гг. (От коронации Станислава Августа до сейма 1766 г.) // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. : сборник трудов конценции «Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв.». Смоленск, 10–30 июня – 2001 г. М.: Индрик, 2002. С. 139–168.
28. Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. Т. 1: Год 1769. СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1866. 332 с.
29. Поляков В. Л. Русский флот в первой турецкой войне 1768–1774 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГПИ, 1955. 16 с.
30. Родзинская И. Ю. Англия и русско-турецкая война [1768–1774 г.] // Труды Московского государственного историко-архивного института. Статьи аспирантов по вопросам истории СССР, источниковедения, архивоведения и документоведения. М.: МГИАИ, 1967. Т. 23. С. 159–190.
31. Смилянская И. М. «Приуготовления» к русско-турецкой войне 1768–1774 гг.: российские эмиссары в Греции и на Балканах // Восточный архив. 2009. № 2 (20). С. 40–50.
32. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса: типография А. Шульце, 1889. 252 с.

33. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV. М.: Мысль, 1995. 638 с.
34. Тарле Е. В. Екатерина Вторая и её дипломатия : стенограмма лекции, читанной 7 мая 1945 г. : [на правах рукописи]. Ч. 1. М., 1945. 42 с.
35. Тиктопуло Я. Ф. Русско-турецкие войны 1768–1774, 1787–1791 гг. и судьбы греков. Греческий проект Екатерины II : дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1991. 224 с.
36. Федюнина Т. Н. Письма Екатерины II графу А. Г. Орлову как источник для изучения событий русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серии: Педагогические науки, Гуманитарные науки. 2018. № 4 (281). С. 120–122.
37. Федюнина Т. Н. Дипломатическая и военная деятельность А. Г. Орлова в 1768–1774 гг. // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета : сборник статей. Воронеж: ВГПУ, 2010. Вып. 5. С. 52–58.
38. Халаева К. Э. Политика России на Северном Кавказе в годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10. Ч. 1. С. 37–39.
39. Черкасов П. П. Франция и русско-турецкая война. 1768–1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 50–76.
40. Шеремет В. И. Русское присутствие в Средиземном море. Геополитические маневры и военные действия периода Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Геомилитаризм. Геополитика. Безопасность. 2003. № 8. С. 289–298.
41. Юсупов Р. Р. Польский вопрос в политике России накануне русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1980. № 3. С. 35–45.

REFERENCES

1. Arzakova L. M. [The Question about Dissenters and an Downfall of Rzeczpospolita (Russian pre-revolutionary) Historiography of this Problem]. In: *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2008, no. 1, pp. 31–39.
2. Bantysh-Kamensky D. N. [31st Field Marshal General Prince Nikolai Vasilyevich Repnin]. In: *Biografii rossiyskikh generalissimusov i general-feldmarshalov. Reprintnoe vosproisvedenie isdaniya 1840 goda*. Ch. 2 [Biographies of Russian generalissimus and field marshals. Reprint reproduction of the 1840 edition. Iss. 2]. Pushkino, Kultura Publ., 1991. 268 p.
3. Bazhova A. P. [Diplomats of the Catherine era. The Eastern Question and the Kuchuk-Kainarji Treaty]. In: *Rossiyskaya diplomatiya v portretakh* [Russian Diplomacy in Portraits]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1992, pp. 79–95.
4. Buturlin D. P. *Kartina voyna Rossii s Turtsiyey v tsarstvovanii imperatritsy Yekateriny II i imperatora Aleksandra I. Ch. 2* [Picture of the wars of Russia with Turkey in the reign of Empress Catherine II and Emperor Alexander I. Part 2.]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskogo vospitatelnogo doma Publ., 1829. 171 p.
5. Venkov A. V. *Kasaki v Pervoy rusско-turezkoy voyne 1768–1774 gg.* [Cossacks in the First Russian-Turkish War of 1768–1774]. Moscow, Veche Publ., 2019. 382 p.
6. Veselago F. F. *Kratkaya istoriya Russkogo flota* [A brief history of Russian Navy]. Moscow, Leningrad, Voenno-morskoe izdatelstvo NKVMF SSSR Publ., 1939. 304 p.
7. Vinogradov V. N. [The Diplomacy of Catherine the Great]. In: *Novaya i noveishaya istoriya* [New and recent History], 2001, no. 3, pp. 124–148.
8. Gavruyshkin A. V. *Graf Nikita Panin: Is istorii russkoi diplomatii XVIII veka* [Count Nikita Panin: From the history of Russian diplomacy of the 18th century]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1989. 176 p.
9. Gendel G. M. [Austrian diplomacy during the Russian-Turkish War of 1768–1774]. In: *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Saratov State University], 1947, vol. 17, pp. 187–220.
10. Gendel G. M. [The stance of Prussia during the Russian-Turkish War of 1768–1774]. In: *Uchenye zapiski Gorkovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Gorky State University], 1957, iss. 43, pp. 123–137.
11. Golovachev V. F. *Istoriya Sevastopolya kak russkogo porta: ot osnovaniya do Krymskoy voyny* [The history of Sevastopol as a Russian port: from the foundation to the Crimean War]. Moscow, URSS Publ., 2015. 264 p.

12. Grebenshchikova G. A. *Rossiya i Turziya: dvenadzat nevyuchennyh urokov* [Russia and Turkey: twelve lessons not learned]. St. Petersburg, Ostrov Publ., 2016. 447 p.
13. Grebenshchikova G. A. [Russian-Turkish War of 1768–1774 and Catherine the Second's Mediterranean policy in Russian diplomats' reports]. In: *Voprosy istorii* [History issues], 2019, no. 2, pp. 5–26.
14. Guseynov U. M. [Crimea Region involved into the Russian Turkish War(s) of 1768 to 1774: some aspects of Foreign Policy]. In: *Istoricheskaya I sozialno-obrasovatel'naya mysl* [Historical and social educational idea], 2014, no. 6 (2), vol. 6, pp. 68–70.
15. Dzhahieva E. G. [Kumyk feudal Formations in Caucasian Politics during the Russian-Ottoman Confrontation of 1768–1774]. In: *III Vserossiiskie (s mezhdunarodnym uchastiem) istoriko-etnograficheskie chteniya, posvyashchennye pamyati professor Magomedova Rasula Magomedovicha. 12 aprelya 2016 g., Makhachkala. Chast 1* [The 3rd All-Russian (with international participation) historical and ethnographic readings dedicated to the memory of Professor Rasul Magomedov. April 12, 2016, Makhachkala. Part 1]. Makhachkala, IPZ DGU Publ., 2016, pp. 219–225.
16. Druzhynina E. I. *Kuychuk-Kaynardzhyskiy mir 1774 g. (ego podgotovka i sakluchenie)* [The Kuchuk-Kainarji Treaty of 1774 (its preparation and conclusion)]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1955. 368 p.
17. Kersnovsky A. A. [The First Polish War of 1768–1772]. In: *Kersnovsky A. A. Istoriya Russkoi armii* [History of the Russian Army]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014, pp. 116–119.
18. Kidirniyazov D. S. [The Russian-Turkish War of 1768–1774 and the North Caucasus]. In: *Konstituzionnoe i gosudarstvennoe stroitel'stvo na Uye Rossii: istoria i sovremennost. 2-e Kadyrovskie chteniya : materialy Vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konverenzii, posvyashchennoi 10-letiu Referenduma 23 marta 2003 goda i prinyatiya Konstituzii Chechenskoi Respubliki. Grosny, 20 marta 2013 g.* [Constitutional and state building in the South of Russia: History and Modernity. 2nd Kadyrov Readings : materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 10th anniversary of the Referendum on March 23, 2003 and the adoption of the Constitution of the Chechen Republic. Grozny, March 20, 2013]. Grosny, Grosnenskiy rabochii Publ., 2014, pp. 355–364.
19. Klokman Yu. R. [Russia 's fighting with Turkey for the Northern Black Sea region and Crimea in the second half of the 18th century]. In: *Stranizy boevogo proshlogo. Ocherki voennoy istorii Rossii* [Pages of the combat past. Essays on the military History of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 130–178.
20. Klyuchevsky V. O. *Russkaya istoriya : polnyi kurs lektsii v 3 knigakh. T. 3* [A course in Russian history in 3 books. Vol. 3]. Moscow, Mysl Publ., 1993. 558 p.
21. Lebedev A. A. *U istokov Chernomorskogo flota Rossii. Asovskaya flotiliya Ekateriny II v borbe sa Krym i v sosdanii Chernomorskogo flota (1768–1783 gg.)* [At the origins of the Russian Black Sea Fleet. The Azov Flotilla of Catherine II in the fighting for the Crimea and in the creation of the Black Sea Fleet (1768–1783)]. St. Petersburg, IPK Gangut Publ., 2011. 832 p.
22. Lefort A. A. *Istoriya zarstvovaniya gosudaryni imperatritzy Ekateriny II. Ch. 3. Kn. 5: Pervaya turezkaya voyna. 1768–1774* [The history of the reign of Empress Catherine II. Part 3. Book 5: The First Turkish War. 1768–1774]. Moscow, Tipografiya S. Selivanovskogo Publ., 1837. 101 p.
23. Lylova M. E. *Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost Ekateriny II Velikoy.* [Foreign policy of the Empress Catherine II the Great]. Ryazan: RVVDKU Publ., 2010. 481 p.
24. Malgin A. V. «Pokoren'ye Kryma», 1768–1774 [«The Conquest of the Crimea», 1768–1774]. Simferopol, SONAT Publ., 2016. 175 p.
25. Mulina S. A. [Bar Confederates in Modern Polish Memory and Historiography]. In: *Novaya i noveishaya istoriya* [New and recent history], 2018, no. 5, pp. 160–170.
26. Nosov B. V. [The Polish issue in the relations of St. Petersburg with the powers of the «family pact» and Turkey in 1764–1766]. In: *Slavyanskije narody: obshchnost istorii i kultury* [Slavic peoples: common history and culture]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2000, pp. 100–140.
27. Nosov B. V. [The Polish-Lithuanian Commonwealth between Russia and Prussia in 1764–1766 (From the coronation of Stanislaus Augustus to the Sejm of 1766)]. In: *Rossiya, Polsha, Germaniya v evropeiskoi i mirovoi politike XVI–XX vv. : sbornik trudov kontserentsii «Rossiya, Pol'sha, Germaniya v evropeiskoi i mirovoi politike XVI–XX vv.»*. Smolensk, 10–30 iyunya 2001 g. [Russia, Poland, Germany in European and world politics of the 16th –20th centuries : collection of works of the conference “Russia, Poland, Germany in the European and World Politics of the 16th –20th centuries.” Smolensk, June 10–30, 2001]. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 139–168.

28. Petrov A. N. *Voyna Rossii s Turziy i pol'skimi konfederatami v 1769–1774 gg. T. 1: 1769* [Russia's war with Turkey and Polish Confederates. From 1769–1774. Vol. 1: 1769]. St. Petersburg, Tipografiya Edwarda Veimara Publ., 1866. 332 p.
29. Polyakov V. L. *Russkii flot v pervoi turezkoi voyne 1768–1774 gg.* : avtoref. diss ... kand. ist. nauk [The Russian Fleet in the First Turkish War of 1768–1774 : abstract of PhD thesis in History of Sciences]. Leningrad, LGPI Publ., 1955. 16 p.
30. Rodsinskaya I. U. [England and the Russian-Turkish War [1768–1774]]. In: *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta. Stati aspirantov po voprosam istorii SSSR, istochnikovedeniya, arkhivovedeniya i dokumentovedeniya. T. 23* [Proceedings of the Moscow State Historical and Archival Institute. Articles of graduate students on the history of the USSR, source studies, archival studies and documentation. Vol. 23]. Moscow, MGIAI Publ., 1967, pp. 159–190.
31. Smilyanskaya I. M. [On the eve of the Russian-Turkish War in 1768–1774: Russian secret agents in Greece and Balkan countries]. In: *Vostochny arkhiv* [Eastern Archive], 2009, no. 2 (20), pp. 40–50.
32. Smirnov V. D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty v XVIII stoletii* [Crimean Khanate under the suzerainty of the Ottoman Porte until the beginning of the 18th century]. Odessa, Tipografiya A. Shukze Publ., 1889. 252 p.
33. Solovyov S. M. *Sochineniya. T. XIV* [Essays. Vol. XIV.]. Moscow, Mysl Publ., 1995. 638 p.
34. Tarle E. V. *Ekaterina Velikaya i ee diplomatiya. Ch. 1* [Catherine II and her diplomacy. Part 1]. Moscow, 1945. 42 p.
35. Tiktopulo Ya. F. *Russko-turezkie voyny 1768–1774, 1787–1791 gg. i sudby grekov. Grecheskii projekt Ekateryny II : diss ... kand. ist. nauk* [The Russian-Turkish wars of 1768–1774, 1787–1791 and the fate of the Greeks. The Greek project of Catherine II : PhD thesis in History of Sciences]. Moscow, MGU Publ., 1991. 224 p.
36. Fedyunina T. N. [Catherine the Great's letters to A. G. Orlov as a source for studying the events of the Russian-Turkish War of 1768–1774]. In: *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serii: Pedagogicheskie nauki, Gumanitarnye nauki*. [Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University. Series: Pedagogical sciences, Humanities], 2018, no. 4 (281), pp. 120–122.
37. Fedyunina T. N. [Diplomatic and military activity of A. G. Orlov in 1768–1774]. In: *Nauchnye trudy prepodavatelei i studentov istoricheskogo fakulteta. Vip. 5* [Scientific works of teachers and students of the Faculty of History. Iss. 5.]. Voronezh, VGPU Publ., 2010. P. 52–58.
38. Khalaeva K. E. [Russian policy in the North Caucasus during the Russian-Turkish War of 1768–1774]. In: *Gumanitarnye, sozialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. [Humanities, socio-economic and social sciences], 2015, no. 10, part 1, pp. 37–39.
39. Cherkassov P. P. [France and the Russian-Turkish War. 1768–1774]. In: *Novaya i noveishaya istoriya* [New and recent history], 1996, no. 1, pp. 50–76.
40. Sheremet V. I. [Russian presence in the Mediterranean. Geopolitical maneuvers and military actions of the period of the Russian-Turkish War of 1768–1774]. In: *Geomilitarism. Geopolitika. Besopasnost.* [Geomilitarism. Geopolitics. Safety], 2003, no. 8, pp. 289–298.
41. Ustupov R. R. [The Polish question in Russian Politics on the eve of the Russo-Turkish War of 1768–1774]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. [Bulletin of Moscow State University. Series 8: History]. 1980, no. 3, pp. 35–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миловский Николай Михайлович – начальник управления маркетинга и коммуникаций Московского государственного областного университета;
e-mail: MilovskiyNM@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay M. Milovsky – Head of Department, Department of Marketing and Communications, Moscow Region State University;
e-mail: MilovskiyNM@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Миловский Н. М. О недостаточно исследованных предпосылках и причинах русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в отечественной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 80–91.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-80-91

FOR CITATION

Milovsky N. M. On insufficiently researched prerequisites and causes of the Russo-Turkish War of 1768–1774 in Russian historiography. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 80–91.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-80-91

УДК 930.2(092)

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-92-104

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ: В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

Смоленский Н. И.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ начальной фазы становления российской методологии истории на примере взглядов В. О. Ключевского.

Процедура и методы. Исследование построено на основе анализа теоретических позиций В. О. Ключевского в его работах научного и учебно-педагогического характера. В ходе исследования применены сравнительно-исторический, биографический, ретроспективный методы.

Результаты. Выявлены и охарактеризованы взгляды В. О. Ключевского о начальной стадии формирования содержания методологии истории в связи с её отличием от философии истории.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты анализа данной проблемы имеют большое значение для формирования методологии истории в российской историографии, т. к. формирование методологии – это основа конкретно-исторических исследований российских историков.

Ключевые слова: методология, движущие силы истории, проблема исторической необходимости, динамика истории

THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN METHODOLOGY OF HISTORY: V. O. KLYUCHEVSKY

N. Smolensky*Moscow Region State University**ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. Analysis of the initial phase of the formation of the Russian methodology of history on the example of V. O. Klyuchevsky's views.

Methodology. The study is based on the analysis of V.O. Klyuchevsky's theoretical positions in his scientific and educational works. Comparative historical, biographical, and retrospective methods were used in the course of the study.

Results. In the course of the work, V. O. Klyuchevsky's views on the initial stage of the formation of the content of the methodology of history in connection with its difference from the philosophy of history are identified and characterized.

Research implications. The results of the analysis of this problem have theoretical significance in connection with the problem of the formation of the methodology of history in Russian historiography. The practical significance of the analysis of this problem also lies in the fact that the formation of the methodology became the basis of concrete historical research by Russian historians.

Keywords: methodology, the driving forces of history, the problem of historical necessity, the dynamics of history

Введение

В основе данной работы лежит анализ теоретических основ исторического мышления и исторического исследования крупного российского историка В. О. Ключевского (1841–1911 гг.). Источником анализа, прежде всего, являются его лекции по методологии русской истории, прочитанные им на историко-филологическом факультете Московского университета в 1884/85 учебном году¹. Новизна и научная значимость этих лекций уже в том, что впервые в российской историографии употребляется и вводится в научный оборот понятие «методология» по отношению к теоретическим проблемам исторической науки. До сих пор эту роль в историческом мышлении российских историков играло понятие «*философия истории*» [1].

С начала XX столетия ведущую позицию в аппарате мышления и исторического исследования российских историков стало занимать понятие «методология», что проявилось в университетском историческом образовании и в исторических исследованиях. В Петербургском университете с 1906 г. был введён курс по методологии истории с семинарскими занятиями, который читал А. С. Лаппо-Данилевский [3]. В 1912/13 учебном году в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах лекции по методологии и философии истории читал М. М. Хвостов [5]. Вряд ли можно усомниться в том, что эти изменения в структуре и содержании понятийного аппарата исторического мышления российских историков произошли благодаря В. О. Ключевскому.

Теоретические проблемы истории как процесса в исследованиях В. О. Ключевского

Содержание понятия «методология» в лекциях В. О. Ключевского не расшифро-

вано, что, впрочем, не говорит об отсутствии в нём новизны смысла по сравнению с понятием «философия истории». Предмет методологии и её задача проявляются в связи с формулировкой основной задачи курса методологии – разработки метода изучения отечественной истории, что является уже не столько задачей обучения, сколько исследования. При этом не расшифровать смысл того, почему речь идёт о методе в единственном числе и как он называется. Однако в связи с расшифровкой данной задачи в курсе лекций В. О. Ключевский затрагивает целый ряд теоретических проблем истории, как действительности и истории, так и науки: о движущих силах истории и исторической необходимости, динамике исторического развития, соотношении в нём частного и общего, объективности исторического познания и др. Это говорит о том, что за отсутствием определения понятия «методология» истории позиция В. О. Ключевского сводится к её пониманию как дисциплины о теоретических проблемах истории, как действительности и истории как познания и её методах. Этот набор признаков, но не их содержание (по взглядам В. О. Ключевского), соответствует отчасти и современному пониманию структуры методологии истории как теоретической основы исторического мышления и исследования и вузовской дисциплины обучения.

Однако у В. О. Ключевского своя постановка акцентов между теоретическими проблемами истории как процесса и истории и как познания: на первый план поставлена проблема метода, причём, это не просто структура лекционного курса, но и стержень теоретического поиска В. О. Ключевского.

Уже в самом начале решения этой проблемы – не педагогической, а научно-теоретической, В. О. Ключевский приходит к пониманию зависимости решения проблемы метода от теоретических проблем анализа и трактовки исторического

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989.

процесса в целом. При всей неопределённости постановки проблемы метода (какой метод, как он называется, из каких свойств, признаков исторической реальности он выводится), такой подход к выяснению истоков любого метода является обоснованным.

Чтобы разработать сравнительно-исторический метод и придерживаться рациональных рамок его применения, историку необходимо решить вопрос о природе исторических явлений с точки зрения наличия в них степени сходства и различия, от чего зависит и содержание метода, и понимание границ его применения. Своё понимание этого было и у Ключевского с его попыткой «...вывести метод изучения русской истории из результатов и приёмов общеисторического изучения»¹. О том, что под общественно-историческим изучением ему видится не конкретный исторический анализ общеисторического развития, а анализ исторических проблем понимания истории в целом, свидетельствуют сами эти проблемы, им выдвигаемые.

Их расшифровка проявляется в связи с постановкой вопроса о предмете исторического изучения, содержание и смысл которого В. О. Ключевский усматривает в происхождении, развитии и свойствах людских союзов². В развитии исторические союзы следовали один за другим и делились на первичные и вторичные. Не прибегая к расшифровке того и другого, ибо здесь, особенно в первом случае, речь идёт о смысле конкретных событий, а не о теоретическом анализе, отметим, что рассматриваются лишь события первобытного общества (первичные союзы) и исторический процесс, началом которого было возникновение государства.

В расшифровку смысла и содержания обозначенных видов союзов входит истолкование их происхождения и природы: первичные (естественные) союзы

порождались инстинктом, вторичные (искусственные – государство, религия) – возникали в качестве продукта сознания³. Таков первый шаг в логике мышления В. О. Ключевского в осмыслении проблемы движущих сил истории с той оговоркой, что инстинкт и сознание в поведении людей не разделяются временем. В первобытном обществе инстинкт был решающим фактором поведения людей, хотя не всё в этом поведении им объясняется: переход от собирательных форм хозяйства к производительным включал элементы сознания и расчёта. Сознание же человека любого времени существования включает инстинкт и контролирует его.

В формировании своих представлений о движущих силах истории В. О. Ключевский отталкивался и от обращения к тем взглядам, которые высказывались в философии истории раньше. В связи с этим он вполне определённо отвергал религиозную основу понимания истории, взгляды Гегеля на историю как продукт развития объективного духа. Разновидности объективного идеализма как теоретической основы понимания движущей силы истории неприемлемы для В. О. Ключевского. Менее определённо выражено его отношение к роли материального фактора в качестве движущей силы истории. Дважды в его лекциях употреблено понятие «формация»⁴, хотя это не свидетельствует о какой-либо связи его взглядов с материалистическим пониманием истории. Однако ссылка на материальный фактор в форме собственности в качестве причины конкретных событий является признаком его практики конкретно-исторического исследования с различной степенью обоснованности выводов в каждом конкретном по этому поводу случае.

Научное наследие В. О. Ключевского

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 8–9.

² Там же. С. 9

³ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 14.

⁴ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 54–61, 68.

включает отдельные самостоятельные издания по тематике, связанной с анализом роли материального фактора в изучаемом. Это – хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае, происхождение крепостного права в России, подушная подать и отмена холопства в России¹. Материальный фактор выступает также в качестве предмета анализа в специальных курсах в связи с объяснением причин тех или иных событий². Возникает вопрос: относится ли материальный фактор в исследованиях В. О. Ключевского к числу движущих сил истории? Ответ на этот вопрос зависит не только и не столько от количества вариантов обращения к материальному фактору для объяснения причин конкретных событий, сколько от понимания движущих сил истории в целом, т. е. области теоретического мышления, методологии.

Этот уровень мышления по-своему выражен у В. О. Ключевского, и одной из его составляющих является постановка проблемы соотношения политических и экономических процессов в истории в целом. Согласно общему смыслу этой постановки «...политическая и экономическая жизнь не составляют чего-то цельного, однородного... Во-первых, жизнь политическая и жизнь экономическая – это различные области жизни, мало связанные между собой по своему существу. В той и другой господствуют полярно противоположные начала: в политической – общее благо, в экономической – личный материальный интерес; одно начало требует постоянных жертв, другое – питает ненасытный эгоизм»³. Это противопоставление политической жизни и экономики в качестве самостоятельных начал несостоятельно в понимании ни истории в целом, ни по отношению к её конкретному периоду, тем более что

о конкретизации понимания речи здесь не идёт. Впрочем, тезис о личном материальном интересе в качестве стержня экономической жизни мог быть выведен в основной своей сути лишь из тех экономических отношений, современником которых являлся В. О. Ключевский, но степень применимости его ко всем предшествующим стадиям экономического развития прошлого с неизбежностью различна и зависит от характера экономических отношений в каждом случае. Адекватный вариант оценки соотношения политического и экономического факторов состоит, конечно, не в отрицании разницы между ними, а в признании их взаимосвязи и взаимовлияния, в т. ч. на уровне причинно-следственных связей. Итоговый вывод В. О. Ключевского заключается в том, что предметом изучения области политического является государство, а экономического – общество с изложенным смыслом экономической и политической жизни⁴. Следовательно, государство и общество рассматриваются только как разные сферы жизнедеятельности, вопрос о соотношении которых не ставится, кроме их взаимодействия.

Важен вопрос: относил ли В. О. Ключевский политическую и экономическую жизнь к числу движущих сил истории? Считая их основой исторического изучения, он вместе с тем утверждал, что историческая действительность состоит не только из этих процессов; изучая их, «...мы входим в круг тех умственных и нравственных понятий и интересов, которые ... стали достоянием всего общества, факторами общежития». Отсюда вывод о том, что первично: «...политический и экономический порядок известного времени можно признать показателем его умственной и нравственной жизни: тот и другой порядок настолько могут быть признаны такими показателями, насколько они проникнуты понятиями и интересами, восторжествовавшими в ум-

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VIII. М.: Мысль, 1990. С. 5–30, 120–123, 194–270.

² Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 132–142, 236–239, 254–255.

³ Ключевский В. О. Сочинения. Т. I. М., 1989. С. 57.

⁴ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 57.

ственной и нравственной жизни данного общества, насколько эти понятия и интересы стали направляющими юридических и материальных отношений»¹. Таким образом, «направителем», т. е. основой, предпосылкой экономических и политических отношений объявляются умственные и нравственные факторы, что отодвигает эти отношения от роли значимых движущих сил истории, оставляя вопрос об этом, по существу, без ответа.

Однако постепенно эта проблема становилась более определённой по содержанию, а начало её постановки относится уже к первой лекции. Вот первоначальный вариант этой постановки: «...человеческая личность, людское общество и природа страны – вот три основные исторические силы, которые строят людское общежитие»². Некоторую расшифровку в содержание этих сил вносит следующая их конкретизация: «По основным свойствам и потребностям человека эти элементы можно разделять на *физиологические* – пол, возраст, кровное родство, *экономические* – труд, капитал, кредит, *юридические и политические* – власть, закон, право, обязанности, *духовные* – религия, наука, искусство, нравственные чувства»³.

Данное понимание движущих сил истории изложено Ключевским во вводной лекции курса русской истории, прочитанной 5 декабря 1879 г. В курсе лекций по методологии дан следующий перечень движущих сил истории: 1) природа страны; 2) физическая природа человека; 3) личность; 4) общество. Это сопровождается расшифровкой в общей форме функции каждой действующей силы: «...природа страны направляет хозяйственную жизнь; физическая природа человека завязывает и направляет жизнь частную, домашнюю; личность есть сила

творческая в умственной и нравственной жизни, а обществом создаётся жизнь политическая и социальная». Определяющая роль в этом перечне отводилась природе со ссылкой в этой связи на историографию проблемы: «Исторические исследователи издавна оказывали предпочтение той силе, которую мы называли природою страны»⁴.

Географический детерминизм, действительно, сложился к этому времени в качестве варианта истолкования движущих сил истории представителями философии и исторической науки разных стран, в т. ч. России – Ж. Боденом, Ш. Л. Монтескье, Г. Т. Боклем, Л. И. Мечниковым и др. Во взглядах представителей географического детерминизма есть и прямые параллели между географической средой и деятельностью людей, и их отрицание, в результате чего географическая среда теряла роль первопричины, движущей силы развития событий. Например, Л. И. Мечников сделал такие выводы: мы далеки от географического фатализма. Фактор человеческой деятельности, труд – первое и самое необходимое условие для зарождения исторической жизни и прогресса [4, с. 262, 274].

Сформировавшиеся взгляды В. О. Ключевского, включая четыре движущие силы истории, на первый план в определяющей роли выдвигали природу – это тот вывод, обоснованность которого было ему ясна, судя по всему, уже в самом начале курса лекций: начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа – природу его страны⁵. Однако Ключевский подчёркивает одно уточнение: природой страны направляется преимущественно экономическая жизнь⁶.

Этот сюжет получил у В. О. Ключев-

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. I. М.: Мысль, 1989. С. 56.

² Ключевский В. О. Сочинения. Т. I. М.: Мысль, 1989. С. 40.

³ Там же. С. 41.

⁴ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 23, 24, 28.

⁵ Ключевский В. О. Сочинения. Т. I. М.: Мысль, 1989. С. 63.

⁶ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 393.

ского сжатую расшифровку в объёме лекции, предметом которой является проблема влияния различных природных факторов на хозяйственную жизнь. К этим факторам он относил качество почвы, речную сеть, лес, степь. Есть некоторые примечательные выводы по поводу влияния этих факторов на хозяйственную жизнь европейской части России:

- физическая природа даёт средства для удовлетворения материальных потребностей человека;

- различиями в составе почвы определяются особенности народного хозяйства в зависимости от местности;

- реки оказывают большое влияние на народно-хозяйственный обмен и имеют более важное политическое значение;

- река воспитывает дух предприимчивости, привычки к совместному действию;

- лес оказывает русскому человеку разнообразные услуги – хозяйственные, политические и даже нравственные¹.

Эти выводы отражают время становления российской действительности – Киевской Руси и Московского княжества. Движение времени меняло реальную действительность, однако источником перемен была не природа, ведь она оставалась постоянной; следовательно, необходим поиск других источников перемен – проблема, которую В. О. Ключевский не ставил.

Есть другая определённая влияние природы на хозяйственные распорядки: роль природы в поземельных отношениях такова по своему значению, какой она не была и не может быть в области технологического производства разного уровня его развития. Роль природы как движущей силы первостепенного значения в развитии истории значительно преувеличена. Познавательный потенциал остальных трёх движущих сил истории достаточно неопределён ввиду отсутствия расшифровки смысла этих

сил с теоретической точки зрения или на конкретных примерах исторического исследования.

Однако высказана следующая идея: из взаимодействия сил складывается то, что называется историческим процессом, причём одновременно ставится вопрос о его соотношении с физическим. Ответ на этот вопрос у Ключевского столь же чёткий, как и обоснован: «Когда говорят об историческом процессе, предполагают также процесс иного характера, от него отличный, называемый физическим». Разница между ними состоит в том, что в историческом процессе «...явления никогда не повторяются...». Столь же убедительно выглядит и обоснование причины этой разницы: «...в физическом процессе действуют достаточные причины и следствия, в историческом процессе, кроме того, ещё действуют и цели»², т. е. действия людей.

В изложенном заключён один из самых обоснованных аспектов исторических взглядов В. О. Ключевского, чем не исчерпывается, однако, постановка важных методологических проблем. Составной частью категориального аппарата мышления Ключевского было понятие исторической закономерности как начала, управляющего сменой исторических явлений. Согласно этому «каждая историческая сила действует по неизменным законам, соответствующим её природе». Исторические силы открыты их взаимодействию, что делает исторические явления его продуктом. На этом основывается вывод В. О. Ключевского о природе исторических законов: они являются законами сложения, взаимодействия исторических сил³.

Рациональным вариантом этого мышления является то, что законы истории выводятся в познании в результате анализа, сравнения изучаемых явлений, хотя в выводе Ключевского нет главного –

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. I. М.: Мысль, 1989. С. 79–80, 83, 86.

² Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 29, 30–31.

³ Там же. 83–84.

формулировки конкретных законов как результата анализа. Формулировка закона – высшая форма обобщения в работе историка и не только у него.

Изложенные представления В. О. Ключевского об исторической закономерности не являются единственным вариантом его мышления и относятся к начальному периоду его лекционного курса. В дневнике 1901–1910 гг. изложены существенно иные представления по проблеме исторических законов, правда, они выражены не в форме результатов и выводов системного целенаправленного анализа, а в виде отдельных формулировок и высказываний. Во-первых, отрицается наличие возможности исторического познания постижения закономерности имеющимися средствами, необходимой связи причин и следствий исторических явлений. Расшифровка этого вывода учёным не дана.

Наиболее определённым по содержанию является следующее высказывание: «Что такое *историческая закономерность*? Законы истории, прагматизм, связь причин и следствий – это всё понятия, взятые из других наук <...> Законы возможны только в науках физических, естественных. Основа их – причинность, категория необходимости. Явления человеческого общежития регулируются законом достаточного основания, допускающим ход дел и так, и этак, и по третьему, т. е. случайно»¹.

Изменение позиции В. О. Ключевского – переход к отрицанию законов истории – относится к концу его научно-педагогической деятельности и связано с осмыслением, хотя и в самой общей форме, проблемы альтернативности исторического развития, признаков чего не было в содержании его лекционного курса по методологии истории. Альтернативность исторического развития как выраженная с очевидностью форма исторической необходимости – хотя отнести

это к обобщению В. О. Ключевского на уровне закона не является обоснованным – есть устойчивый признак развития истории.

Составной частью теоретического мышления В. О. Ключевского является его представление о динамике исторического развития. В обосновании трактовки своего варианта динамики учёный категоричен в отрицании прогресса в развитии истории: «...этот термин не выражает действительного хода исторического развития, а схватывает только отдельные его моменты». Какие аргументы стоят за этим отрицанием? Со ссылкой на исследовательскую литературу по данной проблеме Ключевский рассматривает тезис о том, что по мере развития человечества людям становится лучше жить. Истинность этого вывода историк считал изначально необоснованной, ибо в познании нет «...научного орудия, которое могло бы её доказать». Однако для Ключевского проблема заключается не только в возможностях научного познания, но и в характере его предмета: «...в определении прогресса является не уловимый научными средствами признак»².

Другой вывод в отрицании прогресса содержится в трактовке В. О. Ключевского сущности общественной свободы и индивидуального сознания: «Общественная свобода то расширяется, то суживается, а личное самосознание то поднимается, то падает»³.

В обоих случаях выводы об отрицании прогресса опираются на конкретные примеры из истории, что, однако, не делает аргументацию отрицания прогресса научно-обоснованной ни в этих случаях, ни по отношению к прогрессу в истории в целом. Материальный уровень жизни в различных временных и территориальных рамках был, безусловно, разным, однако решающим условием его роста было увеличение материального производства

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. IX. М.: Мысль, 1990. С. 325, 331.

² Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 66.

³ Там же.

с его переходом от начальной стадии ручного труда к применению технических средств в качестве производительных сил труда. Равным образом и эволюция общественной свободы характеризуется не только её колебаниями в ходе исторического развития, но и её прогрессом, одним из показателей которого было формирование гражданского общества в истории в целом. В России конца XIX в. гражданское общество ещё не сформировалось.

Отрицание В. О. Ключевским прогресса в истории было только одной из разновидностей истолкования проблемы динамики исторического развития. Другим вариантом её истолкования в российской историографии было формирование представлений о поступательно-прогрессивном развитии истории на уровне теории. Её разработкой занимался Н. И. Кареев [1], что выглядело гораздо более обоснованным и убедительным с точки зрения научного истолкования проблемы динамики исторического развития.

В логику рассуждений В. О. Ключевского по поводу обоснования своих представлений о динамике исторического развития в целом входит, во-первых, подтверждение взаимосвязи исторических явлений и процессов и, во-вторых, доказательство последовательности в ходе того, что относится к стадиям, ступеням исторического развития. Эта взаимосвязь рассматривается как переход одного вида явлений из одной эпохи в другую. К этим явлениям он относил житейские удобства, знания, художественные произведения, чувства, верования, понятия, что переходит без особого труда из одного времени в другое. Однако это относится не ко всем видам явлений – право, формы власти, политические учреждения, предания и обычаи никогда не переходят целиком из одной эпохи в другую¹.

Каковы же причины этой разницы?

Явления первого вида В. О. Ключевский относил к человеческой личности как к творцу; явление другого порядка – продукт иной силы – к обществу². Следует признать: личность и общество – действительно творцы истории, но не в такой, как у В. О. Ключевского, степени обособленности этого творчества – личность всегда составная часть общества, не свободная от его влияния. Художественное творчество – наиболее индивидуальный и неповторимый вид человеческой деятельности, однако по своему предмету и содержанию, скажем, у представителей итальянского ренессанса оно зависело от того времени и было в известном смысле его частью, хотя это не исключало и не искажало его индивидуально-творческий характер.

Что же касается вопроса о последовательности развития истории, то у Ключевского по этому поводу есть своё представление: первоначальной фазой истории были естественные союзы первобытного общества – матриархат и патриархат, развитие которых привело к возникновению государства, именуемого учёным искусственным общежитием. В этом, конечно, выражена известная динамика в развитии истории, однако это не её периодизация по содержанию перемен и их стадий в историческом процессе. Более близок историк к этому, когда он пользуется терминами «античность», «средние века», однако это не категории научного мышления, а лишь обозначения временных рамок эпох, периодов исторического развития, содержание и смысл которых в каждом случае выражается в своём особом категориальном аппарате мышления.

Этот аппарат у В. О. Ключевского отсутствует. О его наличии не говорит и то, что им употребляется понятие «формация». Это не ссылка и опора на марксистскую категорию. Взгляды Ключевского не содержат признаков влияния марксизма, а лишь допускают предположение о его

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 67.

² Там же. С. 69–70.

знакомстве с работами Маркса. В общей форме имеет место постановка вопроса о природе языка историка, подход к анализу этой проблемы выражен в опоре на анализ различных философско-исторических концепций.

Рассмотрев философско-исторические взгляды Боссюэта, Лорана и Гегеля, В. О. Ключевский пришёл к выводу: «...эти исторические теории смотрят на историю с точки зрения, которая лежит вне области истории как науки, подкладывают под исторические явления начала, выведенные не из этих явлений, а совсем из других оснований и царствующие не в одной истории, а на более широкой территории»¹. Более определённо смысл исследовательской позиции В. О. Ключевского выражен в следующем его высказывании о работе историка: «Если историк хочет говорить языком, соответствующим природе изучаемого им предмета, он может говорить не о причинах и следствиях, категориях, взятых из области логического мышления»².

То, что выражено В. О. Ключевским в простой и общедоступной языковой форме, имеет фундаментальное научное значение независимо от временных рамок исследования: мышление и язык историка должны соответствовать природе изучаемого предмета, т. е. истории в целом и любым её конкретным составляющим, масштабным или эпизодическим. Под языком историка – учёный не даёт своей расшифровки этого понятия – обоснованно подразумевать термины, научные понятия, обобщения любого уровня: теория, законы, методы исследования. Степень соответствия перечисленного в качестве средств познания действительности зависит от исследовательских усилий историка, его социально-политического статуса, методологических основ и уровня его мышления. Одним словом,

средства исторического познания выводятся из изучаемого предмета как истории в целом, однако их происхождение зависит, чего Ключевский не отмечал, от взглядов и позиции историков в современном им мире.

Проблемы гносеологии в исследованиях В. О. Ключевского

Составной и, по существу, определяющей структурой теоретического мышления В. О. Ключевского являются категории «субъективное» и «объективное». Они исходят из общепринятых по тому времени понятий «субъект» (исследователь) и «объект» (предмет изучения).

Эта позиция становится у Ключевского основой формирования содержания и соотношения указанных категорий, которые к тому же объявляются им методами научного исследования – субъективным и объективным. Их характеристика выступает в качестве одной из главных задач чтения курса по методологии истории. Что же касается понимания сущности метода и основ его формирования, то в обоих случаях взгляды учёного являются обоснованными и не только по меркам того времени: метод – совокупность приёмов изучения исторической действительности, а приёмы определяются предметом изучения³. За рамки этой общезначимости выходит то, что есть ещё цели и задачи исторического исследования любой поставленной проблемы, что связано, во-первых, с её содержанием, и во-вторых, с тем, что выходит за его рамки и определяется смыслом понятия актуальности её изучения, т. е. решения других по отношению к данному исследованию проблем. В этом заключается социально-практическая значимость исторического познания в целом и, в разной степени, множества его конкретно-исторических проблем и задач.

Особенностью взглядов В. О. Ключевского является то, что из этого множества

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 68, 70, 394.

² Ключевский В. О. Сочинения. Т. IX. М.: Мысль, 1990. С. 325.

³ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 70.

он выделяет по степени значимости только 2 задачи и в соответствии с этим только 2 метода, также по соображениям об их научной значимости: субъективный и объективный, причём эти понятия применяются в российской историографии впервые.

Каковы смысл и соотношение понятий «субъективное» и «объективное» в логике мышления В. О. Ключевского? Понятие «субъективное» он выводил из принадлежности историка к определённой общественной ситуации, которая формирует его взгляды во всём объёме их содержания в качестве исследовательской позиции. Результатом этого становится выбор и оценка явлений как предмета изучения: «Выбор и оценка явлений у историка-магометанина должны быть не те, которые встречаем у историка-христианина...». Конечный вывод по поводу сути «субъективного» как понятия и метода изучаемого, таков: «...такое историческое изучение отправляется не от исторического явления, а от личного кругозора изучающего, т. е. не от изучаемого объекта, а от изучающего субъекта, и, следовательно, исходным пунктом изучения становится точка зрения изучающего. Поэтому такое изучение можно назвать *субъективным*»¹. Этому сопутствует определённая конкретизация сути и задач субъективного изучения. Оно представляет собой облегчённый способ изучения, ставя его исходным продуктом мировоззрение изучающего и превращая его в популярное изучение. Поскольку целью этого изучения является анализ происхождения и развития тех интересов, идей и чувств, которыми живёт современный человек, оно делает из истории средство общественного воспитания. Поэтому на субъективном методе изучения основывается преподавание истории.

Эти рассуждения Ключевского завершаются одним из примечательных выводов относительно сути субъективного

метода: «...начиная преподавание истории не вводить в него приёмов объективного метода, но самому изучать историю с помощью приёмов этого метода, ибо качество субъективного изложения истории определяется твёрдостью, с какой мы усвоили приёмы и задачи объективного изучения»². Это – единственный пример взаимосвязи субъективного и объективного в качестве положительного влияния объективного метода на изучение действительности в рамках субъективного, хотя истолковать смысл этого влияния в вероятностном его варианте – задача сомнительная.

Таким образом, понятие субъективного в логике мышления В. О. Ключевского включает следующие варианты его смысла и применения:

- 1) метод;
- 2) позиция историка как продукт влияния на него окружающей действительности;
- 3) особый вид историописания;
- 4) педагогическое средство обучения и воспитания.

Что в этом смысловом перечне применения понятия «субъективные» может быть отнесено к реальным его признакам, а что – нет? Историк, безусловно, не бывает без позиции, включающей в себя научные, социально-политические и иные взгляды. Принципиально важен в этой связи вывод о современной историку действительности как источнике формирования позиции. Другие признаки применения понятия не согласуются уже с содержанием развития российской историографии того времени: субъективного метода не было бы в исследованиях ни у В. О. Ключевского, ни других историков. Не было такого отдельного самостоятельного жанра историописания, соответствовавшего методу. И, конечно, не было преподавания истории с запретом применения в нём того, что Ключевский называл «объективным методом».

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 72, 88.

² Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 88, 90.

В целом субъективные и объективные методы рассматриваются им в качестве самостоятельных, не взаимосвязанных и не зависящих друг от друга, что поддерживается и самой его трактовкой объективного метода. Важен вопрос о смысле понятия «объективное». В понятийном аппарате В. О. Ключевского нет определённости содержания понятия «объективное», «объективность», за исключением одного – смысл понятия «объективный метод». Впрочем, и данное понятие не раскрывает искомый смысл, а лишь исходит из термина «объект»: «Можно принять за точку отправления в изучении истории не изучающий субъект, а изучаемый объект»¹. Тем не менее, понятия «объективная реальность» в этом словарном составе не значит. Оно стало составной частью языка российского историка в начале XX в., а в западноевропейской историографии, прежде всего, немецкой оно появилось в середине XIX в. В языке В. О. Ключевского часто для обозначения ошибочных представлений об изучаемом применялся термин «фикция», что говорит о том, что для него истина была целью исследования. Однако путь к ней, т. е. механизм познания, не выражен в лекциях в форме проблемы гносеологии.

Изложенные взгляды В. О. Ключевского рождают вопрос: совместимо ли применение объективного метода с позицией историка, которая по отношению к субъективному методу является продуктом влияния окружающей его среды? Ответ Ключевского на этот вопрос более чем определён: объективное изложение событий «...ведёт к познанию природы общежития независимо от житейских понятий и интересов изучающего». И здесь же дополнение к обоснованию разницы субъективного и объективного изучения: «...субъективное изучение истории – руководство для частной жизни, объективное её изучение – руководство

для целых обществ». Разницу составляют также приёмы изучения действительности: объективное изучение, в отличие от субъективного, основывается на наблюдении, сопоставлении и обобщении явлений, что выражает уровень развития познания от изучения отдельных явлений до их обобщения на уровне законов истории². Правда, этот вывод не подтверждается конкретными примерами открытия законов, и речь идёт лишь о логике развития мышления и исследования в целом.

Эти взгляды В. О. Ключевского в российской историографии являются первичным вариантом трактовки проблемы соотношения субъективного и объективного в историческом познании. Объективное и субъективное – это не только два разных приёма и метода исследования, но и разные по территориальным и временным рамкам подходы к изучению действительности, разные также по степени научности, т. е. объективности результатов познания. Исходной точкой этой разницы является то, что субъективное предполагает точку зрения, т. е. позицию и интересы изучающего, а объективное – независимо от этого. Но это – не исходный пункт не только их разницы, но и ошибочности. Ошибочно разделение объективного и субъективного, во-первых, по способам и приёмам познания и, во-вторых, по его результатам.

Способы познания – в позиции историка, куда входят теоретико-методологические основы его мышления, методы, социально-политическая позиция, сформированная современной ему действительностью. Всё это сочетает в себе признаки субъективного и объективного и в практике исторического исследования не бывает только того или другого в отдельности. Это формирует содержание и уровень результатов познания, что свидетельствует о неразрывной связи субъективного и объективного и ошибочно-

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 73.

² Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М.: Мысль, 1989. С. 74–79, 90.

сти любого варианта их разъединения в качестве самостоятельных структур познания. Наличие субъективного в позиции историка в практике конкретно-исторического исследования было всегда.

Заключение

Ключевский В. О. впервые в российской историографии ввёл в научный оборот понятие «методология истории», которое приходит на смену категории «философия истории» и становится стержнем теоретических поисков российских историков – Л. С. Лаппо-Данилевского, М. М. Хвостова и др.

Что принесло становление методологии истории как основы исторического мышления и исследования? Во-первых, оно привело к изменению предмета и проблематики области теоретического мышления и исследования. Предметом философии истории были проблемы истории как процесса: движущие силы истории, историческая необходимость и законы истории, динамика исторического развития и другие. Предметом методологии истории стали проблемы истории как действительности и истории как познания, т. е. проблемы гносеологии. Такова

была в основном разница в содержании и структуре этих вариантов теоретического мышления, хотя это могло сочетаться с теми или иными отклонениями.

Работы известного российского историка Н. И. Кареева (1850–1931) были посвящены проблемам философии истории [1], хотя в содержании его научной и преподавательской работы были и вопросы гносеологии [2], что можно объяснить в качестве свидетельства его перехода от философии истории к методологии, хотя и без опоры на это понятие.

Становление методологии как дисциплины в области исторического исследования вузовского обучения показало, что это стало проблемой не профессиональных философов, а историков, что является устойчивой реальностью и сегодня. В. О. Ключевский стал родоначальником этой перемены и его исследования, и педагогическая практика опиралась на анализ и изложение проблем истории как действительности и истории, как науки, т. е. проблем гносеологии. Плюсы и минусы решения этих проблем В. О. Ключевским отмечены в данной статье.

Дата поступления в редакцию 30.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории: в 3 т. М.: Типография А. И. Мамонтова и К°, 1883–1890.
2. Кареев Н. И. Теория исторического знания. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1913. 320 с.
3. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: в 2 ч. СПб., 1910–1913.
4. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки, М.: Прогресс; Пангея, 1995. 459 с.
5. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. Казань: Типография Л. П. Антонова, 1913. 99 с.

REFERENCES

1. Kareyev N. I. *Osnovnye voprosy filosofii istorii: v 3 t.* [The main questions of the philosophy of history: in 3 vol.]. Moscow, A. I. Mamontov & Co Publ., 1883–1890.
2. Kareyev N. I. *Teoriya istoricheskogo znaniya* [The theory of historical knowledge]. St. Petersburg, M. M. Stasyulevich Publ., 1913. 320 p.
3. Lappo-Danilevsky A. S. *Metodologiya istorii: v 2 ch.* [The methodology of history in 2 parts]. St. Petersburg, 1910–1913.
4. Mechnikov L. I. *Tsivilizatsiya i velikie istoricheskie reki* [Civilization and the great historical rivers]. Moscow, Progress Publ.; Pangeya Publ., 1995. 459 p.
5. Khvostov M. M. *Leksii po metodologii i filosofii istorii* [Lectures on methodology and philosophy of history]. Kazan, L. P. Antonov Publ., 1913. 99 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смоленский Николай Иванович – заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-vistaiman@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay I. Smolensky – Head of Department, Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-vistaiman@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смоленский Н. И. Проблема становления российской методологии истории: В. О. Ключевский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 92–104.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-92-104

FOR CITATION

Smolensky N. I. The problem of the formation of the Russian methodology of history: V. O. Klyuchevsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 92–104.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-92-104

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-105-114

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф. ДЖЕЙМИСОНА

Егоров Д. И.*Независимый исследователь**г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Комплексно рассмотреть изложенные в работах разных лет исторические взгляды Ф. Джеймисона.

Процедура и методы. Проведён анализ теоретических взглядов Ф. Джеймисона о взаимосвязи ключевых тенденций в искусстве и культуре с закономерностями развития производственных отношений в 3 исторических периодах капитализма.

Результаты. Определено, что наиболее объективным и научно обоснованным средством объяснения феномена постмодернизма в культуре являются познавательные принципы и положения исторического материализма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в развитие идей Ф. Джеймисона и популяризацию его работ.

Ключевые слова: поздний капитализм, реализм, модернизм, постмодернизм, овеществление, коммодификация, марксизм, исторический материализм

HISTORICAL VIEWS OF F. JAMESON

D. Yegorov*Independent researcher**Moscow, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this article is to consider in a comprehensive way the historical views of F. Jameson presented in the works of different years.

Methodology. The analysis of the theoretical views of F. Jameson on the relationship of key trends in art and culture with the patterns of development of production relations in three historical periods of capitalism is carried out.

Results. It has been determined that the most objective and scientifically grounded means of explaining the phenomenon of postmodernism in culture are the cognitive principles and provisions of historical materialism.

Research implication. The research results contribute to the development of F. Jameson's ideas and popularization of his works.

Keywords: late capitalism, realism, modernism, postmodernism, reification, commodification, Marxism, historical materialism

Введение

Фредрик Джеймисон – крупнейший теоретик исторического материализма нашего времени. В его работах представлен анализ специфических черт позднего или межнационального капитализма. Изложенные в них взгляды и тезисы находятся в преемственной связи с трудами К. Маркса, основанными на анализе начальных стадий развития капитализма, и В. Ленина, рассмотревшего капитализм на этапе империализма. Ключевой проблемой работ Джеймисона является генезис современных культурных тенденций и их обусловленность экономическими отношениями [3, с. 91–92]. Акцент на культурологическом аспекте не противоречит традиционной практике исторического материализма по раскрытию ведущей роли производительных сил и производственных отношений. Учитывая высокое значение эстетики постмодернизма и медийного производства в современном мире, вполне обоснованно было представить данные явления в виде наиболее симптоматичного отображения характерного для постиндустриальной стадии тотального овеществления, в условиях которого товарный фетишизм стал ведущей движущей силой экономики. Изображая коммерческое искусство как высший предел экспансии капитализма, Джеймисон проследил в этом контексте процесс разложения автономии духовной сферы жизни общества. Также им сформулирована самобытная концепция о связи языка, мышления, эстетического восприятия со способами производства, особенностями разделения труда и классовой позицией. Не менее интересны его размышления о вытеснении исторического самосознания из мировоззрения современного человека и замещении его ложными стереотипами.

Культурные логики стадий развития капитализма

Наиболее популярным аргументом критики исторического материализма является якобы уничтожение в нём зна-

чения индивидуального и свободы творческой деятельности. Данный предрассудок изначально опровергнут прямыми ссылками на Маркса, однако длительное время ему удавалось служить средством дискредитации марксизма. Особенно восприимчивы к нему были историки культуры и теоретики искусства (наиболее яркий пример – Б. Кроче), эмоционально осуждавшие принцип сведения идеального к материальному, критиковавшие классовый анализ художественного творчества и комплексное изучение эстетических объектов в социально-экономическом измерении. Из их внимания выпала проблема влияния производственных отношений на искусство, пока производство само не вторглось в его сферу, разлагая как народную и национальную, так и высокую культуры. Этот процесс, по мнению Джеймисона, – одно из проявлений общего кризиса индивидуализма, защитники которого не в состоянии были предвидеть то, что с завершением географической экспансии капитализм перейдет к экспансии культурной, интегрируя эстетическое производство в товарное.

Другим следствием невнимания к социальной стороне искусства стало одностороннее (сугубо психологическое) понимание его общественных функций. Джеймисон убедительно показывает, что марксизму чуждо отведение искусству второстепенного значения в общественной жизни. Напротив, это значение раскрывается в более широкой перспективе, чем могут предложить фрейдисты, структуралисты или формалисты¹. Эстетическое воображение, ориентированное на непрерывный поиск новых форм, стремится преодолеть повседневные реалии, а потому художники и литераторы опережают своё настоящее, предваряют будущее в его образном виде. Конфликт авторского замысла и его контекста, воображаемого и реального, будущего и

¹ Джеймисон Ф. Критика в истории // Неприкосновенный запас. 2012. № 5. С. 97–118.

настоящего в их произведениях есть отображение бытующих социальных, в конечном итоге и производственных, противоречий¹. В художественной форме деятели искусства намечают пути их разрешения, т. о. им отводится столь важная для марксизма революционная роль.

В ракурсе подобного представления о социальной роли искусства показателен как никогда ранее высокий интерес к жанру антиутопии, широко представленный в современной литературе, живописи, кино. Его популярность, помимо коммерческого значения, возможно, объясняется отчуждением к всеобъемлющей атмосфере консьюмеризма и товарного фетишизма. Радикальное разрушение существующего мира и возвращение к борьбе за выживание в диких условиях – таков взгляд на разрешение конфликта частных и общественных интересов в этом жанре. Конечно, это не ориентир в будущее, а свидетельство утраты искусством своего социального назначения. Констатируя данное обстоятельство, Джеймисон обращается к историческому анализу данной проблемы в контексте развития капитализма.

Сущность капитализма Джеймисон характеризует понятием «овеществление», т. е. стремлением материализовать любой объект социальных отношений с возможной перспективой превращения его в товар и включение в торгово-производственные отношения². Он с иронией замечает, что истинная буржуазно-рыночная идеология материалистичнее даже диалектического материализма. Овеществление проникло в духовную сферу в эпоху Просвещения и нашло выражение в виде логики реализма. В общем виде реализм подразумевает десакрализацию мира и поиск причинных

оснований³. Каузальный подход декодировал социальные и культурные ценности средневековья, лишал их имманентных свойств. Объективированные художественные образы, негативно отображавшие материальную сторону прежних устоев, нивелировали идеалы дворянской чести, деревенской простоты, религиозного аскетизма, указывая, что в их основе сословная несправедливость, неграмотность, бедность и угнетение. На смену им утверждались идеи либерализма, парламентаризма, новая модель разделения труда. При этом негативные последствия процесса овеществления трудовых отношений оставались скрытыми.

Конечно, реализм – не единственное и даже не самое популярное направление в искусстве конца XVIII – начала XIX вв. Но, как и в одной формационной системе возможно сосуществование разных типов производства с доминированием наиболее эффективного, так и реализм был наиболее социально значимым культурным феноменом. Для реализма был характерен буквально-референциальный способ выражения, в котором образы искусства, подобно научным понятиям, являлись отражением обозначаемого объекта⁴.

М. Фуко вывел понятие эпистемы – исторические формы мышления и способы семантического обозначения вещей, полагая, что они являются производными от системы власти и её дискурса. Джеймисон назвал их типами культурных логик, которые неверно связывать лишь с господствующей политической риторикой, но необходимо связать с более фундаментальным уровнем – с историческим способом производства. Буквалистская логика реализма, направленная против всеобъемлющих сакральных цен-

¹ Джеймисон Ф. Об интерпретации: Литература как социально-символический акт // Марксизм и интерпретация культуры. М., Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. С. 43–44.

² Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 610–616.

³ Jameson F. The Antinomies of Realism. London; New York: Verso. 2013. P. 14–16.

⁴ Джеймисон Ф. Сюрреализм без бессознательного // Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. С. 173.

ностей, была сопряжена с формировавшейся системой специализированного труда, где производственные мощности в ущерб прежней универсальности стали ориентироваться на массовое изготовление определённой продукции. Также отсутствие противоречия между образом реальности и самой реальностью имело свой прототип в логике социальных отношений. Идеологи от буржуазии как представители наиболее прогрессивного класса создавали образы справедливого вольнонаёмного труда и свободного рынка, которые разделяли и другие классы. До второй половины XIX в. ещё не обозначился явный классовый антагонизм и расслоение буржуазии, поэтому искусство реализма было самым правдивым и однозначным.

Итак, важнейшей функцией реализма была адаптация к буржуазным ценностям. Но процесс овеществления, ранее разрушавший сакральную культуру, продолжил своё развитие, поставив под сомнение мир буквальных и эстетически гармоничных истин времён реализма. Догматизированный объективизм переродился в идеологию, а стиль и этика художественных произведений устарели. Культурным шоком называет Джеймисон момент перехода к модерну, который возник на фоне опасений перед разрушительным потенциалом техники и отращения к её эстетической убогости¹. В эпоху империализма технология становится самодовлеющей силой, не нуждающейся в философском и этическом обосновании. Индустриализация обеспечила монополизацию капитала и колониальный раздел мира, определила новую модель дифференциации труда в виде конвейерного производства.

Культурная логика модернизма – это отчуждение и протест против формирующейся системы общественных и производственных отношений. Протест модернистов выразился в отрыве искусства от

действительности, автономизации эстетики по той же логике, по которой технология представлялась внеисторическим феноменом. Условие творческой свободы усматривалось в непрерывном обновлении стилей и жанров, изобретении собственных специализированных языков, которые из-за нереперенциальности их свойств Джеймисон назвал неевклидовыми². Отсюда исходит актуализация тезиса семиотики об условности взаимосвязи в знаке между означаемым и означающим, перерождение лингвистических учений в целые философские парадигмы. Тезис выражал де-легитимацию бывшего тождества объекта обозначения и его символического значения, что представлено искусством авангардизма в виде иронии над рациональными критериями оценки художественных произведений, абсолютизации эмоционально-эстетического их постижения.

Однако десакрализируя уже секулярную культуру, модернисты не были рефлексивны к собственным мифам, заново кодируя мир³. Модерн возник на почве капиталистических отношений и невозможен внеисторических условий монополистического капитализма. Образовавшийся слой финансовой олигархии сужал возможности равноправной конкуренции, поэтому антикапиталистический пафос в модернизме выражал утопические чаянья менее успешных слоёв буржуазии о равных возможностях и свободном рынке, т. е. миф об идеальном капитализме. Анти-реализм в искусстве модернизма являет собой поиск определения субъективности, которое бы не было редуцировано к коммерческому измерению. В процесс овеществления в такой мере интегрировались сферы общественной жизни (даже семья изображалась как производственная единица),

² Там же. С. 11–12.

³ Джеймисон Ф. По ту сторону пещеры: Демистификация идеологии модернизма // Марксизм и интерпретация культуры. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 259.

¹ Джеймисон Ф. Модернизм как идеология // Неприкосновенный запас. № 6. 2014. С. 5–7.

что поиск экзистенциального оказался ограниченным сферой искусства. Положения идеологии эстетического в модернизме приобретали почти теологическое значение.

К 60-м гг. XX в. протестный потенциал модернизма себя исчерпал. Причудливые эстетические эксперименты многочисленных направлений авангардизма уже не воспринимались в виде новаций и стали канонами, которые начали изучать на специализированных кафедрах университетов. Оберегая миф от собственной автономности, модернисты стремились обозначить себя вне-истории и вне-политики, критикуя буржуазные идеологии за мещанство, а социалистические – за тоталитаризм. Без реального социального содержания искусство модернизма выродилось в ремесленничество.

В последующих социально-экономических условиях капитализм в индустриальной форме достиг планетарного масштаба, и теперь межнациональный капитализм нуждался в новых точках роста. Отсутствие развитой индустрии в беднейших регионах преодолима, но искусственно поддерживаемая проблема в интересах развитых стран. Коммерциализация всех возможных услуг, включая образование, здравоохранение, досуг и прочее, существенно снизила значение непосредственно материального производства. Его технологическая автоматизация определила условный характер взаимосвязи между трудом и изготавливаемой продукцией. Союз медиа и рынка повлёк коммодификацию культуры (придание коммерческой ценности вещам, которые ранее ей не измерялись), не оставив ни одной не овеществлённой сферы деятельности. Таким образом, как полагает Джеймисон, мы живем при чистом и тотальном капитализме, в котором базис и надстройка смешались между собой¹. Либеральные представления о нём как о

свободном рынке и равных возможностях теперь анахронизм.

В условиях, когда потребительские цели определяют характер трудовой, образовательной, творческой деятельности и даже хобби, культурная среда стандартизируется, поэтому идеология эстетического индивидуализма в модернизме противоречит экономическим реалиям, и возврат к нему невозможен. Идея свободы и равных возможностей выродилась в идею о свободе потребления, отсюда дискредитация всех прогрессистских мета-нарративов. Восприятие ценностей потребления представляет собой сублимацию, замещающую экономическое и политическое бессилие среднего класса.

Для характеристики культурного производства в эпоху постмодерна Джеймисон часто использует понятие *пастиш*. Пастиш – это стилистическая подделка, обезличенная имитация и паразитирование на потерявших смысл эстетических образах. Значение не только утратило связь с объектом, но в его внутренней структуре распалась связь между означающим и означаемым². Ремейки фильмов, рекламные ролики, поп-арт, литература фэнтези – наиболее выраженные примеры пастишей из разных областей творчества, где определённый стиль используется без связи со смыслом, который данный стиль должен традиционно отображать. В целом, любой продукт коммерческой культуры имеет свойства пастиша. Хотя понятие *пастиш* для характеристики культуры постмодернизма может показаться менее фундаментальным, чем понятия *симулякр* или *интертекстуальность*, однако акцент на стилистическом аспекте позволил Джеймисону выявить в экономической функции эстетики постмодернизма реализацию известного тезиса Ги Дебора: образ есть конечная фор-

¹ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 68, 80–81.

² Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 110–112; Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Марксизм и интерпретация культуры. М., Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. С. 292–293.

ма овеществления предмета потребления (имеется в виду, что стоимость товара в большей мере определяет бренд, чем потребительские свойства, также этот тезис указывает на медиаобразы, которые являются беспредметным товаром-изображением).

В соответствии с экономическими требованиями смысловое содержание культурного производства было сведено к развлекательному. Произошло смешение элитной и народной форм искусства, при этом полярно изменились их социальные роли. Если ранее элитарное искусство легитимировало ценности привилегированных классов, то после утраты своего высокого значения его остатки ушли на социальную периферию. Напротив, ориентированная на потребительские ценности масскультура в конечном итоге работает в интересах транснациональных корпораций. Данное обстоятельство эффективно маскирует сущность капитализма, даёт поводы утверждать ложные тезисы о наступлении эпохи бесклассового общества¹.

Историчность в условиях постмодерна

Для Джеймисона не является целью представить постмодернизм исключительно в негативном свете. Он положительно оценивает улучшение качества жизни в эпоху общества потребления, снижение количества военных конфликтов на национальной почве, многогранность современного социального устройства, а также повышение уровня культурной терпимости во всех её аспектах. Однако напоминая, что марксизм – это учение о капитализме и его развитии, он руководствуется диалектическим и историческим пониманием действительности с необходимостью обозначить роль имеющихся противоречий и деструктивных тенденций. Таковой является утрата чувства историчности в современном обществе.

Если идеология модернизма провозглашала кардинальный разрыв с прошлым и была пронизана утопическими идеями, то постмодернизм являет собой идеологию жизни в непрерывном настоящем, которое не нуждается в исторических основаниях и не имеет проектов будущего развития. Иллюзия «вечного настоящего» связана с тотальностью капитализма, которая убедила многих в ложности других возможных альтернатив развития, якобы противоречащих естественному состоянию социально-экономических отношений. Отсутствие проектов будущего связано с эфемерностью каких-либо долгосрочных планов, поскольку рынок стал всеобъемлющим; регулируется же рынок не людьми, а ценообразованием. Соответственно, факторы, определяющие будущее, не находятся во власти людей². Сознание, не усматривающее связи между прошлым, настоящим и будущим, Джеймисон именует шизофреническим сознанием³. Это фрагментированное восприятие реальности, порождённое средствами массовой коммуникации, в которой информация представляет собой сплошной поток означающих. Данное обстоятельство отобразилось не только в общественном сознании, но и на профессиональной историографии.

Особенностью исторической науки в эпоху постмодерна стала её атеоретичность⁴. В целом это соответствует современным тенденциям развития знания, ориентированного на решения прикладных задач. Однако ещё во времена доминирования реализма каждая область знания приобрела теоретическое ядро,

¹ Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Логос. 2005. № 3. С. 233–234, 244–246.

² Джеймисон Ф. Постмодернизм и рынок // Марксизм и интерпретация культуры. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 326.

³ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Марксизм и интерпретация культуры. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 300.

⁴ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 385, 395–396.

которое сохраняет своё значение и инвариантность, несмотря на все возможные пути дальнейшего развития дисциплины. По идеологическим причинам никем не опровергнутые и не замещённые ничем лучшим раскрытые Марксом социально-исторические закономерности не приобрели всемирного признания. Теоретического ядра в исторической науке не сформировалось. Эпистемологический плюрализм, инфляция знания, углубление его дифференциации в эпоху НТР обернулись для неё фрагментацией. Масса бессвязных прикладных областей в многоаспектном плане интерпретируют события и процессы, которые, впрочем, уже мало что значат. Теоретизации и синтезу исторического знания препятствуют обвинения подобных попыток в политической предвзятости или в философских спекуляциях.

Не обладающая теоретическим ядром историография ограничилась описанием или конструированием междисциплинарных коллажей и критикой деконструктивистского характера¹. Исторический материализм был способен объяснять специфику исторических явлений через исторические особенности ключевой для человека трудовой деятельности. Сегодня в историческом аспекте проблема социального объяснения не имеет первостепенного значения. Несмотря на сопротивление исторической науки постмодернистскому скепсису, многочисленные направления современной историографии актуализируются в контексте тех или иных культурных тенденций и теряют значение с их уходом. Ориентируясь на практические потребности культурной среды, историческое знание воспринимает её черты: одноразовость, металогичность, вторичность, поверхностность.

Проявление кризиса исторического сознания в общественном плане, в пред-

ставлении Джеймисона, выражается в том, что мышление современного человека в большей мере обусловлено пространственными категориями, а не временными. Отсюда историческое сознание в постмодерне характеризуется 3 взаимобусловленными чертами: неопределённость идентичности, утрата смысла категорией «другое», симуляция прошлого.

В основе неопределённости идентичности находится разрушение связи между личным и социальным опытом. Ментальные, профессиональные, национальные, гендерные, расовые и иные идентичности воспринимаются лишь в той мере, в какой они удобны в обыденном плане. Лишь классово-историческое сознание, по мнению Джеймисона, способствует активной позиции в производственной и политической деятельности приобщению личности к интересам своей социальной среды на онтологическом уровне, т. е. исходя из исторических истоков². Ложное утверждение об отсутствии классового разделения в постиндустриальном обществе привело к убеждению, что единственными реальными критериями социальной стратификации являются критерии уровня потребления. Подобные мировоззренческие установки создают общество пассивного наблюдателя исторического процесса. Войны на Ближнем Востоке за контроль над ресурсами, отсутствие реальных противовесов диктату рыночных конъюнктур, намеренно создаваемая безработица и подрыв индустриализации в беднейших странах – эти и иные деструктивные явления воспринимаются как череда бессвязных событий, как данность, не требующая объяснения. Любые альтернативы экспансионистским тенденциям капитализма, создаваемые разного толка антиглобалистскими общественными движениями, объявляются утопиями и левыми социализмами, суть которых – тоталитаризм. Джеймисон замечает, что,

¹ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 708–709.

² Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Логос. 2005. № 3. С. 233–234.

во-первых, утопии – эффективное средство для понимания проблем настоящего как конкретного исторического момента и для формулирования проекта будущего¹. Во-вторых, сегодняшний реальный тоталитаризм – это тоталитаризм финансовых элит, прикрытый ширмой западных демократий².

Сопряжённая с понятием идентичности социокультурная категория «другое» сформировалась в историко-философской мысли XIX в. С её помощью подчёркивали ментальную и историческую самобытность незападных стран. Она играла важную идейную роль в национально-освободительных движениях и антиколониальных тенденциях. Джеймисон полагает, что, несмотря на видимое культурное многообразие сегодня, постмодернистское медийное пространство – гомогенное и стандартизированное³. Его повсеместность исключает возможность самости и категорию «другое», через которую самость определяется. В итоге, равноправный плюрализм культур – это фикция, в действительности мир пребывает в состоянии культурного неокOLONIALИЗМА.

Благодаря технологиям СМИ прошлое не воспринимается как исторический процесс, а представляет собой набор стандартизированных образов: СССР в середине XX в. – это Сталин и ГУЛАГ, США – Кеннеди и миссия Аполлон и т. п. Данные образы стали референтами прошлого⁴.

Как и все иные культурные объекты в постмодернизме образы прошлого овеществлены, и их значимость определяется коммерческим измерением. История

стала сырьём для ностальгических стереотипов, которые медийное производство преобразует в пастиши, что особенно выражено в медиаиндустрии. Только стилистические аспекты истории представляют для рынка интерес. Но подобное обращение к прошлому препятствует позитивному восприятию исторического опыта для формулирования социально значимых идей, которые бы определили новые направления развития.

Заключение

Ознакомление с работами Ф. Джеймисона позволяет наиболее объективно понимать феномен постмодернизма. Нисколько не принижая значение трудов Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийера, И. Хассана и других теоретиков, их анализ замыкается на каком-либо отдельном аспекте проблемы – эпистемологическом, ментальном, культурологическом. С помощью исторического материализма Джеймисону удалось обобщить разные толкования о постмодернизме в целостную картину и конкретизировать данное явление в контексте всемирно-исторического процесса [5, с. 27].

С новым тысячелетием главным образом на основании того, что значение телевизионного производства падает и мир погружается в ориентированное на индивидуальные интересы цифровое пространство, укореняется мнение о завершении эпохи постмодерна [2]. В действительности же доминирование иной культурной логики возможно только со сменой экономических отношений [4, с. 52–53]. Различные теоретические варианты постпостмодернизма оказываются недолговечными.

В настоящее время наблюдается вырождение наиболее одиозных черт в постмодернизме (радикальный релятивизм, цинизм, антиисторизм) и переход на умеренные позиции. Его основания в виде коммодификации культуры, овеществления духовных ценностей и консьюмеризма продолжают выполнять

¹ Jameson F. The Politics of Utopia // New Left Review. 2004. № 25. P. 53–54.

² Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Логос. 2005. № 3. С. 228–230.

³ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 658–661.

⁴ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Марксизм и интерпретация культуры. М., Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. С. 298.

роль движущей силы в развитии позднего капитализма.

В связи с этим работы Джеймисона продолжают сохранять актуальность в понимании ключевых социокультурных проблем современности. Учёт марксистской критики во многом способствовал тому, что сам капитализм развивался в более эффективном русле, ориентировался на социальные интересы даже в ущерб сверхценной установки на прибыль. Критика Джеймисона указывает на деструктивное влияние так называемого престижного потребления и неэффективное распыление капитала; на возможные социальные конфликты в связи с низведением

до уровня обслуживающего персонала всех категорий трудящихся и в связи с нарастающей тенденцией безработицы; на опасность безвольного подчинения рыночным механизмам, которые якобы закономерно сформируют благоприятный вариант будущего. Учёт его критики активно способствовал поиску альтернативных постмодернизму ценностей и подходов в творческой деятельности [1, с. 35–36, 38–39]. Пока речь идёт только об искусстве. Преодоление издержек процесса овеящения в иных сферах общественной жизни остаётся делом будущего.

Дата поступления в редакцию 30.06.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Аккер Р., Вермюлен Т. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма // Аккер Р., Вермюлен Т. *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма* / пер. с англ. В. М. Липки. М.: Рипол Классик, 2020. С. 34–60.
2. Кирби А. Смерть постмодернизма и то, что после // *Metamodern* : [сайт]. URL: <https://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism> (дата обращения: 06.12.2021).
3. Вахрушева Е. А. Постмодернистский неомарксизм Фредрика Джеймисона // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 86–98.
4. Павлов А. Странная жизнь постмодернизма // Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма* / пер. с англ. Д. Краlechкина. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 7–56.
5. Пензин А. Открытая диалектика Фредрика Джеймисона // Джеймисон Ф. *Марксизм и интерпретация культуры* / пер. с англ. О. В. Аронсон. М., Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. С. 5–32.

REFERENCES

1. Akker R., Vermyulen T. [Periodizing the 2000s, or the Emergence of Metamodernism]. In: Akker R., Vermeulen T. *Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism* (Russ. ed.: Lipka V. M., transl. *Metamodernizm. Istorichnost, Affekt i Glubina posle postmodernizma*. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2020, pp. 34–60).
2. Kirbi A. [The Death of Postmodernism and Beyond]. In: *Metamodern*. Available at: <https://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism> (accessed: 06.12.2021).
3. Vakhrusheva E. A. [Fredric Jameson's Postmodernist Neo-Marxism]. In: *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 15, no. 2, pp. 86–98.
4. Pavlov A. [The Strange Life of Postmodernism]. In: Jameson F. *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism* (Russ. ed.: Kralechkin D., transl. *Postmodernizm, ili Kulturnaya logika pozdnego kapitalizma*. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara Publ., 2019, pp. 7–56).
5. Penzin A. [Fredrick Jameson's Open Dialectic]. In: Jameson F. *Marxism & interpretation of culture* (Russ. ed.: Aronson O. V., transl. *Marksizm i interpretatsiya kultury*. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2014, pp. 5–32).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Денис Иванович – кандидат исторических наук, независимый исследователь;
e-mail: denyegov1981@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis I. Yegorov – Cand. Sci. (History), Independent Researcher;
e-mail: denyegov1981@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Егоров Д. И. Исторические взгляды Ф. Джеймисона // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 105–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-105-114

FOR CITATION

Yegorov D. I. Historical views of F. Jameson. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 105–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-105-114

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-115-127

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ МАЛИ: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

Кулибали А. Ш.

Военная академия Генерального штаба ВС РФ

119330, г. Москва, Университетский пр-т, д. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление и анализ факторов, оказавших существенное влияние на военную политику Республики Мали.

Процедура и методы. В работе использованы историко-генетический и историко-сравнительный методы для анализа развития военной политики Мали с момента обретения независимости до настоящего времени. Применение методологии, принятой в современной военной политологии, и анализ документов и работ российских и зарубежных исследователей позволил выделить факторы, влияющие на военную политику государства.

Результаты. Выделены исторический, политический и этический факторы, оказывающие определяющее влияние на современную военную политику Республики Мали, рассмотрены основные направления военной политики государства. Особое внимание уделено фактору нарастающей террористической угрозы в регионе и его ключевому значению при определении направлений военной политики Республики Мали.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основе представленных результатов могут быть выработаны или развиты меры и принципы военной политики Республики Мали, позволяющие стабилизировать положение в области безопасности в стране и регионе.

Ключевые слова: Республика Мали, военная политика, террористическая угроза, военное строительство, подготовка вооружённых сил

MILITARY POLICY OF THE REPUBLIC OF MALI: MAIN FACTORS AND DIRECTIONS

A. Kulibali

Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

Universitetsky prosp. 14, Moscow 119330, Russian Federation

Abstract

Aim. This article lists and analyzes the main factors that have had a significant impact on the military policy of the Republic of Mali.

Methodology. The main research methods include those of historical-genetic and comparative-historical methods to analyze the development of military policy of Mali since its independence and up to the present moment. The use of methods of the current military political science and analysis of documents and works by Russian-speaking and foreign researchers enabled the author to address the factors which have influence on the national military policy.

Results. The author highlights the key factors affecting the military policy of Republic of Mali, such as historical, political and ethical factors, and addresses the main directions of the national military policy. Moreover, the author considers the growing factor of the terrorist threat in the region to be of particular importance in determining the directions of the national military policy.

Research implications. Based on the results of the study, it is possible to develop further measures and principles of the military policy of the Republic of Mali, which will stabilize the security situation in Mali and Sahel region.

Keywords: Republic of Mali, military policy, terrorist threat, military construction, training of the armed forces

Введение

В настоящее время Мали продолжает оставаться зоной нестабильности¹ и террористической активности исламистов. Перед военно-политическим руководством страны стоит задача создания архитектуры внутривнутриполитической устойчивости и национальной безопасности государства. Обеспечение военной безопасности страны с учётом её жизненно важных интересов, а также строительство военной организации государства и руководство ею в процессе функционирования и развития общества относятся к сфере компетенции военной политики².

Военная политика – составная часть общей политики государства, которая связана с организацией военного строительства и подготовкой вооружённых сил, населения, территории и экономики к применению средств вооружённой борьбы для защиты государства и достижения других его политических целей³. Военная политика, как правило, определяет: цели военного строитель-

ства; общие пути и способы достижения цели или реализации принципиальных решений в области военного строительства; количественные и качественные характеристики (показатели) военной организации, необходимые для решения политических задач; возможность, необходимость и пределы применения военной силы; порядок общего руководства военным строительством и военной организацией государства [2, с. 16–17].

Литературу, посвящённую Мали, можно разделить на: справочную⁴; по истории внутренней политики Мали и роли в ней армии [8; 9]; исследования конфликтов и борьбы с террористическими угрозами [5; 10; 12]; работы, посвящённые ухудшению обстановки в области безопасности и введения иностранных военных и миротворческих контингентов [6; 11].

Однако различные аспекты военной политики Мали с момента обретения страной независимости до настоящего времени не подвергались специальному и систематическому анализу. Отсутствуют работы, в которых рассматривались бы факторы, оказавшие влияние на военную политику Республики Мали. В этой связи в настоящей работе представляется необходимым выявить и проанализировать эти факторы, что и составляет цель данной статьи.

¹ Генеральный секретарь ООН каждые 3 месяца представляет доклад о ситуации в Мали Совету безопасности ООН. См.: Доклад от 26 марта 2021 г. // United Nations Digital Library System : [сайт]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3906939> (дата обращения: 09.05.2021).

² Военная политика : учебник. М.: ВАГШ ВС РФ, 2008. С. 32–33.

³ Словарь оперативно-стратегических терминов. М.: Военное издательство, 2006. С. 66.

⁴ Витухина Г. О., Онучко В. Г. Республика Мали: справочник. М.: Восточная литература, 2005. 279 с.

Без учёта этих факторов, определяющих содержание военной политики, нельзя сформировать ни общую цель, ни конкретные направления военной политики¹. На курс военной политики Мали влияет комплекс взаимосвязанных факторов. К основным из них можно отнести четыре: исторический, политический, этнический и фактор террористической угрозы.

Факторы, влияющие на политику Республики Мали

Исторический фактор. Важнейшую роль в истории страны сыграла Франция. В 1870–1880-е гг. в условиях раздела сфер влияния между крупнейшими европейскими державами потребность в новых рынках сбыта и источниках сырья стимулировала французское военно-политическое руководство к захвату новых колоний в Африке. Усиление военного присутствия в верховьях Сенегала и Нигера способствовало объединению французских колоний в Северной и Западной Африке. Французское военное проникновение в Судан (французское название этого района) началось в сентябре 1878 г. Соппротивление колониальным властям со стороны коренного населения не прекращалось до 1898 г. [4].

В 1898–1899 гг. завершился растянувшийся на два десятилетия период покорения Западного Судана, и в истории Мали, входившей в состав этого региона, наступила эпоха французского колониального господства. Французский Судан неоднократно менял своё название. В 1880-е гг. эта территория носила название Верхний Сенегал-Нигер (ВСН). Его границы изменялись колониальной администрацией без учёта исторических и этнических реалий.

В 1890 г. главнокомандующий войсками был назначен главой отдельной колонии Французский Судан со столицей в г. Каес. 16 июня 1985 г. по предложению министра колоний французского прави-

тельства Э. Шотана был принят декрет о создании генерал-губернаторства Французской Западной Африки (ФЗА).

В составе Французского Судана Мали вместе с другими колониальными территориями в Федерацию входила ФЗА. После референдума по конституции во Франции 1958 г. Республика Судан стала членом Французского сообщества и пользовалась полной внутренней автономией.

В январе 1959 г. Судан присоединился к Сенегалу, чтобы сформировать Федерацию Мали, которая стала независимой в рамках Французского сообщества 20 июня 1960 г. 20 августа того же года, после отделения Сенегала, Федерация распалась. 22 сентября было провозглашено создание независимой Республики Мали, которая вышла из Французского сообщества.

После обретения независимости между Францией и африканскими странами, в т. ч. Мали, были подписаны военные соглашения об обороне и военно-технической помощи. Эксперты отмечают чётко выраженное стремление Франции не выпустить из-под своего контроля бывшие колониальные владения. С момента обретения ими независимости французское военно-политическое руководство методично предпринимало меры по сохранению в новых образованиях своего господствующего положения, противодействуя развитию ими активных связей с внешними игроками, которые могли бы подорвать её влияние.

Традиционно тесное военное сотрудничество всегда занимало важное место во взаимодействии Парижа со своими франкофонными партнёрами. После обретения независимости бывшими колониями за период с 1960 г. по 1994 г. Франция подписала соглашения об обороне с 27 государствами, что создало юридическую основу для создания на территории 20 из них военных баз².

¹ Военная политология : учебник. М.: ВАГШ ВС РФ, 2008. С. 24–25.

² Франция и Африка: вчера и сегодня // Международная жизнь : [сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23966> (дата обращения: 02.06.2021).

Современные конфликты и нестабильность в Мали имеют давние корни и обусловлены различными факторами. Со времени обретения независимости в системе государственного устройства и управления были заложены противоречия, обусловленные предыдущим историческим развитием страны. Они унаследованы независимым государством Мали со времён колониальной зависимости [10, с. 202].

Политический фактор оказывал и продолжает оказывать влияние на политику Мали, в т. ч. и её военную составляющую. Он тесно сопряжён с историческим фактором ввиду сохранения наследия колониального режима, в частности, централизма как формы государственного управления.

После обретения независимости в 1960 г. к власти в Мали пришёл первый президент М. Кейта, который адаптировал к местным условиям систему французского централизма и установил в стране однопартийную систему. Необходимость построения собственной государственности, связанные с этим трудности, неустойчивость экономического и политического развития традиционно определили активную роль армии во внутренней политике Мали. Исследователи обращают внимание на то, что армия и её руководство часто рассматривались как потенциальная угроза для власти, поэтому войска располагали вдали от столицы, а командующих войсками военных округов регулярно перемещали в другие регионы (производили ротацию) [10, с. 206; 11, с. 40]. Именно на фоне внутривластной борьбы и сложных процессов выработки принципов новой государственности в Мали особенно отчётливо проявилась взаимосвязь общегосударственной и военной политики, демонстрирующая, что истоки военной политики лежат в области социальных отношений, в системе общественных противоречий, в стремлении различных социальных групп общества реализовать

свои коренные интересы путём применения военной силы¹.

19 ноября 1968 г. М. Кейта был смещён в результате военного переворота в основном из-за неудачно проводившейся им экономической политики [9, с. 81–102; 10, с. 205]. Переворот совершила группа офицеров под руководством лейтенанта М. Траоре и капитана Й. Диаките. Первый возглавил Военный комитет национального освобождения (ВКНО), второй – временное правительство, в состав которого кроме военных вошли некоторые «умеренные» деятели прежнего режима. М. Кейта, другие политики и руководители профсоюзов были арестованы, действие конституции приостановлено, политические и общественные организации запрещены².

В период военного режима (1968–1979) представители вооружённых сил осуществляли руководство страной, а после перехода к конституционной форме правления военные вошли практически во все руководящие органы государственного и партийного аппарата. За это время в общественном сознании малийцев прочно укрепилось представление о главенствующей роли армии в государстве и её привилегированном положении в обществе. Затем в политической жизни Мали произошёл поворот в сторону демократического универсализма, и в 1991 г. демократически настроенные младшие офицеры армии внесли существенный вклад в свержение режима, после чего передали власть гражданским лицам³.

Политическая необходимость выстраивания новой государственности определила потребности военного строительства и строительства национальных вооружённых сил. В период колониальной зависимости привлечение к

¹ Военная политология: учебник. М.: ВАГШ ВС РФ, 2008. С. 25.

² Витухина Г. О., Онучко В. Г. Республика Мали: справочник. М.: Восточная литература, 2005. С. 74.

³ Витухина Г. О., Онучко В. Г. Республика Мали: справочник. М.: Восточная литература, 2005. С. 96.

военной службе местных жителей относилось к компетенции метрополии – Франции. В 1857 г. генералом Фейдербе, губернатором Сенегала, были созданы подразделения, укомплектованные представителями африканских народностей – «сенегальские стрелки». Это ознаменовало начало африканизации французской армии. Следующим шагом стал закон от 7.07.1900 об организации «колониальных войск», которые привлекались к обороне метрополии и принимали участие в экспедициях за пределы французской территории. Так, они принимали активное участие в боевых действиях во время Первой мировой войны¹.

Именно из военнослужащих, проходивших ранее службу в колониальных войсках, в 1960 г. началось формирование малийских вооружённых сил. Были созданы органы управления вооружёнными силами, малийские офицеры, получившие образование во Франции, заняли в них руководящие посты. В дальнейшем подготовка командных кадров осуществлялась в самой Мали в общевоинском училище Кати (бывшая французская военная база), переведённом позднее в Куликоро, а также до конца 1980-х гг. – в СССР. В целях укрепления суверенитета страны правительство Мали добилось эвакуации французских военных баз со своей территории и приступило к созданию национальной армии. 20 января 1961 г. французские войска покинули военную базу Кати. Там был торжественно открыт обелиск в честь борцов за свободу. С тех пор 20 января ежегодно отмечается в Мали национальный праздник – День армии².

Реформирование армии было начато в 1992 г. Концепцией предусматривалось сокращение её численности при одновременном повышении боеспособности, ограничение функций защитой сувере-

нитета и территориальной целостности страны, участие в решении хозяйственных проблем, укрепление сотрудничества между ВС стран региона, участие в миротворческих субрегиональных и региональных акциях. Полиция была передана в ведение территориальной администрации³.

Строительство ВС представляет собой систему взаимосвязанных мероприятий, осуществляемых высшими органами государственного и военного управления и направленных на создание, реформирование, преобразование, оснащение, содержание и подготовку ВС к выполнению возложенных на них задач мирного и военного времени. Оно осуществляется в рамках военного строительства государства и является его важнейшей составной частью. Одно из основных мероприятий строительства и развития ВС – подготовка военных кадров [2, с. 26–28].

24 октября 2000 г. декретом № 0510 P-RM было создано Управление военных училищ (Direction des Écoles Militaires) для осуществления руководства военными учебными заведениями, расположенными в Бамако, Коти и Куликоро. В его задачи входит не только обеспечение всесторонней подготовки военных кадров, но также развитие регионального и международного военного сотрудничества⁴.

Наряду с национальными военными учебными заведениями подготовка кадров для ВС РМ осуществляется в рамках регионального и международного военного сотрудничества. В 2018 г. был создан Оборонный колледж Сахельской группы 5 (Collège de Défense du G5 Sahel, CDG5S) в Нуакшоте (Мавритания)⁵. В нём осуществляется подготовка квалифицированных кадров в области обеспечения

³ Там же. С. 96.

⁴ Direction des Écoles Militaires // Forces Armées Maliennes : [сайт]. URL: <https://www.fama.ml/etat-major-general-des-armees/direction-des-ecoles-militaires/> (дата обращения: 01.06.2021).

⁵ Dispositions Générales // Collège de Défense du G5 Sahel : [сайт]. URL: <http://cdg5s.org/fr/node/1184> (дата обращения: 01.06.2021).

¹ Подробнее см.: Bangoura, Dominique. Les armées africaines. 1960–1990. Paris, 1992.

² Витухина Г. О., Онучко В. Г. Республика Мали: справочник. М.: Восточная литература, 2005. С. 72, 95.

обороны и национальной безопасности¹. Обучение ведётся по 2 направлениям: оперативному и академическому. Занятия по географии, истории, геополитике и социологии Сахеля позволяют офицерам лучше узнать и понять этот регион, а значит, применять глобальный подход при урегулировании кризисов в Сахеле. Более 16 недель отводится на обучение оперативным методам (теоретическая часть и практическая работа). Программой предусмотрены увеличение продолжительности оперативного обучения до 19 недель и возможность получения офицерами диплома II курса магистратуры по специальности «Оборона и международные отношения». В 2019 г. в Оборонном колледже Сахельской группы 5 прошла обучение первая группа сахельских офицеров. В программе приняло участие 36 старших офицеров из всех стран Сахельской пятёрки².

В рамках международного сотрудничества проходит обучение личного состава вооружённых сил Мали по программе Европейской миссии по обучению (European Union Training Mission – Mali, EUTM)³ – в ней уже приняли участие более 14 тысяч солдат ВС Мали. В 2019 г. были проведены 3 курса обучения офицеров взаимодействия и офицеров штабов [11, с. 15, 39].

Политический фактор определяет вектор не только внутренней, но и внешней военной политики Мали. Особое внимание военно-политического руководства

страны уделялось вопросам установления и поддержания региональных связей, укрепления африканского единства. Конституции страны 1960 и 1974 гг. предусматривали согласование внешнеполитического курса Мали с общеафриканским курсом. ВС Мали лишь однажды были применены в ходе межгосударственного конфликта в 1985 г. во время войны с Буркина Фасо⁴.

16 февраля 2014 г. по инициативе Мавритании, в то время председательствовавшей в Африканском союзе, в Нуакшоте на саммите глав государств Буркина-Фасо, Мавритании, Мали, Нигера и Чада была создана Сахельская группа 5, штаб-квартира которой находится в Нуакшоте. Межправительственный формат сотрудничества предполагал разработку программ регионального сотрудничества между государствами в области безопасности и развития, реагирования на различные региональные проблемы. На своём первом совещании, состоявшемся 9 апреля 2014 г., государства-члены нового форума G5 – «Сахельской пятёрки» – подтвердили готовность использовать эту площадку для решения проблем безопасности сахаро-сахельской зоны. 19 декабря 2014 г. на внеочередном саммите она была преобразована в международную организацию с правовой базой и генеральным секретариатом⁵.

Страны Сахеля (Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад) сталкиваются с многочисленными проблемами: растущая угроза терроризма и организованной преступности, изменение климата, рост населения и пр. Совокупность этих факторов делает регион более уязвимым по сравнению с другими сравнитель-

¹ Les Objectifs généraux de la formation // Collège de Défense du G5 Sahel : [сайт]. URL: <http://cdg5s.org/fr/node/1188> (дата обращения: 01.06.2021).

² Объединённые силы Сахельской группы пяти и Альянс в интересах Сахеля // Дипломатия Франции : [сайт]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangete/securite-desarmement-et-non-proliferation/crises-et-conflits/l-action-de-la-france-au-mali-et-au-sahel/> (дата обращения: 01.06.2021).

³ COMMON SECURITY AND DEFENCE POLICY European Union Training Mission – Mali // European Union Training Mission Mali : [сайт]. URL: https://eutmmali.eu/wp-content/uploads/2021/01/EUTM_Mission_Factsheet_EV2021.pdf (дата обращения: 09.05.2021).

⁴ Пограничный конфликт (Агашерская война, другое название – Рождественская война), длившийся с 14 по 30 декабря 1985 г.

⁵ Объединённые силы Сахельской группы пяти и Альянс в интересах Сахеля // Дипломатия Франции : [сайт]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangete/securite-desarmement-et-non-proliferation/crises-et-conflits/l-action-de-la-france-au-mali-et-au-sahel/> (дата обращения: 01.06.2021).

но благополучными частями африканского континента. Военно-политическое руководство государств региона перед лицом этих общих существующих и возникающих угроз стремится к кооперации и поиску решений в области межгосударственного развития.

2 июля 2017 г. в Бамако главы 5 государств-членов Сахельской пятёрки официально утвердили создание Объединённых трансграничных сил, чтобы разделить усилия по борьбе с угрозами безопасности в Сахеле. Предполагалось создание многонационального контингента (Force Conjointe du G5 Sahel – FC-G5S) для борьбы с террористической угрозой в тесном взаимодействии с национальными силами региона и военным руководством французской операции «Бархан». Создание этого объединённого воинского контингента было закреплено резолюцией 2359 Совета Безопасности ООН (21 июня 2017 г.), предложенной Францией. Задачей Объединённых сил, одобренных Советом мира и безопасности Африканского союза, является борьба с терроризмом, трансграничной организованной преступностью и торговлей людьми на территории стран Сахельской группы 5. Их первая операция была проведена в ноябре 2017 г. Предполагалось, что полный оперативный потенциал Объединённых сил составит 5 000 человек (7 батальонов). Эти силы действуют вдоль общих границ государств в пределах полосы шириной в 50 км по обе стороны от границы.

Стратегический контроль осуществляется совещанием министров обороны стран Сахельской пятёрки. Операции Объединённых сил Сахельской G 5 ориентированы на приграничные районы и охватывают 3 зоны: западное направление с командным пунктом в Неме (Мавритания), центральное направление с командным пунктом в Ниямее (Нигер) и восточное направление с командованием в Нджамене (Чад). Координация командных пунктов ведётся из штаба Объеди-

нённых сил, расположенного в Бамако»¹.

Смена парадигмы и распространение принципа демократического универсализма в 1990–2000-е гг., попытка экстраполяции принципов западноевропейского демократического универсализма и введение многопартийной системы привели к эскалации конфликтов внутри малийского общества [10, с. 205]. После распада социалистической системы и переворота 1991 г. в стране произошла переориентация курса и внешней военной политики. Произошло вовлечение в неё других внешних акторов – Китая, США и других стран. Между тем активизация Китая в сфере традиционного французского влияния беспокоит Париж. Исследователи отмечают, что одной из важнейших целей французской интервенции в Мали является также демонстрация флага и сигнал о решимости Франции не допустить чрезмерной активности КНР и конкуренции со стороны других иностранных государств².

В Мали действует Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА). Она была создана на основании резолюции 2100 Совета Безопасности ООН от 25 апреля 2013 г. для поддержки политического процесса и обеспечения безопасности в стране. Контингент миссии призван оказывать помощь малийским властям в стабилизации положения в стране. Резолюция Совета Безопасности ООН 2164 от 25 июня 2014 г. приоритетными зада-

¹ Объединённые силы Сахельской группы пяти и Альянс в интересах Сахеля // Дипломатия Франции : [сайт]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere/securite-desarmement-et-non-proliferation/crises-et-conflits/l-action-de-la-france-au-mali-et-au-sahel/> (дата обращения: 01.06.2021); Understanding the G5 Sahel Joint Force: Fighting Terror, Building Regional Security? // Center for Strategic and International Studies : [сайт]. [15.11.2017]. URL: <https://www.csis.org/analysis/understanding-g5-sahel-joint-force-fighting-terror-building-regional-security> (дата обращения: 01.06.2021).

² Франция и Африка: вчера и сегодня // Международная жизнь : [сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23966> (дата обращения: 02.06.2021).

чами миссии определила стабилизацию обстановки, обеспечение безопасности и защиту гражданского населения, поддержку национального политического диалога и национального примирения, а также защиту прав человека и оказание гуманитарной помощи [11, с. 23]¹.

Решение о проведении военной операции французских ВС в Мали под кодовым названием «Сервал» было принято президентом Франции в конце декабря 2012 г. после консультаций с правительством, руководством Министерства обороны и ключевыми союзниками по НАТО. Формальным поводом для отправки французского военного контингента в Мали стала просьба властей этой страны об оказании военной помощи с целью остановить продвижение в направлении столицы Бамако восставших на севере страны радикальных исламистских группировок и отдельных боевых формирований туарегов [6, с. 4]².

В основе решения о французском военном вмешательстве в Мали в январе 2013 г. лежали, в первую очередь, экономические интересы Парижа. Дело в том, что туареги, начавшие восстание в северных районах Мали, проживают также на территории Нигера в районах, богатых урановыми рудами. Отсюда Франция через свою компанию «Aureva» получает по низким ценам уран, необходимый для развития атомной энергетики. Поэтому в случае успешного выступления туарегов в Мали французы имели все основания опасаться, что оно может перекинуться на Нигер и Париж потеряет контроль над источником крайне важного для него стратегического сырья³.

¹ Documents // MINUSMA. Mission multidimensionnelle intégrée des Nations unies pour la stabilisation au Mali : [сайт]. URL: <https://minusma.unmissions.org/en/documents> (дата обращения: 01.06.2021).

² Подготовка и проведение операции «Сервал» подробно рассмотрены в работе: La France en guerre au Mali : Enjeux et zones d'ombre / Survie; Coord. : Juliette Poirson, Fabrice Tarrit. Tribord, 2013.

³ Франция и Африка: вчера и сегодня // Международная жизнь : [сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23966> (дата обращения: 02.06.2021).

Операция «Бархан» была начата сразу после подписания нового соглашения о сотрудничестве в области обороны между Францией и Мали 16 июля 2014 г. (оно заменило соглашение 1985 г.). В частности, документ предусматривает большую военно-логистическую манёвренность Франции при проведении контртеррористических операций на территории государства [7, с. 74].

13 января 2020 г. прошёл саммит глав государств «Сахельской пятерки» и Франции. В рамках этого мероприятия лидеры стран договорились о продолжении участия французского контингента и международных партнёров в борьбе с терроризмом в Сахеле. Было принято решение о создании совместного командования силами операции «Бархан» и Объединённых сил стран «Сахельской пятерки» с привлечением других партнёров, действующих в рамках оперативной группы «Такуба» (Task Force Takuba) – объединения европейских войск специального назначения.

В то же время новый импульс получили российско-малийские отношения. 25 июня 2019 г. было заключено соглашение о военном сотрудничестве между правительствами РФ и Республики Мали⁴. Оно предусматривает следующие основные направления:

1. обмен мнениями и информацией по военно-политическим вопросам, вопросам укрепления взаимного доверия и международной безопасности;

2. развитие отношений в области совместной подготовки войск (сил), инженерного обеспечения, военного образования, военной медицины, военной истории, военной топографии, спорта и культуры;

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Мали о военном сотрудничестве от 25 июня 2019 года // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907150001> (дата обращения: 09.05.2021).

3. обмен опытом миротворческой деятельности и взаимодействия в операциях по поддержанию мира и безопасности под эгидой Организации Объединённых Наций;

4. взаимодействие в мероприятиях по борьбе с терроризмом¹.

Этнический фактор также определяет содержание военной политики Мали и тесно связан с историческим и политическим факторами. Историческое сосуществование в составе одного государства нескольких этнических групп, ведущих различный (оседлый или кочевой) образ жизни и хозяйствования, необходимость их инкорпорирования в единое государство сформировало этнический фактор, который также влияет на общегосударственную политику и её военную составляющую.

Одним из племён, издавна проживающих на территории Мали, являются туареги – кочевники, живущие на обширной пустынной и полупустынной территории от излучины р. Нигер до границ с Алжиром и Нигером. Предками туарегов были берберы, обитавшие на юге Туниса и Ливии. Туарегские племена, вытесненные арабами из Северной Африки, появились в Центральной Сахаре в VIII в., и вот уже более 1 000 лет ведут кочевой образ жизни. Они пришли на территорию современного Мали в XI в. и на рубеже XI–XII вв. основали г. Томбукту². В настоящее время численность туарегов колеблется от 1,5 до 2,5 млн чел. (по данным ВОЗ на 2015 г., общая численность населения Мали составляла около 18 млн чел.)³.

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Мали о военном сотрудничестве от 25 июня 2019 г. // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907150001> (дата обращения: 09.05.2021).

² Витухина Г. О., Онучко В. Г. Республика Мали: справочник. М.: Восточная литература, 2005. С. 34

³ Mali // Organisation mondiale de la santé : [сайт]. URL: <https://www.afro.who.int/fr/countries/mali> (дата обращения: 02.06.2021).

Изначально туареги решительно противостояли французским колониальным захватам. Однако во время колониального господства Франция придерживалась традиционного имперского принципа «разделяй и властвуй», поддерживая и отдавая предпочтение туарегам, хотя численно они составляли меньшинство [10, с. 204]. Положение изменилось после провозглашения независимости Мали. Процесс деколонизации нанёс удар по надеждам туарегов добиться собственной независимости. Они оказались рассредоточены по территориям 5 суверенных государств – Нигера, Мали, Алжира, Ливии, Буркина-Фасо. Туарегские племена восприняли подобное положение как незаконное лишение принадлежавших им по праву земель и отказались признавать законы и порядки центральных органов государственной власти. Противоборство между туарегскими племенами и центральной властью в Мали и Нигере фактически не прекращалось с момента обретения бывшими колониями независимости. В этих странах произошло несколько крупномасштабных восстаний, носивших фактически характер гражданской войны⁴. В 1963 г. произошло первое восстание туарегов в Мали, а вплоть до событий 2012 г. – ещё 4 [10, с. 205].

В 2012 г. последствия «арабской весны» стали ощущаться у границ Тропической Африки. 22 марта в Республике Мали произошёл военный переворот, положивший конец режиму А. Т. Туре. В стране обострилась проблема обеспечения мирного сожительства представителей разных этнических групп в рамках границ, унаследованных от колониального прошлого. 6 апреля 2012 г. руководители восстания туарегских племён, объявили о создании «независимого государства Азавад» («страна пастбищ») ⁵.

⁴ Франция и Африка: вчера и сегодня // Международная жизнь : [сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23966> (дата обращения: 02.06.2021).

⁵ Подробнее о восстании туарегов и его геополитических последствиях для Мали см.: Tamboura, Abdoulaye. Le conflit touareg et ses enjeux géopolitiques au Mali : Géopolitique d'une rébellion armée. Paris, 2018.

В течение 2 недель марта 2012 г. отряды туарегов разгромили гарнизоны малийской армии и захватили основные города и административные центры на севере Мали. Повстанцы объявили о создании независимого государства на территории областей Кидаль, Томбукту и Гао. Успехи туарегских повстанцев были достигнуты в условиях дезорганизации государственных структур, последовавшей за военным путчем. Ведущая политическая организация повстанцев – «Национальное движение за освобождение Азавада» (НДООА) – была создана в конце 2011 г. и в 2012 г. насчитывала 1–3 тыс. комбатантов¹. Потенциал повстанческих отрядов существенно возрос за счёт присоединившихся к ним солдат ливийской армии, укрывшихся на территории Мали после падения режима М. Каддафи. Туареги, ранее сражавшиеся в армии М. Каддафи, тоже бежали в Мали и, объединившись с местными исламистскими формированиями, фактически захватили северную часть страны. Это, в свою очередь, привело к затяжной гражданской войне в государстве. Операция НАТО в Ливии оказала глубокое влияние на Субсахарскую Африку в целом, дав импульс развитию транснационального терроризма и массовых волн внешних миграций в различных регионах мира [7, с. 66]. В 2015 г. между правительством Мали и коалицией вооружённых групп было заключено Алжирское соглашение о мире и примирении в Мали².

События в Мали в очередной раз продемонстрировали сложность процесса становления общенациональной государственности в условиях полиэтни-

ности и произвольно обозначенных государственных границ, унаследованных от колониального прошлого³. И если западные страны оценивают исламистский фактор в регионе как наибольшую угрозу, то для Мали едва ли не наибольшую угрозу представляет утрата территориальной целостности в результате деятельности туарегов, которые, по мнению специалистов, представляют собой в большей степени секулярное сепаратистское движение [10, с. 206; 11, с. 29].

Фактор террористической угрозы. Начатая в 2001 г. под предлогом «глобальной войны» с мировым терроризмом военная интервенция США в Афганистане привела к массовому исходу из Афганистана боевиков «Аль-Каиды» и её сторонников. Значительная часть этих сил переместилась в глубинные районы Сахаро-Сахельской зоны, в частности, на север Мали. По мнению С. В. Мезенцева, решающим толчком к дестабилизации ситуации в Мали стали события «арабской весны» и агрессия НАТО против Ливии [6, с. 4]. Эксперт отмечает, что малийский кризис стал закономерным последствием крушения режима М. Каддафи, который выступал определённым центром по сдерживанию и минимизации противоречий между туарегами и исламистами. Именно в результате агрессии НАТО в Ливии произошло объединение радикальных экстремистов и сепаратистов различного толка, которые подпитывались людьми и оружием из ливийско-сирийской и других зон «арабских революций» [6, с. 23].

Вследствие событий «арабской весны» и близости региона к Ближнему Востоку Африка стала зоной действия военизированных отрядов исламистов. Их позиции в Сирии и Ираке в последние годы были ослаблены, поэтому они активизировали свою деятельность в других регионах, особенно в Африке. Северная

¹ Франция и Африка: вчера и сегодня // Международная жизнь : [сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23966> (дата обращения: 02.06.2021).

² Меморандум правительства Мали по вопросу об осуществлении Соглашения о мире и примирении в Мали, которое было достигнуто по итогам Алжирского процесса и подписано 15 мая и 20 июня 2015 года в Бамако // United Nations Documents : [сайт]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/2016/529> (дата обращения: 04.06.2021).

³ Независимый Азавад // РСМД : [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nezavisimyy-azavad/> (дата обращения: 02.06.2021).

Африка и прилегающие к ней на юге территории региона Сахель остаются одним из эпицентров борьбы с международным терроризмом [3, с. 167–168; 5, с. 221]. Сахель в силу своего «промежуточного» расположения остаётся открытым для проникновения и укоренения всё новых и новых боевиков. С севера он граничит с Ливией, а с юга – с Нигерией, уже не первый год страдающей от деятельности организации «Боко харам»¹. Радикальные элементы могут легко перемещаться между странами, а также участвовать во всевозможной преступной деятельности: контрабанде, похищениях и продаже людей, наркотрафике [1, с. 62].

Центральному правительству в Мали противостоят 2 группировки: Исламское государство Сахары и «Аль-Каида Исламского Магриба» (АКИМ). Первая – наднациональное движение, целью которого является строительство «халифата», вторую группу можно охарактеризовать как этно-исламистскую, с исламистской идеологией и национальной компонентой [10, с. 207].

В последние годы страны Западной Африки и Мали в частности стали центром притяжения исламистских сил и представителей трансграничной преступности. Активная фаза внедрения исламистских сил в северные районы Мали относится к началу 2000-х гг. В этот период здесь появились ячейки «Аль-Каиды», «Салафистская группа проповеди и джихада». В 2006 г. на территории Мали произошло слияние ячеек салафитов и «Аль-Каиды» с образованием организации «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ). Со временем АКИМ превратилась в транснациональное предприятие международной криминальной экономики, в основе деятельности которой – захват заложников, торговля наркотиками, оружием, контрабанда. Исламистские структуры сыграли решающую роль в

организации военных действий против малийской армии и вооружённом захвате основных городов на севере страны².

Заключение

Несмотря на усилия, предпринимаемые военно-политическим руководством Мали, присутствие международных контингентов и проведение контртеррористических операций, не прекращаются нападения и террористические акты сепаратистов и исламистов, фактор террористической угрозы продолжает оставаться одним из наиболее дестабилизирующих факторов в регионе. Он также оказывает существенное влияние на военную политику Мали.

В соответствии с нормативными документами основной целью военной политики Мали является обеспечение национальной безопасности и целостности государства. Вооружённые силы Мали находятся в эпицентре борьбы с терроризмом, а их основной задачей является защита территориальной целостности страны и обеспечение безопасности граждан³. Содержание военной политики Республики Мали с момента обретения независимости в 1960 г. до настоящего времени определяла совокупность взаимосвязанных факторов. Среди основных, по-прежнему сохраняющих свою актуальность, можно выделить исторический, политический, этнический факторы, а также фактор террористической угрозы. Они определяют основные направления военной политики страны: сохранение территориальной целостности страны; борьба с терроризмом; военное строительство и строительство ВС; укрепление региональ-

¹ Террористическая нигерийская исламистская организация (запрещена в России). Известна с 2002 г., когда её предводителем стал Мохаммед Юсуф.

² Независимый Азавад // РСМД : [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nezavisimyy-azavad/> (дата обращения: 02.06.2021).

³ Préserver l'intégrité du Mali et assurer la sécurité des Maliens sont autant de défis auxquels nos FAMa font face // Forces Armées Maliennes : [сайт]. URL: <https://www.fama.ml/preserver-lintegrite-du-mali-et-assurer-la-securite-des-maliens-sont-autant-de-defis-auxquels-nos-fama-font-face/> (дата обращения: 09.05.2021).

ного и международного военного сотрудничества и выстраивание взаимодействия с иностранными акторами (контингентами), действующими на территории Мали.

В условиях сохраняющейся нестабильности в Мали и регионе Сахеля

представляется, что военная политика этого государства нуждается в дальнейшем осмыслении и должна стать предметом отдельного исследования.

Дата поступления в редакцию 18.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирон Ю. С., Чихачев А. Ю. Французская операция «Бархан»: pro et contra // Мировая политика. 2018. № 4. С. 56–62.
2. Военное строительство и строительство вооружённых сил государства : учебник / под ред. П. М. Лапунова, В. И. Останкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2020. 223 с.
3. Глазова А. В., Атаев А. В., Бирюков Е. С. ИГИЛ: формула современного террора. М.: РИСИ, 2017. 292 с.
4. Гончаров В. Франция и Африка: вчера и сегодня // Международная жизнь : [сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23966> (дата обращения: 02.06.2021).
5. Лукьянов Г. Северная Африка на пути к новой архитектуре региональной безопасности // Глобальный прогноз РСМД 2019–2024 : сборник / сост. И. Н. Тимофеев, Т. А. Махмутов, А. Ю. Толстухина и др. М.: НП РСМД, 2019. С. 220–225.
6. Мезенцев С. В. Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 1. С. 3–28.
7. Халитова А. Р. Эволюция политики Франции в странах Субсахарской Африки в XXI в.: приоритеты и практика их реализации правительствами Н. Саркози и Ф. Олланда : дисс. ... канд. ист. наук. М., 2020. 222 с.
8. Bangoura D. Les armées africaines. 1960–1990. Paris, 1992. 190 p.
9. Bebler A. Military rule in Africa: Dahomey, Ghana, Sierra Leone, and Mali. New York; London: Praeger, 1973. 259 p.
10. Fürst L. Krisenstaat Mali. Was tun? // Österreichische Militärische Zeitschrift. 2021. № 2. P. 202–208.
11. Hellquist E., Sandman T. Synergies Between Military Missions in Mali // Totalförsvarets forskningsinstitut : [сайт]. URL: <http://www.foi.se/rapportsammanfattning?repoertNo=FOI-R--4915-SE> (дата обращения: 01.06.2021).
12. Tamboura A. Le conflit touareg et ses enjeux géopolitiques au Mali: Géopolitique d'une rébellion armée. Paris: Editions L'Harmattan, 2018. 252 p.

REFERENCES

1. Biron Yu. S., Chikhachev A. Yu. [France's operation Barkhane: pro et contra]. In: *Mirovaya politika* [World politics], 2018, no. 4, pp. 56–62.
2. Lapunov P. M., Ostankov V. I., eds. *Voennoe stroitel'stvo i stroitel'stvo vooruzhennykh sil gosudarstva* [Military construction and construction of the armed forces of the state]. Moscow, VAGSH VS RF Publ., 2020. 223 p.
3. Glazova A. V., Ataev A. V., Biryukov E. S. *IGIL: formula sovremennogo terrora* [ISIS: the formula for modern terror]. Moscow, RISI Publ., 2017. 292 p.
4. Goncharov V. [France and Africa: yesterday and today]. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/23966> (accessed: 06.02.2021).
5. Lukyanov G. [North Africa on the way to a new regional security architecture]. In: Timofeev I. N., Makhmutov T. A., Tolstukhina A. Yu., eds. *Globalnyi prognoz RSMD 2019–2024* [RIAC Global Forecast 2019–2024]. Moscow, NP RSMD Publ., 2019, pp. 220–225.
6. Mezentssev S. V. [Domestic and international political aspects of crisis in Mali and French military operation 'Serval']. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics], 2014, no. 1, pp. 3–28.

7. Khalitova A. R. *Evolutsiya politiki Frantsii v stranakh Subsaharskoi Afriki v XXI v.: priority i praktika ikh realizatsii pravitelstvami N. Sarkozy i F. Ollanda: diss. ... kand. ist. nauk* [The evolution of French policy in the countries of Sub-Saharan Africa in the 21st century: the priorities and practice of their implementation by the governments of N. Sarkozy and F. Hollande: PhD thesis in History of Sciences.]. Moscow, 2020. 222 p.
8. Bangoura D. *Les armées africaines. 1960–1990*. Paris, 1992. 190 p.
9. Bebler A. *Military rule in Africa: Dahomey, Ghana, Sierra Leone, and Mali*. New York; London, Praeger 1973. 259 p.
10. Fürst L. Krisenstaat Mali. Was tun? In: *Österreichische Militärische Zeitschrift*, 2021, no. 2, pp. 202–208.
11. Hellquist E., Sandman T. Synergies Between Military Missions in Mali. Available at: URL: <http://www.foi.se.rapportsammanfattning?repoertNo=FOI-R--4915--SE> (accessed: 01.06.2021).
12. Tamboura A. *Le conflit touareg et ses enjeux géopolitiques au Mali: Géopolitique d'une rébellion armée*. Paris, Editions L'Harmattan, 2018. 252 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулибали Амади Шакене – полковник Вооружённых сил Республики Мали, адъютант Военной академии Генерального штаба ВС РФ;
e-mail: Couli2018@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Amadi Shakene Kulibali – Colonel of the Armed Forces of the Republic of Mali, Adjunct of the Military Academy of the General Staff of the Russian Federations' Armed Forces;
e-mail: Couli2018@yahoo.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кулибали А. Ш. Военная политика Республики Мали: основные факторы и направления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 115–127.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-115-127

FOR CITATION

Kulibali A. Sh. Military policy of the Republic of Mali: main factors and directions. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 115–127.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-115-127

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-128-133

МОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ

Мануйлова Ю. В.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация***Аннотация****Цель.** Выявить концептуальные основы современной морской стратегии Китая.**Процедура и методы.** В качестве методов исследования используются системный подход, сравнительный и исторический анализ.**Результаты.** Морская стратегия Китая на современном этапе является воплощением новой эры социализма Си Цзиньпина с китайской спецификой. Ускорение строительства морской державы, несомненно, будет способствовать региональному развитию Китая, что приблизит страну к центру мировой арены.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Проведённое исследование даёт представление о концептуальных основах морской стратегии Китая и её современном состоянии.**Ключевые слова:** Китай, КНР, морская стратегия, военно-морской флот, экономика, торговля

CHINA'S MARITIME STRATEGY

Yu. Manuylova*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation***Abstract****Aim.** To reveal the conceptual foundations of China's modern maritime strategy.**Methodology.** Systematic approach, comparative and historical analysis are used.**Results.** China's maritime strategy at the present stage is the embodiment of a new age of Xi Jinping's socialism with Chinese characteristics. Acceleration of the construction of a sea power will undoubtedly contribute to the regional development of China, which might bring the country closer to the center of the global arena.**Research implications.** The study provides an idea of the conceptual foundations of China's maritime strategy and its current state.**Keywords:** China, PRC, maritime strategy, naval force, economy, trade**Введение**

Мировой океан, занимающий сегодня более 70% поверхности Земли, с древних времен оказывал большое влияние на формирование государств, их экономическое и политическое развитие. С усилением экономической глобализации роль Мирового океана как связующего звена в международной торговле становится всё более очевидной – более 4/5 мировой торговли осуществляется морем.

Еще в 1899 г. американский историк Альфред Т. Мэхэн в своей работе «Влияние морской силы на историю в 1660–1783 гг.»¹ писал о влиянии моря на могущество

© CC BY Мануйлова Ю. В.

¹ Mahan A.T. The Influence of Sea Power upon History. 1660–1783. Boston, 1890. 644 p.

страны. По Мэхэну, главный фактор определения силы и влияния государства в мире заключается в использовании моря и контроле над ним. Для А. Т. Мэхэна морская цивилизация, по сути, приравнивается к торговой.

Сегодня мы можем с уверенностью заявить, что Китайская Народная Республика (КНР) – морская держава, которая обладает всеми перечисленными выше факторами. Площадь морской территории, находящейся под юрисдикцией Китая, составляет около 3 млн км², а протяженность береговой линии – 18 тыс. км. Побережье КНР омывают Бохайское море с выходом в Жёлтое море, а также Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря. Это определило обширные стратегические интересы Китая в Мировом океане.

Эволюция морской стратегии Нового Китая

Центральный Комитет Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) и правительство страны всегда придавали большое значение освоению океана.

Председатель Мао Цзэдун особое место в морской стратегии Китая уделял созданию мощного военно-морского флота, развитию стратегических сил сдерживания (прежде всего, атомным подводным лодкам), защите национального суверенитета территориальных вод и борьбе с иностранной агрессией. Необходимо отметить, что в то время большее внимание уделялось военному и политическому аспектам развития и освоения Мирового океана, нежели экономическому.

В 1951 г. председатель КНР предложил идею строительства «Великой морской стены» (海上长城) [5] Нового Китая, целью которой является сдерживание империализма и гегемонизма, угрожающего Китаю на море. Великая морская стена представляла собой совокупность трёх сил государства – армии (основная сила сопротивления при высадке вражеских войск), флота (основная сила в борьбе с агрессией на море) и авиации (основная

сила при сражении с противником в воздушном пространстве и поддержке с воздуха наземных и морских операций)¹. В 1958 г. Мао Цзэдун выдвинул идею строительства «Морской железной дороги» (海上铁路) [6], которая должна была соединить Китай с миром по морю. Строительство «Великой морской стены» и «Морской железной дороги» должно было гарантировать целостность национального суверенитета и неприкосновенность морских прав и интересов КНР.

В 70-е годы XX в. в международной среде произошли серьёзные изменения, начался период разрядки международной напряжённости. В соответствии с изменениями международной среды стратегия Китая, в т. ч. морская, подверглась соответствующим коррективам. В 1978 г. на 3-м пленуме ЦК 11-го созыва КПК было принято решение встать на путь социалистического развития и модернизации; были сформулированы задачи реформ и открытости². По мере реализации реформ были сделаны большие прорывы – создание особых экономических зон дало новую идею открытости для внешнего мира, которая заключалась в открытии КНР миру через океан. Проблема территориальных споров также находилась в фокусе внимания внешней политики КНР. В 1979 г. Дэн Сяопин предложил новую модель мирного решения конфликтов в море – «отложить споры и заниматься совместным освоением» (搁置争议, 共同开发)³. Данная модель стала основой политики при решении территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях [3].

¹ 卢文华. 周恩来与新中国国防现代化建设 // 中国共产党新闻网: [сайт]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64172/85037/85038/6827983.html> (дата обращения: 12.04.2021).

² 第八章 十一届三中全会开辟社会主义事业发展新时期 // 中华人民共和国中央人民政府: [сайт]. URL: http://www.gov.cn/18da/content_2247075.htm (дата обращения: 10.04.2021).

³ “搁置争议, 共同开发” // 中华人民共和国外交部: [сайт]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/t8958.shtml (дата обращения: 10.04.2021).

В отличие от практического взгляда Мао Цзэдуна на Мировой океан, Дэн Сяопин рассматривал океан с точки зрения реформ, открытости и экономического роста. По мнению Дэн Сяопина, океан – это транспортная магистраль, связывающая страны по всему миру в целях содействия мировому экономическому развитию [4].

Вектор развития, заданный Дэн Сяопином, когда с верфей начали сходиться прежде всего контейнеровозы, необходимые для транспортировки экспортных товаров, с успехом реализуется и в настоящее время. Модернизировались порты, строились новые современные судовой верфи, грузоперевалочные причалы, наращивались с каждым годом темпы и объёмы строительства. В конце прошлого века, после применения передового опыта Южной Кореи и Японии, пальма судостроительного первенства перешла к Китаю. Правительство КНР, расширив инвестиционную политику, создало предпосылки для бурного развития военного и гражданского флотов и морской инфраструктуры, благодаря которой сегодня более 45% кораблей всех классов в мире, включая много-тоннажные контейнеровозы, танкеры и пассажирские лайнеры, строятся в Китае. Военно-морская доктрина также реализуется строительством кораблей всех классов, включая авианесущие корабли и стратегические атомные подводные лодки.

Значение морской стратегии во внешней политике Китая в XXI в.

В XXI в. начинается период стратегических возможностей развития Китая в морской среде. Правительство КНР подготовило серию программных актов по развитию морской среды. Одним из первых подобных документов на рубеже XX–XXI вв. была опубликованная в 1996 г. Государственным океанологическим управлением «Повестка дня Китая по морям и океанам на XXI век» (中国海洋21世纪议程¹), которая сегодня исполь-

зуется в качестве политического руководства для устойчивого развития Мирового океана. В повестке была сформулирована стратегия развития морского хозяйства Китая, которая нацелена на защиту морских прав и интересов страны, рациональное освоение, использование и охрану Мирового океана и ресурсов. Также важным аспектом повестки КНР является заявление об активном участии в международном сотрудничестве в морской сфере, поддержании нового международного морского порядка, содействии международному и региональному миру и безопасности.

Важно отметить, что основным источником, определяющим стратегию КНР по различным ключевым вопросам как внутренней, так и внешней политики в долгосрочной перспективе, является так называемая Белая книга (白皮书). Так, в мае 1998 г. Государственный совет КНР опубликовал Белую книгу под названием «Развитие морского хозяйства в Китае» (中国海洋事业的发展²), в которой отражены основные задачи стратегии долгосрочного развития морского хозяйства и управления им: защита морских прав и интересов страны, рациональное использование и освоение морских ресурсов, охрана морской среды, а также расширение международного сотрудничества в морской сфере.

С 1996 по 2010 гг. с интервалом в 2 или 4 года было опубликовано 8 Белых книг по национальной обороне Китая (中国的国防), в которых лейтмотивом проходит необходимость защиты безопасности, суверенитета над территориальным морем, морских прав и интересов государства, морских границ. В Белой книге от 2002³,

hdbhf/2009-10/31/content_1525058.htm (дата обращения: 06.04.2021).

² 中国海洋事业的发展 // 中华人民共和国中央人民政府: [сайт]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2005-05/26/content_2615749.htm (дата обращения: 30.03.2021).

³ 2002年中国的国防 // 中华人民共和国中央人民政府: [сайт]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2005-05/26/content_2615722.htm (дата обращения: 01.04.2021).

¹ 中国海洋21世纪议程 // 全国人民代表大会: [сайт]. URL: <http://www.npc.gov.cn/zgrdw/huiyi/lfzt/>

2004¹ и 2010 гг.² приоритетное направление отдаётся модернизации вооружённых сил КНР, в т. ч. военно-морских (ВМС), главной задачей которых считается отражение агрессии на море, а также обеспечение национальной безопасности КНР и безопасности судоходства. Белая книга от 2010 г. отмечает появление новых угроз безопасности, например, в морской сфере, где всё более заметным становится пиратство. Также актуальным является решение территориальных и морских споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях и Тайваньском проливе.

На XVIII съезде Коммунистической партии Китая в 2012 г. председатель КНР Ху Цзиньтао выступил с отчётным докладом съезду, в котором отметил, что КНР «предстоит повышать возможности в освоении морских ресурсов, развивать морское хозяйство, охранять морскую экосферу, твёрдо оберегать морские права и интересы, создавать морскую державу»³. Таким образом, Ху Цзиньтао предложил стратегический план по созданию морской державы, что подняло развитие морской индустрии на более высокий стратегический уровень.

В 2013 г. Си Цзиньпин возглавил пятое поколение руководителей Китая, что ознаменовало начало новой эпохи в китайской дипломатии. Генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин неоднократно подчёркивал в своих выступлениях, что создание морской державы является важной составляющей социализма с китайской спецификой⁴, т. к. это имеет большое

значение для содействия устойчивому экономическому развитию, защиты национального суверенитета, безопасности и интересов страны, а также для реализации «китайской мечты» – великого возрождения китайской нации. Всё это, несомненно, продвинет Китай из региональной державы в глобальную, поможет приблизиться к центру мировой арены.

Практической формой идей Си Цзиньпина о создании морской державы стала реализация инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП), которая подразумевает строительство 2 проектов – Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП) и Морской Шёлковый путь XXI в. (МШП). Даная инициатива была впервые предложена председателем в сентябре 2013 г. во время его официальных визитов в страны Центральной и Юго-Восточной Азии и сразу нашла отклик в мировом сообществе. ОПОП напрямую связана с реализацией интересов Китая в рамках политики открытости внешнему миру, в число которых входит укрепление всеобъемлющего и взаимовыгодного экономического сотрудничества, расширение сфер регионального партнерства и взаимодействия со странами Азии, Европы и Африки, в т. ч. на море – от прибрежных портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и до южной части Тихого океана. Тем самым проект направлен на объединение торговых путей Евразии на суше и на море с Востока на Запад и содействует взаимосвязанности промышленности и инфраструктуры, свободному передвижению капитала и товаров. Так, благодаря ОПОП создаётся новое мощное поле в мировой экономике и политике.

В 2015 г. была опубликована Белая книга «Военная стратегия Китая» (中国的军事战略⁵), в которой подчёркивает-

¹ 2004年中国的国防 // 中华人民共和国中央人民政府: [сайт]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2005-05/27/content_2615731.htm (дата обращения: 30.03.2021).

² 2010年中国的国防 // 中华人民共和国中央人民政府: [сайт]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2011-03/31/content_2618567.htm (дата обращения: 10.04.2021).

³ 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告 // 中华人民共和国中央人民政府: [сайт]. URL: http://www.gov.cn/lhdh/2012-11/17/content_2268826.htm (дата обращения: 10.04.2021).

⁴ 习近平: 要进一步关心海洋、认识海洋、经略海洋 // 中华人民共和国中央人民政府: [сайт]. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2013-07/31/content_2459009.htm (дата обращения: 12.04.2021).

⁵ 中国的军事战略 // 中华人民共和国中央人民政府: [сайт]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm (дата обращения: 04.04.2021).

ся необходимость управления морским океаном для сохранения и расширения морской мощи страны, а также для её долгосрочного стабильного и устойчивого развития. В документе также описаны шаги по строительству морской державы:

1. создание и развитие современных военно-морских сил;
2. защита суверенитета и законных морских прав и интересов, в т. ч. за рубежом;
3. защита стратегических транзитных путей;
4. активное участие в международном морском сотрудничестве.

В начале строительства морской державы, объявленной Си Цзиньпином в 2015 г., в составе ВМС Китая было 255 боевых кораблей¹. Сегодня же КНР имеет самый большой в мире флот, строит современные надводные боевые корабли, подводные лодки, авианосцы, палубные истребители. В военно-морских силах Китая сегодня числится 350 кораблей и подводных лодок, что почти в 1,5 раза превышает предыдущий показатель, а также 130 надводных кораблей². Более того, по мнению американских военно-морских экспертов, при сохранении устойчивого роста строительства ВМС у Китая в ближайшие годы будет насчитываться 400 военных кораблей³. Если говорить о гражданском судостроении КНР, то на 2015 г. численность его флота составляла 3 941 судов, а в 2020 г. – 6 869, т. е. тоннаж построенных судов почти в 2 раза превышает результат пятилетней давности [1; 2]. Становится очевидным, что глобальные экономические интере-

сы Китая, главным образом, в рамках ОПОП, подкрепляются и гарантируются его военной мощью, основу которой составляет военно-морской флот. Это подтвердил и XIX съезд Коммунистической партии Китая в 2017 г., где председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что «важно продолжать осуществлять единое планирование экономического развития на суше и на море, форсировать создание морской державы»⁴.

В 2019 г. была издана десятая по счёту Белая книга по национальной обороне Китая – «Национальная оборона Китая в новую эпоху» (新时代的中国国防⁵). В документе делается акцент на необходимости решительно реагировать на угрозы и нарушения безопасности на море, что является ответом на неоднократные нарушения суверенитета и территориальной целостности КНР в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также в Тайваньском проливе со стороны стран-соседей и активизацию морской деятельности Соединённых Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе.

Заключение

На основании проведённого анализа официальных документов по морской политике КНР можно выделить несколько основных направлений деятельности:

1. защиту морских прав и интересов, включающих экономическое развитие, суверенитета и территориальной целостности;
2. развитие и модернизацию военно-морских сил КНР для обеспечения национальной безопасности, сдерживания иностранной агрессии на море;
3. урегулирование территориальных споров в Тайваньском проливе и Южно-

¹ 美专家鼓吹：中国将拥有400艘军舰 美海军实力却在减少 // 新华网: [сайт]. URL: http://www.xinhuanet.com/mil/2021-04/07/c_1211100989.htm (дата обращения: 07.04.2021).

² 【时事军事】中共海军肚子大 美国海军拳头大 // 大纪元新闻网: [сайт]. URL: <https://www.epochtimes.com/gb/21/3/19/n12822699.htm> (дата обращения: 07.04.2021).

³ 美专家鼓吹：中国将拥有400艘军舰 美海军实力却在减少 // 新华网: [сайт]. URL: http://www.xinhuanet.com/mil/2021-04/07/c_1211100989.htm (дата обращения: 07.04.2021).

⁴ 习近平在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 // 人民网: [сайт]. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1028/c64094-29613660.html> (дата обращения: 03.04.2021).

⁵ 新时代的中国国防 // 中华人民共和国中央人民政府: [сайт]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (дата обращения: 03.04.2021).

Китайском и Восточно-Китайском морях посредством диалога и мирных переговоров во избежание военной эскалации конфликтов.

Морская стратегия Китая на современном этапе является воплощением новой эры социализма Си Цзиньпина с

китайской спецификой. Ускорение строительства морской державы, несомненно, будет способствовать региональному развитию Китая, что приблизит страну к центру мировой арены.

Дата поступления в редакцию 27.04.2021

REFERENCES

1. Review of Maritime Transport 2015. Available at: URL: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2015_en.pdf (accessed: 04.07.2021).
2. Review of Maritime Transport 2020 Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2020_en.pdf (accessed: 04.07.2021).
3. 张平:《钓鱼岛风云》,北京:国际文化出版公司 1999 年版,第 158–159 页。
4. 毛泽东、邓小平和习近平的海洋战略思想初探 // Journal of Boundary and Ocean Studies, 2018, no. 3, pp. 5–17.
5. 盛清才. 毛泽东海洋战略思想与实践研究 // 前沿 (Forward Position), 2014, no. 7, pp. 7–10.
6. 陆儒德. 毛泽东的海洋强国路 [M]. 北京:海洋出版社, 2015. 532 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мануйлова Юлия Владимировна – аспирант кафедры глобалистики факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: yuliamanuilova1@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Julia V. Manuylova – Postgraduate Student, Department of Globalistics, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: yuliamanuilova1@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мануйлова Ю. В. Морская стратегия Китая // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 128–133.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-128-133

FOR CITATION

Manuylova Yu. V. China's maritime strategy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 128–133.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-128-133

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-134-141

АКТУАЛЬНОСТЬ ГОЛЛИЗМА В XXI ВЕКЕ. АНАЛИЗ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ПРЕЗИДЕНТОВ Ж. ШИРАКА И Н. САРКОЗИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ЮЖНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Афоньшина А. И.*Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать одну из основных политических традиций Франции – голлизм; в частности, актуальность голлизма в постбиполярном мире.

Процедура и методы. Анализ проводится на примере внешнеполитической стратегии Ж. Ширака и Н. Саркози на Ближнем Востоке и в Северной Африке – регионе традиционно важном для французской политической мысли. Также представлен краткий обзор внешней политики нынешнего президента Э. Макрона в целях выявления в его внешнеполитическом курсе в данном регионе обращения к голлистской традиции.

Результаты. Подводя итоги, можно сделать вывод об актуальности основной идеи голлизма – «величия Франции», а также принципа прагматизма при реализации внешней политики в той ситуации, когда президент и его команда не причисляют себя к голлистам.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение современной политической истории Франции.

Ключевые слова: внешняя политика, Ближний Восток, Южное Средиземноморье, Франция, неоголизм, Жак Ширак, Николя Саркози

RELEVANCE OF GAULLISM IN 21ST CENTURY. THE ANALYSIS OF EXTERNAL POLICY OF PRESIDENTS JACQUES CHIRAC AND NIKOLAS SARKOZY IN THE MIDDLE EAST AND SOUTH MEDITERRANEAN

A. Afonshina*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
prosp. Gagarina 23, Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze one of the main political traditions of France – Gaullism, in particular the relevance of Gaullism in the post-bipolar world.

Methodology. The analysis is based on the example of the foreign policy strategy of Jacques Chirac and Nicolas Sarkozy in the Middle East and North Africa, a region traditionally important for French political thought. The paper also presents a brief overview of the foreign policy of the current president Emmanuel Macron in order to identify an appeal to the Gaullist tradition in his foreign policy in this region.

Results. We can conclude that the main idea of Gaullism – the idea of the grandeur of France as well as the principle of pragmatism in the framework of the external policy realization is relevant even if the president and his cabinet don't present themselves as Gaullists.

Research implications. The results of the research contribute to the study of the contemporary political history of France.

Keywords: external policy, Middle East, South Mediterranean, France, neogaullism, Jacques Chirac, Nicolas Sarkozy

Введение

Политическая традиция голлизма является одной из ключевых в истории Пятой республики. Заложенный Ш. де Голлем и основанный на идеях реализма и прагматизма, на протяжении всей второй половины XX в., голлизм, позднее трансформировавшийся в неоголлизм, доказывал свою релевантность, когда дело касалось актуальных вопросов внешней политики. С течением времени голлизм преобразовался в неоголлизм, когда в Елисейский дворец после социалиста Миттерана пришёл Ж. Ширак.

Начиная с 1995 г. и до 2012 г. (окончания президентских полномочий Н. Саркози) внешней политикой Франции управляли голлисты. Стоит отметить, что согласно Конституции Пятой республики¹, внешнеполитические решения во Франции в основном принимаются именно президентом и его администрацией, поэтому даже несмотря на «сожительство» президента-голлиста Ж. Ширака с социалистами, основная часть внешнеполитических решений принималась не премьер-министром, а президентом, отвечавшим за выстраивание двусторонних отношений.

Данная статья посвящена внешнеполитическому курсу неоголлистов на Ближнем Востоке и в Северной Африке (или в Южном Средиземноморье, как часто указывается во французских источниках); регионе, с которым политические связи Французской республики исторически сильны. Данное направление всегда являлось одним из приоритет-

ных для Парижа, учитывая, что большая часть указанной территории долгое время находилась под французским протекторатом (Тунис, часть Марокко) либо мандатом как Ливан и Сирия, а до 1962 г. Алжир входил в состав Франции в качестве её заморской провинции. Более того, нельзя не отметить, что голлисты и неоголлисты в своей внешней политике всегда особо отмечали данное направление и были известны своим «арабским вектором» в развитии отношений со странами региона, а Ж. Ширак при вступлении в должность президента объявил о «возвращении на Ближний Восток»².

Политические традиции Франции

Для того, чтобы ответить на вопрос об актуальности неоголлизма для решения внешнеполитических вопросов XXI в. и проблем постбиполярного мира, прежде всего, стоит описать, что понимается под неоголлизмом. Так как голлизм и неоголлизм не являются чёткими идеологиями, можно говорить, скорее, о политической концепции или традиции, системе взглядов и внешнеполитической практики президентов, включающей в себя:

1) приверженность идее «величия» Франции (*grandeur de la France*), подразумевающего, что Пятая республика является одной из великих держав, и отстаивание её особой роли на международной арене;

2) доминирующую роль президента в формулировании внутривнутриполитического и внешнеполитического курса;

¹ Полный текст Конституции 1958 года с изменениями, внесёнными 23 июля 2008 года // Conseil constitutionnel : [сайт]. URL: http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf. (дата обращения: 21.05.21).

² Discours de M. Jacques Chirac, Président de la République, sur la coopération culturelle, économique et technologique avec l’Egypte, sur la politique arabe de la France, sur la consolidation de la paix, et le développement économique du Proche-Orient, Le Caire, 8.04.1996 // Vie-publique : [сайт]. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/967005600.html> (дата обращения: 25.06.18).

3) прагматизм при выработке и реализации внутренней и внешней политики;

4) приверженность проведению независимой внешней политики (насколько это возможно в современной системе международных отношений, где все акторы взаимосвязаны);

5) поддержку многополярной системы международных отношений, где Франция выступает влиятельным «полюсом силы»;

6) реализацию внешнеполитических решений путём сотрудничества в наднациональных институтах [6].

Внешнеполитическая практика неоголлистов

Если говорить о внешнеполитических шагах президентов в указанный период, то можно разделить два президентских срока Ж. Ширака (1995–2007) и один президентский срок Н. Саркози (2007–2012) на 4 этапа, которые помогут проанализировать успешность принимаемых президентами решений с точки зрения неоголлизма, а также ответить, насколько внешнеполитическая стратегия неоголлизма соответствует современным реалиям.

К первому этапу следует отнести начало президентских полномочий Ж. Ширака (май 1995 – май 1997), когда Елисейский дворец активно продвигал лозунг «возвращение Франции на Ближний Восток» путём многочисленных поездок по странам Ближнего Востока, Магриба для налаживания двусторонних отношений с ключевыми странами региона [9]. Более того, Париж ещё раз подтвердил свою проарабскую позицию в арабо-израильском конфликте. Данные шаги соответствовали одному из ключевых принципов голлизма – возвращению «величия» Франции и усиление влияния страны, как в рассматриваемом регионе, так и на международной арене в целом.

Второй этап, на наш взгляд, относится к периоду с мая 1997 г. по май 2002 г. (т. е. до конца первого президентского

срока Ж. Ширака). Партия голлистов, поддерживаемая президентом, проигрывает выборы в Парламент, и, согласно французской политической системе, премьер-министр должен быть членом выигравшей партии. В тот год это были социалисты, а премьер-министром «сожителем» (французский термин «cohabitation») с президентом был социалист Л. Жоспен. И даже, несмотря на тот факт, что, согласно политической традиции Франции, внешняя политика является преимущественно президентской сферой, премьер-министр имеет значительное влияние в данной области. Стоит отметить, что различия между голлистами и социалистами в проведении внешнеполитического курса состоят в том, что голлисты, исходя из принципа прагматизма при налаживании двусторонних отношений, часто пренебрегают вопросами демократизации и соблюдения прав человека. Данные различия, а вследствие и критика режимов в Тунисе, Алжире, Марокко и Египте, заметно усложняли выстраивание плодотворных двусторонних отношений с этими странами [10].

Следующий этап (2002 – конец 2010 гг.) ознаменовался новым президентским сроком Ж. Ширака, в течение которого ему не пришлось идти на компромиссы с премьер-министром-социалистом. В данный этап было включено также и начало пребывания Н. Саркози в Елисейском дворце, т. к. несмотря на декларируемый атлантизм, президент также придерживался принципов прагматизма при выработке политического курса и старался укрепить позиции Франции в регионе путём выстраивания не только двусторонних отношений, но и используя международные институты, в которых Париж выступает одним из ключевых игроков. Примером реализации данного принципа может служить выдвинутая идея Союза для Средиземноморья, предполагавшая создание на базе Барселонского процесса организа-

ции, способной «объединить» два берега Средиземного моря для плодотворного сотрудничества [1]. Предполагалось, что этот проект станет одним из ключевых во внешней политике Франции в рассматриваемом регионе и позволит вернуть былое «величие»¹, однако его реализация была далеко не самой успешной, и по прошествии почти 15 лет можно сказать, что проект практически заморожен. Что же касается развития двусторонних отношений в рассматриваемый период, то Франция выстраивала достаточно продуктивные отношения как с традиционными партнёрами, такими, как Египет, Тунис, Марокко, страны Персидского залива; участвовала в очередном урегулировании арабо-израильского кризиса (план Мубарака-Саркози), а также старалась вовлечь в процесс международного сотрудничества Ливию и Сирию, которые имеют достаточно сложное положение на международной арене [2]. Можно заключить, что данный этап характеризуется успешным воплощением идей неоголлизма.

Заключительный этап с 2011 г. по май 2012 г. (до конца президентских полномочий Н. Саркози) отражает необходимость трансформации политической традиции неоголлизма. Неоголлисты для реализации идеи «величия» Франции и усиления влияния в регионе ставили на первый план вопросы развития двусторонних отношений со странами региона, вследствие чего, как уже отмечалось, не уделяли должного внимания вопросам демократизации ближневосточных и

североафриканских режимов, тесно сотрудничая с Б. Али в Тунисе, Х. Мубараком в Египте и даже принимая в Париже лидера Ливийского государства М. Каддафи. В результате с началом событий «арабской весны» Н. Саркози и советники Елисейского дворца не смогли адекватно среагировать и оценить серьёзность происходивших в арабском мире изменений [11]. И вместо независимой и самостоятельной политики неоголлистов, президент и его кабинет министров принимали позицию своих союзников по НАТО и ЕС. Таким образом, позиция Франции успела кардинально поменяться всего за несколько месяцев – от поддержки президента Туниса Б. Али до поддержки протестующих в Тунисе и Египте и участия в военной операции международной коалиции в Ливии [5].

В итоге события, развернувшиеся на заключительном этапе рассматриваемого периода, показали необходимость определённой трансформации неоголистского внешнеполитического курса и системы принятия решений в целом. Несмотря на представление о «величии» Франции и её «исключительной роли» на международной арене, неоголистам следовало признать актуальность более тесного и более равноправного сотрудничества в рамках международных институтов и организаций [3]. Ограниченное влияние Франции на события в регионе и на участников региональных конфликтов в период 1995–2012 гг. очевидно. Именно поэтому работа в рамках Европейского Союза и представление консолидированной позиции стран Европы может быть более эффективной, чем выстраивание внешней политики, часто построенной на личных доверительных двусторонних отношениях [8].

Более того, как уже стало заметно во время событий «Арабской весны», был необходим более конструктивный, более коллегиальный и более сбалансированный подход к процессу принятия внешнеполитических решений, который бы

¹ Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur les relations franco-marocaines et sur le projet d'Union méditerranéenne, à Tanger le 23 octobre 2007 // Vie-publique : [сайт]. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/077003251.html> (дата обращения: 27.01.18); Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, notamment sur les relations franco-égyptiennes, la situation au Liban, le conflit israélo-palestinien et sur le projet d'Union de la Méditerranée, au Caire le 30 décembre 2007 // Vie-publique : [сайт]. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/087000010.html> (дата обращения: 18.07.2018).

способствовал диверсификации мнений, а не концентрировался бы только на дебатах внутри кабинетов Елисейского дворца. Учитывая сложность и подвижность элементов системы международных отношений и существования не только государственных акторов, влияющих на процессы, данные изменения были необходимы для разработки эффективного внешнеполитического курса и адекватной оценки меняющейся ситуации.

Голлизм в современной внешней политике

Несмотря на то, что после 2012 г. и до настоящего момента (следующие выборы во Франции намечены на май 2022 г.) президентское кресло не занимал приверженец голлистской политической традиции, нельзя не отметить, что ключевые идеи неоголлизма часто используются и действующим президентом Э. Макроном, хотя он не причисляет себя ни к одной из двух основных партий во Франции (ни к голлистам, ни к социалистам). Даже во время своей предвыборной кампании нынешний президент давал отсылки к голлистской внешнеполитической традиции. Вступив в должность президента, Э. Макрон дал ещё одну отсылку к временам пребывания у власти во Франции неоголистов, заявив о «возвращении на восток», говоря о своих планах касательно региона Ближнего Востока и Южного Средиземноморья.

Делая краткий обзор внешнеполитических шагов президента в рассматриваемом регионе, стоит отметить, что некоторые черты политической традиции голлизма определённо просматриваются. Во-первых, на контрасте с Ф. Олландом, Э. Макрон проводит политику достаточно частых визитов в страны региона, установления личных контактов с лидерами государств для улучшения как политических, так и экономических двусторонних отношений [7]. Буквально спустя несколько месяцев после начала президентских полномочий, Макрон совершил

визиты в Марокко, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Алжир, Тунис, Катар, принял в Париже лидеров Египта, Ливана, Израиля, Палестинской Автономии, Турции.

К сожалению, если говорить о результатах данных действий, нельзя назвать их впечатляющими. В Ливане Франция не является ключевым игроком на политической арене. Что же касается Сирии и Ирака, несмотря на провозглашение целью своей ближневосточной политики борьбу с терроризмом, экстремизмом и исламизмом и участие в решении кризиса в Сирии, Франция не смогла добиться значительных результатов или стать одним из центров силы, как, например, Россия или США, несмотря на попытки инициировать создание новой «контактной группы» по Сирии, которую можно было бы противопоставить «астанинскому процессу», запущенной Россией, Ираном и Турцией. В военной операции против террористов Париж остаётся «первым среди вторых», уступая лидерство Вашингтону [4].

В Ираке Франция старается использовать свою экономическую мощь, предлагая кредит в размере 430 млн евро для восстановления экономики после войны, однако и здесь Парижу не удаётся проводить самостоятельную политику, т. к. Вашингтон не планирует отказываться от лидерства в вопросах послевоенного устройства Ирака, несмотря на то, что иракское руководство расположено к европейцам, которых представляет Париж.

Затрагивая ещё одну серьёзную проблему региона – соглашение с Ираном, расторгнутое США в 2018 г., – следует отметить, что, несмотря на значительные интересы французских компаний в Иране и активное проникновение французских гигантов (Тоталь, группа Пежо-Ситроен) на иранский рынок, Э. Макрон не смог повлиять на своих американских коллег, и на Иран были наложены дополнительные американские санкции, в результате которых французским компаниям также пришлось ограничить свои

контакты с Тегераном, чтобы не попадать под санкции.

Если говорить о проблемах Южного Средиземноморья, то нельзя не отметить попытки французского президента выступить арбитром в конфликте в Ливии. Французская дипломатия организовала встречу председателя Правительства национального единства Ливии Ф. Сарраджем и главнокомандующим Ливийской национальной армии маршалом Х. Хафтаром. Попытки выступить миротворцем и укрепить статус Франции в Ливии и в регионе в целом не привели к должному успеху и прекращению конфликта в стране.

Заключение

Подводя итоги политики неоголлистов в рассматриваемом регионе и давая оценку актуальности данной политической традиции в современном мире, следует отметить, что голлизм не явля-

ется чётким набором правил, которые должны быть исполнены при принятии решения; скорее, он является общим пониманием вектора развития политики государства и видения роли Франции как ключевого игрока на международной арене в современном меняющемся мире. Этим обуславливается гибкость голлизма, политической традиции, готовой к трансформации. Как можно заметить на современном этапе развития внешней политики Франции, нынешний президент, не причисляя себя к голлистам, активно использует некоторые идеи, присущие его предшественникам-неоголлистам: активная вовлечённость в международные дела, налаживание двусторонних отношений путём частых визитов в государства региона и т. д., не забывая говорить о «величии Франции» и её «исключительной роли в международных делах».

Дата поступления в редакцию 12.07.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Афоньшина А. И., Корнилов А. А. Союз для Средиземноморья: масштабные планы и сложная политическая реальность // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 1. С. 199–203.
2. Бородин М. Ю. Особенности внешней политики Франции в отношении исламских государств Ближнего Востока и Северной Африки в 2007–2012 гг. // Ислам в современном мире. 2016. № 12 (3). С. 253–266.
3. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / отв. ред. В. Г. Барановский, В. В. Наумкин. М.: Институт Востоковедения РАН, 2018. 556 с.
4. Зуева К., Тимофеев П. Внешняя политика Президента Франции Э. Макрона: прагматизм под маской атлантизма? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 12. С. 83–91.
5. Кривенкова О. В. Франко-ливийские отношения в период президентства Н. Саркози // Французский ежегодник. 2017. Т. 217. С. 275–296.
6. Корнилов А. А., Афоньшина А. И. Голлизм и неоголизм: преемственность и динамика внешнеполитической стратегии Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 256–263.
7. Узунова Н. Ю. Политика Франции на Ближнем и Среднем Востоке: в поисках утраченного величия // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 1 (52). С. 78–97.
8. Alex E. Regionalization and Globalization in the Modern World Economy: Perspectives on the Third World and Transitional Economies (Routledge Studies in Development Economics). London: Routledge, 2018. 386 p. DOI:10.4324/9780203064085
9. Bensoussan D. La politique française au Moyen-Orient [Электронный ресурс] // Les éditions du Lys. URL: http://www.editionsdulys.com/uploads/3/8/9/9/3899427/moyen-orient_25_-_la_politique_francaise_au_moyen_orient.pdf (дата обращения: 21.05.2021).
10. Malbrunot G. Contradictions françaises au Moyen-Orient // Politique étrangère. 2016. № 2. P. 75–85.
11. Meunier S. La politique étrangère de Nicolas Sarkozy. Rupture de fond ou de style? // De Maillard J., Sural Y. *Politiques publiques 3: Les politiques publiques sous Sarkozy (Sciences Po Gouvernances)*. Paris: Presses de Sciences Po, 2012. P. 133–151.

REFERENCES

1. Afonshina A. I., Kornilov A. A. [Union for the Mediterranean: ambitious plans and complex political reality]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Herald of Omsk University. Series: Historical Sciences], 2018, no. 1, pp. 199–203.
2. Borodina M. Iu. [Features of France's foreign policy towards Islamic states of the Middle East and North Africa in 2007–2012.]. In: *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world], 2016, no. 12 (3), pp. 253–266.
3. Baranovsky V. G., Naumkin V. V., eds. *Blizhnii Vostok v menyayushchemsya globalnom kontekste* [The Middle East in the Changing Global Context]. Moscow, Institut Vostokovedeniya RAN Publ., 2018. 556 p.
4. Zueva K., Timofeev P. [Foreign policy of the President of France E. Macron: pragmatism behind the mask of Atlanticism?]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2018, no. 12, pp. 83–91.
5. Krivenkova O. V. [Franco-Libyan relations during the presidency of Nicolas Sarkozy]. In: *Frantsuzskii ezhegodnik* [Annual of French studies], 2017, vol. 217, pp. 275–296.
6. Kornilov A. A., Afonshina A. I. [Gaullism and Neogaullism: Foreign Policy Continuity and Dynamics in France]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], 2019, vol. 19, no. 2, pp. 256–263.
7. Uzunova N. Yu. [France's Middle Eastern Policy: Searching for the Lost Grandeur]. In: *Problemy nationalnoi strategii* [National Strategy Issues], 2019, no. 1 (52), pp. 78–97.
8. Alex E. *Regionalization and Globalization in the Modern World Economy: Perspectives on the Third World and Transitional Economies* (Routledge Studies in Development Economics). London, Routledge, 2018. 386 p. DOI:10.4324/9780203064085
9. Bensoussan D. La politique française au Moyen-Orient. In: *Les éditions du Lys*. Available at: http://www.editionsdulys.com/uploads/3/8/9/9/3899427/moyen-orient_25_-la_politique_francaise_au_moyen_orient.pdf (accessed: 21.05.2021).
10. Malbrunot G. Contradictions françaises au Moyen-Orient. In: *Politique étrangère*, 2016, no. 2, pp. 75–85.
11. Meunier S. La politique étrangère de Nicolas Sarkozy. Rupture de fond ou de style? In: De Maillard J., Surel Y. *Politiques publiques 3: Les politiques publiques sous Sarkozy (Sciences Po Gouvernances)*. Paris, Presses de Sciences Po, 2012, pp. 133–151.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Афоньшина Александра Ильинична – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры иностранных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;
e-mail: Aleksandra.inbox@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandra I. Afonshina – Cand. Sci. (Historical), Lecturer, Department of Foreign Languages and Cultural Linguistics, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
e-mail: Aleksandra.inbox@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Афоньшина А. И. Актуальность голлизма в XXI веке. Анализ внешнеполитического курса президентов Ж. Ширака и Н. Саркози на Ближнем Востоке и Южном Средиземноморье // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 134–141.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-134-141

FOR CITATION

Afonshina A. I. Relevance of Gaullism in 21st century. The analysis of external policy of presidents Jacques Chirac and Nikolas Sarkozy in the Middle East and South Mediterranean. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 134–141.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-134-141

УДК 327.83

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-142-153

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ТУРЦИИ В АРКТИКЕ

Гутенев М. Ю.¹, Калфоглу Р.²

¹ Южно-Уральский Государственный университет

454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 76, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить значение научной дипломатии в достижении внешнеполитических целей Турции в Арктике.

Процедура и методы. Исследование основано на комплексном и дискурсивном анализе официальных документов, заявлений официальных государственных лиц и учёных Турции.

Результаты. Сделан вывод, что для Анкары научно-исследовательская деятельность в регионе – один из главных механизмов влияния на международное арктическое сообщество. Формируя свои научные компетенции в Арктике, Анкара планирует получить признание права на более активное участие в регионе со стороны мирового сообщества в целях дальнейшего использования потенциала Арктики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты приведённого анализа могут быть использованы для выработки целостного подхода в определении места Турции в арктическом регионе. С практической точки зрения это позволит разрабатывать прогнозы геополитических процессов в Арктике, что может быть полезным при выработке государственной политики в отношении региона.

Ключевые слова: Арктика, Турция, научная дипломатия, мягкая сила, Арктический совет

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-01287.

SCIENCE DIPLOMACY OF TURKEY IN THE ARCTIC

M. Gutenev¹, R. Kalfaoglu²

¹ South Ural State University

prosp. Lenina 76, Chelyabinsk 454080, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. To determine the importance of scientific diplomacy in achieving Turkey's foreign policy goals in the Arctic.

Methodology. The research is based on a comprehensive and discursive analysis of official documents, statements of Turkish officials and scientists.

Results. It is concluded that for Ankara, research activities in the region are one of the main mechanisms of influence on the international Arctic community. By forming its scientific competence in the Arctic, Ankara plans to receive recognition of its right to more active participation in the region from the world community in order to further use the potential of the Arctic.

Research implications. The results of this analysis can be used to develop a holistic approach to determining Turkey's place in the Arctic region. From a practical point of view, this will make it possible to develop forecasts about geopolitical processes in the Arctic, which can be useful in developing state policy towards the region.

Keywords: Arctic, Turkey, science diplomacy, soft power, Arctic Council

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 22-28-01287.

Введение

Внешняя политика Турции претерпела значительные изменения в XX в. С начала президентства Р. Т. Эрдогана на смену доктрины «стратегической глубины», предполагающей выстраивание дружественных отношений с соседями, приходит более прагматичная концепция «голубой родины», согласно которой Турции необходимо расширять своё водное пространство в Средиземном, Эгейском и Чёрном морях путём жёсткого отстаивания своих интересов на международной арене и заключения новых договоров о демаркациях границ. Всё бо́льшую активность республика проявляет и в военных операциях в Сирии, Ливии, оказывает политическую поддержку Азербайджану в противостоянии с Арменией, развёртывает военные контингенты в Сомали, Ливане, Катаре и других странах [6].

В свете ухудшения институциональных отношений с США и другими союзниками по НАТО до степени, невиданной ранее в истории трансатлантического альянса, а также понимания руководством республики того факта, что перспективы Турции вступить в Европейский союз значительно снизились, Анкара начала предпринимать попытки по улучшению отношений с Россией и Китаем, а также искать новые векторы внешней политики [9].

Турция не является циркумполярным государством, не входит в число стран-наблюдателей Арктического совета – участников Договора о Шпицбергене 1920 г., и до последнего времени она не уделяла большого внимания изучению полярных регионов. Ситуация

изменилась в 2013–2014 гг., когда турецкое руководство продемонстрировало заинтересованность в практическом изучении Арктики и Антарктики. Непосредственную инициативу в указанном вопросе проявили парламент и МИД республики, запросившие в марте 2014 г. у руководства ведущих турецких вузов, занимающихся полярными исследованиями – Стамбульского технического университета (ITU), Научного университета Анталии, Университета Пири Рейс (PRU) – отчёт о работе по обеспечению для Турции условий научной и промышленной деятельности в полярных регионах. С этого времени Анкара приступила к реализации плана по вступлению Турции в мировое полярное сообщество¹. Одним из главных инструментов реализации турецких арктических планов и укрепления своего полярного статуса стала научная дипломатия.

В XXI в. в связи с развитием теории публичной дипломатии стали популярны её новые измерения и виды [2]. Научная дипломатия, являясь одним из видов публичной дипломатии, становится одной из самых перспективных областей исследований для специалистов в области международных отношений. Так, за последние два десятилетия всё чаще стали появляться заявления учёных о том, что устаревшая классическая дипломатия хотя и необходима, но её уже недостаточно. Научная дипломатия, будучи «дипломатией новой эры», призвана дополнить существующие механизмы взаимодей-

¹ Küresel Bakışla Kutup Çağ // Kutupcagi : [сайт]. URL: <https://kutupcagi2019.antalya.edu.tr> (дата обращения: 15.03.2020).

ствия государств на международной арене [8, с. 769].

Первая фундаментальная попытка теоретического осмысления научной дипломатии была предпринята в 2009 г. в Великобритании в рамках научного совещания Американской ассоциации содействия развитию науки и Королевского общества. По итогам совещания в 2010 г. был опубликован доклад, в котором были представлены 3 измерения научной дипломатии: наука в дипломатии (*science in diplomacy*), дипломатия для науки (*diplomacy for science*) и наука для дипломатии (*science for diplomacy*). По мнению авторов доклада, научная дипломатия представляет собой современную и эффективную альтернативу классической дипломатии и источник «мягкой силы», поскольку она «обеспечивает неидеологическую среду для участия и свободного обмена идеями между людьми независимо от культурного, национального или религиозного происхождения»¹.

Итоги доклада положили начало обсуждению теории научной дипломатии, её целей и результатов. В настоящее время в исследовательской среде западных учёных доминирует подход, рассматривающий научную дипломатию исключительно как инструмент укрепления международной стабильности и поддержания мира.

В нашей работе научная дипломатия исследуется в рамках альтернативного подхода, рассматривающего научную дипломатию в качестве инструмента внешнеполитического воздействия. Научная дипломатия представляет собой преднамеренную международную деятельность государства через подконтрольные научные организации и фонды с целью укрепления взаимодействия с другими странами, оказания на них информационного

воздействия и продвижения своих интересов на международной арене [1, с. 125].

Арктика представляет собой подходящее геополитическое пространство, на котором субъекты международных отношений участвуют в мирной конкуренции за возможности её будущего освоения и использования её логистического потенциала. В связи с этим научные достижения в полярных исследованиях становятся важным инструментом легитимизации присутствия государства в регионе. Турецкое правительство, хорошо ориентируясь в современных геополитических трендах, в последнее десятилетие продуктивно применяет стратегию научной дипломатии на службе внешнеполитической деятельности.

Полярные исследования Турции

Турецкие учёные ведут исследовательскую деятельность в Арктическом регионе с начала 2000-х гг. Уже в этот период в исследовательских работах авторов начинают появляться идеи, обосновывающие необходимость присутствия республики в регионе. По мнению турецких исследователей, изменение климата в Арктике оказывает значительное воздействие на погодные явления в Турции, что может проявляться в усиливающихся штормах в Эгейском и Средиземном морях [10].

В 2013 г. бывший министр иностранных дел Турции А. Давутоглу, выступая с презентацией об изменениях в международной конъюнктуре и основных принципах внешней политики Турции перед парламентским комитетом по планированию и бюджету ВНСТ, заявил, что в скором времени «не будет региональных и международных организаций без Турции в качестве члена, наблюдателя или партнера по диалогу»². Следуя заданному тренду, первая институциональная попытка оформить полярный курс

¹ New frontiers in science diplomacy: navigating the changing balance of power [Электронный ресурс]. URL: https://royalsociety.org/~media/royal_society_content/policy/publications/2010/4294969468.pdf (дата обращения: 06.12.2021).

² İlişkilerde paradigmatik değişim devam edecek // Anadolu Agency : [сайт]. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/iliskilerde-paradigmatik-degisim-devam-edecek/202844> (дата обращения: 21.10.2021).

республики была предпринята в 2014 г. во время подписания постановления о создании в Стамбульском техническом университете (ITU) Полярного исследовательского центра (PolReC).

В 2015 г. Турция вместе с Грецией, Швейцарией, Монголией и ЕС подала заявку на получение статуса наблюдателя в Арктическом совете¹. Заявки на членство в качестве наблюдателей от этих стран были рассмотрены на заседании Арктического совета, состоявшемся в канадском Икалуите в 2015 г., но ни одна из них не была одобрена [7]. Однако уже 30 апреля 2018 г. Министерство промышленности и технологий Турции организовало симпозиум, на котором было принято решение повторно подать заявку на членство в Арктическом совете в качестве наблюдателя [5].

Турция совершила свою первую научную экспедицию в Антарктиду в 2017 г., а первая научная экспедиция в Арктическом регионе проходила с 11 по 26 июля 2019 г. при спонсорской поддержке Бизнес-банка Турции (Is Bank). Руководство и координация арктической экспедиции осуществлялись Полярным исследовательским центром Стамбульского технического университета. Во время арктической экспедиции, стартовавшей в норвежском Лонгйире на судне Анакена (Anakena), турецкие исследователи провели множество научных исследований: наблюдение и анализ морского льда в Арктике, проверка наземных измерений морского льда с помощью дистанционного зондирования, исследование качества атмосферы, взятие проб стойких органических загрязнителей, исследования микропластика. Всего за рейс было пройдено 880 морских миль к северу от 80 градусов северной широты и до границы морского льда².

¹ Arctic region briefing – The European environment state and outlook 2015 // European Environment Agency : [сайт]. URL: <https://www.eea.europa.eu/soer/2015/countries/arctic> (дата обращения: 20.08.2021).

² Kuzey Kutbuna İlk Yolculuk // Mega PLUS : [сайт].

К настоящему времени Турция всё ещё не опубликовала официальную арктическую стратегию. Главным нормативным документом, в котором представлены полярные интересы Турции, является «Национальная программа полярных исследований (2018–2022)» от 29 декабря 2017 г., разработанная Министерством науки, промышленности и технологий. Исследовательская программа посвящена Арктике и Антарктиде и должна обновляться каждые 5 лет. В основе программы лежит намерение республики «стать одной из стран-первопроходцев в мире в области полярной науки»³.

Стремление турецкой республики стать полярным лидером органично вписывается в научно-технологическую политику республики. Президент Р.Т. Эрдоган в декабре 2019 г. заявил, что республика намерена лидировать в передовых технологических инновациях: «Турция больше не будет только рынком для новых технологий, мы полны решимости производить эти технологии, распространять их по всему миру и стать страной, которая устанавливает стандарты, созданные собой»⁴. На другом выступлении 29 августа 2020 г. турецкий лидер озвучил намерение сделать республику «центром трёх континентов, глобальным производственным и технологическим центром»⁵. Арктические и антарктические исследования Турции являются катализатором развития национального

URL: <https://megaplus.com.tr/kuzey-kutbuna-ilk-yolculuk-4704> (дата обращения: 14.06.2021).

³ National Polar Science Program (2018–2022) [Электронный ресурс]. URL: https://kare.mam.tubitak.gov.tr/sites/images/kare_mam/turkish_national_polar_science_program_2018-2022.pdf (дата обращения: 21.03.2021).

⁴ We will have a say in future technology: Turkish leader // Anadolu Agency : [сайт]. URL: <https://www.aa.com.tr/en/energy/investments/we-will-have-a-say-in-future-technology-turkish-leader/27914> (дата обращения: 17.04.2021).

⁵ Turkey determined to be production, technology center: Erdoğan // Hürriyet Daily News : [сайт]. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-determined-to-be-production-technology-center-erdogan-157803> (дата обращения: 21.07.2021).

научно-технического опыта, что, в свою очередь, в перспективе может дать возможность получения коммерческих «побочных эффектов» для республики.

Согласно Национальной программе полярных исследований арктическая политика Турции носит исключительно мирный научный характер. Основной целью участия республики в деятельности международных организаций, регулирующих изучение и освоение полярных регионов, является стремление Анкары оказать содействие мировому сообществу в минимизации последствий глобального потепления и антропогенного воздействия на экосистему региона. Несмотря на то, что Антарктиде отдаётся приоритет в планах полярных исследований Турции, арктические исследования также занимают важное место в рамках Национальной полярной научной программы. Главными целями Анкары в Арктике, в соответствии с национальной программой, являются:

- укрепление позиций Турции с точки зрения будущего арктических регионов, а также их сохранения;

- создание дорожной карты по вступлению Турции в Арктический совет;

- повышение научно-технической компетентности страны в арктических вопросах путём поощрения турецких учёных к проведению полярных исследований;

- повышение кадровой компетентности специалистов, работающих в области полярных наук, путём увеличения числа программ бакалавриата, магистратуры, докторантуры и постдокторантуры;

- получение членства в международных организациях, занимающихся полярными вопросами, и повышение эффективности сотрудничества Турции с этими организациями;

- повышение осведомлённости о глобальном изменении климата.

Для развития полярной науки турецкое правительство поддерживает обучение своих учёных за рубежом, а также

поощряет публикационную активность исследователей в журналах, перечисленных в специальном полярном перечне Научно-технического исследовательского совета Турции (TUBITAK). Содействие турецким учёным в участии в полярных конференциях, размещение их на научных полярных базах арктических стран, а также помощь в их трудоустройстве за рубежом в целях расширения доступа турецких учёных к новым полярным технологиям и экспертным знаниям являются одними из инструментов научной дипломатии Турции в арктическом регионе. Кроме того, Научно-исследовательским советом Турции в 2022 г. планируется издание полярной энциклопедии, написанной учёными и экспертами из разных отраслей знаний¹. Связано это с тем, что в турецком языке отсутствует множество понятий в области полярной тематики. Создание специальной полярной энциклопедии, содержащей основные термины, должно способствовать расширению турецких научных исследований региона в области океанологии, климатологии и метеорологии.

Органы, реализующие арктические исследования в республике

В целях обретения статуса страны-первопроходца, лидирующей в области изучения Арктики, Анкара развернула масштабную научно-исследовательскую деятельность. В реализации программы участвует большое количество турецких организаций. Консультативным органом, осуществляющим выработку направлений и задач полярных исследований, является Научно-технический исследовательский совет Турции (TUBITAK). Практическую деятельность в арктическом регионе курируют Министерство науки, промышленности и технологий, а

¹ Ulusal Kutup Bilim Programı (2018–2022). 7. İzleme Ve Değerlendirme Raporu [Электронный ресурс]. URL: https://kare.mam.tubitak.gov.tr/sites/images/kare_mam/7_ukbp_degerlendirme_raporu.pdf (дата обращения: 21.07.2021).

также Институт полярных исследований, созданный в 2019 г. для лучшей координации полярных исследований и представления интересов Турции на мировой арене. Руководителем Института полярных исследований является профессор Б. Озсой, возглавляющая также Полярный исследовательский центр в Стамбульском техническом университете.

Изучением полярных регионов в Турции занимается более 15 институтов и научно-исследовательских организаций, в т. ч. Центр морских экосистем, Университет Анкары, Университет Хаджетеппе, Университет им. Реджепа Тайипа Эрдогана, Ближневосточный технический университет, Стамбульский технический университет, Стамбульский университет, Босфорский университет, Университет Коч, Морской университет Пири Рейс, Научный университет Анталии, Университет им. Бюлента Энджевита и др.

В работе по изучению Арктики участвует турецкий филиал Ассоциации молодых полярных учёных (APECS), осуществляющий просветительскую деятельность в турецких учебных заведениях всех уровней в целях доведения до молодёжи информации о перспективности и необходимости полярных исследований в национальных интересах республики. Чтобы охватить больше детей, руководство APECS в Турции обучило более 150 преподавателей естествознания по всей стране, и около половины из них основали полярные клубы в своих школах. Во время занятий в клубе учителя строго следуют учебной программе, разработанной членами APECS Турции¹.

В 2016 г. студенты высшей школы Бильфена при поддержке Свальбардского международного университета открыли первую турецкую исследовательскую станцию на Шпицбергене. В 2019 г. чле-

ны клуба роботов Бильфена вернулись на турецкую станцию на Шпицбергене, чтобы обновить оборудование, используемое учёными с целью исследования ультрафиолетового, инфракрасного излучения, измерения общей интенсивности освещения и напряжённости магнитного поля, сбора метеорологических данных².

С 2014 г. в Турции проведено более 30 конференций, посвящённых тематике полярных исследований, учёными издано более 400 публикаций, в т. ч. около 130 монографий. При этом количество научных статей по арктической проблематике ежегодно растёт. В целях исследования Арктики и Антарктики Турцией задействованы 3 оснащённых новейшим оборудованием научных судна «Билим», «Ламас», «Эрдемли», принадлежащих Институту морских наук Ближневосточного технического университета. Благодаря использованию данных судов турецкие учёные к настоящему времени совершили 4 полярные экспедиции, открыв в 2019 г. первую научно-исследовательскую станцию в Антарктиде. Официальное информационное сопровождение полярной деятельности республики осуществляет телекомпания «ТРТ Ворлд» («TRT World»). Так, 24 сентября 2020 г. на канале состоялся показ документального фильма «Чёрный ящик планеты Земля: Антарктида»³. В целях увеличения публичной активности турецких учёных, посвящённой полярным исследованиям, крупнейший национальный электронный хостинг «Дергипарк» в 2021 г. разместил на своём сайте специальный арктический выпуск журнала по международным отношениям⁴.

² Bilfen Liseleri yeniden Kuzey Kutbu'nda // DHA : [сайт]. URL: <https://www.dha.com.tr/egitim/bilfen-liseleri-yeniden-kuzey-kutbunda/haber-1635550> (дата обращения: 01.07.2021).

³ Turkish Polar Documentary Film on TV // Tubitak : [сайт]. URL: <https://kare.mam.tubitak.gov.tr/en/news/turkish-polar-documentary-film-tv> (дата обращения: 09.07.2021).

⁴ International Journal of Politics and security // Dergi Park : [сайт]. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ijps/issue/56805> (дата обращения: 11.11.21).

¹ APECS Turkey Workshop on Education & Outreach in October // APECS : [сайт]. URL: <https://apecs.is/features/2647-apecs-funding-resources-working-group-is-looking-for-volunteers> (дата обращения: 20.03.2021).

В августе 2019 г. после завершения первой научной турецкой экспедиции в Арктику в Научном университете Анталии был организован первый международный арктический симпозиум под названием «Полярная встреча в Анталии с глобальной перспективой». Основным посылом мероприятия в Анталии стала самопрезентация Турции как государства, которое может предложить мировому сообществу инженеров, биологов, экологов, экономистов, политологов и других специалистов в арктической области, а также новейшие разработки в навигации, связи, добыче ресурсов и логистике.

Вместе с тем ключевыми темами докладов, которые обозначили намерения Турции, стали вопросы о перспективах внешней политики республики в Заполярье, курсе арктической геополитики Турции, создании турецкой научной базы на Шпицбергене, необходимости дополнения турецкой морской доктрины в условиях повышения роли Арктики, политическом взгляде на арктическое судостроительство, стратегическом сырьевом потенциале Арктики, перспективах использования СМП. Симпозиум должен был стать ежегодным мероприятием на регулярной основе с целью корректировки правительством Турции своей внешней политики, однако в связи с пандемией COVID-19 в октябре 2020 г. было принято решение о переносе второго арктического симпозиума на неопределённый срок.

В рамках «Национальной полярной научной программы на 2018–2022 гг.», в Турции ежегодно проводится «Национальный семинар по полярным наукам», на котором оцениваются научные исследования и проекты, реализуемые турецкими специалистами в полярной области, обсуждаются разработки в приоритетных направлениях и оцениваются результаты научных экспедиций. С 2020 г. проводится «Полярный фестиваль», на котором преподаватели и студенты со-

бираются вместе с учёными, занимающимися исследованиями на полюсах, и участвуют в информационных и образовательных мероприятиях, посвящённых полярным исследованиям.

Турецкие арктические приоритеты

Несмотря на отклонение заявки на членство Турции в Арктическом совете в качестве наблюдателя, обоснованное недостаточностью вклада Анкары в работу по арктической проблематике, правительство республики не отказалось от намеченных планов по научному изучению региона, ссылаясь на то, что данные исследований могут принести пользу всему человечеству. По заявлению ректора Стамбульского технического университета М. Караджа, результаты первой арктической турецкой экспедиции помогут оставить чистый мир будущим поколениям, «прольют свет на научный мир и спасут будущее нашей планеты»¹.

Более подробный анализ заявлений турецких учёных и выступлений руководителей национальных полярных проектов свидетельствует о том, что научное изучение Арктики не является единственной целью Анкары в регионе. На ежегодной дискуссионной панели морского форума в университете Коч арктическая повестка является одной из главных тем для обсуждений среди турецких учёных и специалистов в области мореходства. Во многом такой интерес экспертов к региону вызван тем фактом, что если новые арктические маршруты начнут использоваться на полную мощность, то важность Средиземного моря, Гибралтарского пролива и Суэцкого канала будет значительно снижена, и это может существенно уменьшить экономическую привлекательность турецких портов².

¹ “İlk Türk Arktik Bilimsel Seferi” gerçekleştirildi // CNN Türk : [сайт]. URL: <https://www.cnntrk.com/turkiye/ilk-turk-arktik-bilimsel-seferi-gerceklestirildi> (дата обращения: 13.07.2021).

² Koç Üniversitesi Denizcilik Forumu (KÜDENFOR) // Koç Üniversitesi: [сайт]. URL: <https://kudenfor.ku.edu.tr/dokumantasyon/> (дата обращения: 25.10.2021).

Председатель морской торговой палаты Турции (IMEAK DTO) Т. Киран в декабре 2019 г. на конференции, организованной юридическим факультетом Университета Пири Рейса (PRU), заявил, что республика должна предпринять шаги для активизации своей работы в регионе Северного Ледовитого океана, чтобы определить будущую политику в области торговли и безопасности. Он также отметил в своём выступлении, что Турция должна стать участником Шпицбергенского трактата для проведения исследований Арктического региона, создания базы и использования ресурсов Северного Ледовитого океана, которые, будут способствовать получению членства в Арктическом совете¹. По мнению Т. Кирана, Арктика стала популярной темой исследований из-за коротких морских торговых маршрутов, рыболовного потенциала, а также минеральных и углеводородных энергетических ресурсов региона.

Руководитель первой арктической экспедиции Турции в 2019 г. профессор Б. Озой заявила, что главной целью мероприятия было проведение научных исследований в регионе. Однако профессор также отметила геополитическую значимость исследования региона, подчеркнув, что с глобальным изменением климата природные и биологические ресурсы станут доступнее, будут популярны новые торговые пути. Профессор также подтвердила гипотезу о том, что практика научной дипломатии является инструментом продвижения интересов Турции в Арктике: «одним из наиболее фундаментальных условий для участия в международных механизмах принятия решений является постоянное проведение качественных научных исследований в регионе»².

¹ Arktik Bölgesinin Türkiye Açısından Önemi // Deniz Ticaret Odası : [сайт]. URL: <https://www.denizticaretodasi.org.tr/tr/slider/arktik-bolgesinin-turkiye-acisindan-onemi>--99 (дата обращения: 28.10.2021).

² Turkish scientists set course for North Pole // Daily Sabah : [сайт]. URL: <https://www.dailysabah.com/science/2019/08/08/turkish-scientists-set-course-for-north-pole> (дата обращения: 03.08.2021).

Участник первой турецкой арктической экспедиции полковник в отставке Б. Бюйксаннак, работавший ранее дипломатом в Норвегии, полагает, что Турция как морская держава должна получать выгоду от своих стратегических прав на архипелаг и стать участницей Договора о Шпицбергене. По мнению полковника, «Шпицберген на протяжении 400 лет интересовал людей из разных стран с точки зрения рыбной ловли, китобойного промысла, добычи полезных ископаемых и туризма. В Турции пришло время позаботиться об этом»³. Для этого, по оценке эксперта, Турции необходимо усилить дипломатическую деятельность, непрерывно информируя арктические державы и ведущие международные арктические организации об осведомлённости Анкары о происходящих в Арктике процессах и открытости республики для обмена накопленными знаниями.

По мнению О. Четина и Б. Бюйксаннака, подписав договор, республика сможет продемонстрировать свой официальный интерес к региону, «граждане Турции получают возможность получить права собственности и равную свободу доступа к заливам и портам архипелага, а также осуществлять всю коммерческую деятельность на равной основе» [4, с. 356]. Кроме того, авторы заявили, что присутствие Турции во всех морях и океанах мира является её приоритетной задачей, и подчеркнули, что это важно для оценки возможных маршрутов по северным морям и возможностей добычи полезных ископаемых в регионе. Авторы предполагают, что после подписания Договора о Шпицбергене и продолжения полярных научных экспедиций Турция, наконец, станет членом-наблюдателем в Арктическом совете и получит шанс повысить свой престиж в качестве глобального актора мировой политики.

³ 'Türkiye Svalbard' da olmalı' // Milliyet : [сайт]. URL: <https://www.milliyet.com.tr/gundem/turkiye-svalbard-da-olmalı-2621745> (дата обращения: 05.11.2021).

Первым шагом к получению статуса участника договора стало получение письма от посольства Норвегии Министерством иностранных дел Турции в 2009 г., в котором говорилось, что, если Анкара решит присоединиться к Договору о Шпицбергене, перед ней не будут стоять никакие препятствия. Для этого правительству Турции следует обратиться к Франции как к государству-депозитарию для подписания соглашения. Однако Анкара не отправила официального запроса в Париж. Вероятно, это связано с нежеланием правительственных чиновников республики открыто демонстрировать свои арктические амбиции раньше времени.

В настоящее время главным стратегическим приоритетом Турции в Арктике является наращивание «мягкой силы» республики в регионе, о чём в 2021 г. написали в совместной статье Б. Озсой, Б. Бюйксаннак и Э. Каймаз. При этом научной дипломатии отводится одна из главных ролей в процессе укрепления позиции Анкары в регионе: «В стремлении получить большую долю мирового экономического пирога Турция пытается эффективно вести процесс публичной дипломатии. Турецкие полярные научные экспедиции и исследования, которые проводятся в рамках национальных и международных академических партнерств, рассматриваются в контексте «мягкой силы» и публичной дипломатии» [3, с. 27].

Несмотря на наличие у Турции достаточных технологических и финансовых ресурсов, а также научного потенциала для открытой конкуренции с главными геополитическими игроками в Заполярье, Анкара нацелена на сотрудничество и кооперацию с арктическими государствами. Так, глава первого турецкого центра полярных исследований при Стамбульском техническом университете Б. Озсой в мае 2020 г. заявила, что «некоторые турецкие фирмы реализовали важные проекты, связанные со стро-

ительством и газовой промышленностью в странах, граничащих с Арктикой»¹. В июне 2021 г. Б. Озсой в интервью телеканалу «ТРТ Ворлд» отметила, что в период двухлетнего председательства России в Арктическом совете Анкара ускорит развитие совместной научной деятельности полярной науки в сотрудничестве с Москвой².

В настоящее время турецкие строительные компании направляют сотни инженеров для работы над ключевыми инфраструктурными проектами в российской Арктике, включая «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2»³. Турецкие верфи тем временем принимают заказы от прибрежных государств Северного Ледовитого океана (Канада, Дания, Норвегия, Россия и США) на современные рыболовецкие, морские вспомогательные и пассажирские суда, способные работать в арктических водах⁴. Так, в июне 2021 г. в СМИ появилась информация о заключении контракта на строительство плавучего дока для атомных ледоколов между турецкой компанией «Kuzey Star Shipyard» и подведомственным Росатому ФГУП «Атомфлот». В августе 2021 г. предприятие «Kuzey Star Shipyard» заключило договор с Онежским судостроительным судоремонтным заводом на строительство 2 инновационных двухтопливных ледоколов для ФГУП «Росморпорт»⁵.

¹ Turkey seeking to become a Polar Power // Ahval : [сайт]. URL: <https://ahvalnews.com/science/turkey-seeking-become-polar-power-anadolu> (дата обращения: 05.08.2021).

² Is Turkey Set to Become a New Polar Power? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TySQT1gIMQI> (дата обращения: 25.10.2021).

³ Saipem и Renaissance получили контракт на «Арктик СПГ-2» на 2,2 млрд евро. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2018/12/19/789714-saipem-renaissance> (дата обращения: 23.07.2021).

⁴ Turkey: A New Polar Power? // Rusi : [сайт]. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/rusi-newsbrief/turkey-new-polar-power> (дата обращения: 27.07.2021).

⁵ Турецкая верфь «Кузей Стар» станет фактическим исполнителем контракта на строительство двух СПГ-ледоколов для Росморпорта // Port News :

Заключение

В связи с тем, что Турция исторически стремится быть активным субъектом мировой политики, она участвует в решении глобальных задач, таких, как содействие в борьбе с глобальным потеплением путём проведения национальных научных экспедиций и отправки учёных в зарубежные научные экспедиции в обоих полярных регионах. В вопросах освоения Северного морского пути, эксплуатации биологических и минеральных ресурсов Северного Ледовитого океана на дипломатическом уровне Турция не допускает заявлений о своей экономической заинтересованности, настаивая на верховенстве положений Международной морской организации и поддерживая страны-участниц Конвенции о биологическом разнообразии, Международной конвенции о предотвращении загрязнения с судов и Конвенции о защите морской среды Северо-Восточной Атлантики; а также признавая исключительное право на сырьевую разработку в Арктике за странами Арктического совета.

В настоящее время Анкара существенно активизирует политику в направлении освоения Арктики. Однако проблемой, препятствующей принятию Турцией в состав наблюдателей Арктического совета, всё ещё является её недостаточная дипломатическая активность, незначительный масштаб исследований региона, а также небольшое количество научных публикаций. В связи с этим в ближайшие планы Турции входят организация второй арктической экспедиции, подготовка технико-экономического обоснования для турецкой научной базы и метеорологической станции на Шпицбергене, которые Анкара рассчитывает открыть к 2022 г.; издание до 2023 г. официальной арктической стратегии; выпуск в международный

прокат документального фильма о состоявшейся арктической экспедиции; ежегодное проведение международного арктического симпозиума; строительство нового исследовательского судна и приобретение ледокола; оказание финансовой поддержки учёным, занимающимся арктическими исследованиями; получение статуса наблюдателя в Арктическом совете. Имеющийся у республики научно-технологический потенциал в области судостроения и спрос на него со стороны арктических стран делает Анкару перспективным потенциальным союзником для многих государств, обладающих полярными амбициями. Вхождение в Арктический совет позволит республике легитимизировать своё присутствие в Арктике, что в значительной степени укрепит её политический вес и влияние в регионе.

Главную стратегическую линию по расширению своего присутствия в Арктике Турция связывает с научной дипломатией. Научная деятельность Турции в арктическом регионе является эффективным инструментом, который позволит республике укрепить свой арктический статус, получить доступ к богатому ресурсному потенциалу региона, а также использовать возможности новых транспортных коридоров. Формируя свои научные компетенции в Арктике, Турция планирует получить признание права на более активное участие в регионе со стороны мирового сообщества в целях дальнейшего использования потенциала Арктики. Анкара стремительно развивает инициативу по научным исследованиям Арктики: в республике регулярно проводятся научные мероприятия, международные конференции и другие форумы, которые привлекают не только учёных, но и представителей бизнеса.

Дата поступления в редакцию 26.11.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутенев М. Ю. Научная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 6. С. 119–127.
2. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // *Вестник МГИМО Университета*. 2017. № 3 (54). С. 212–223.
3. Caymaz B., Büyüksağnak B. Özsoy National Polar Research as a Manifestation of Turkey's Soft Power // *Bilig*. 2021. № 99. P. 27–53.
4. Çetin O., Büyüksağnak B. Turkey's interest in the Arctic region: the evaluation of being a party to the Svalbard Treaty // *International Journal of Environment and Geoinformatics (IJEgeo)*. 2021. № 8 (3). P. 350–358.
5. Genç A. Uluslararası Güvenlikte Arktika Bölgesi // *Astana Yayınları*. 2020. P. 86–87.
6. Kutlay M., Öniş Z. Turkish foreign policy in a post-western order: strategic autonomy or new forms of dependence? // *International Affairs*. 2021. Vol. 97 (4). P. 1085–1104.
7. Limon O. Arktik Konseyi ve Türkiye'nin Unutulan Arktik Konseyi Gözlemci Üyelik Başvurusu // *International Journal of Politics and Security (IJPS)*. 2021. Vol. 3 (1). P. 302–335.
8. Lord K. M., Turekian V. C. Time for the New Era of Science Diplomacy // *Science*. 2007. Vol. 315. P. 769–770.
9. Oğuzlu H. T. Turkish Foreign Policy in a Changing World Order // *All Azimuth*. 2020. Vol. 9 (1). P. 127–139.
10. Türkeş M., Erlat E. Influence of the Arctic Oscillation on the variability of winter mean temperatures in Turkey // *Theoretical and Applied Climatology*. 2008. № 92. P. 75–85.

REFERENCES

1. Gutenev M. I. [Science diplomacy as a tool for achieving foreign policy goals]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2021, no. 6, pp. 119–127.
2. Lebedeva M. M. [«Soft power»: the concept and approaches]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2017, no. 3 (54), pp. 212–223.
3. Caymaz B., Büyüksağnak B. Özsoy National Polar Research as a Manifestation of Turkey's Soft Power. In: *Bilig*, 2021, no. 99, pp. 27–53.
4. Çetin O., Büyüksağnak B. Turkey's interest in the Arctic region: the evaluation of being a party to the Svalbard Treaty. In: *International Journal of Environment and Geoinformatics*, 2021, no. 8 (3), pp. 350–358.
5. Genç A. Uluslararası Güvenlikte Arktika Bölgesi. In: *Astana Yayınları*, 2020, pp. 86–87.
6. Kutlay M., Öniş Z. Turkish foreign policy in a post-western order: strategic autonomy or new forms of dependence? In: *International Affairs*, 2021, vol. 97 (4), pp. 1085–1104.
7. Limon O. Arktik Konseyi ve Türkiye'nin Unutulan Arktik Konseyi Gözlemci Üyelik Başvurusu. In: *International Journal of Politics and Security*, 2021, vol. 3 (1), pp. 302–335.
8. Lord K. M., Turekian V. C. Time for the New Era of Science Diplomacy. In: *Science*, 2007, vol. 315, pp. 769–770.
9. Oğuzlu H. T. Turkish Foreign Policy in a Changing World Order. In: *All Azimuth*, 2020, vol. 9 (1), pp. 127–139.
10. Türkeş M., Erlat E. Influence of the Arctic Oscillation on the variability of winter mean temperatures in Turkey. In: *Theoretical and Applied Climatology*, 2008, no. 92, pp. 75–85.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гутенёв Максим Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Южно-Уральского государственного университета; e-mail: m.gutenev@mail.ru

Калфоглу Рабия – соискатель кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: rabiakalfaoglu@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gutenev Maxim Yurievich – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, South Ural State University;
e-mail: m.gutenev@mail.ru

Kalfoglu Rabia – External Postgraduate Student, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: rabiakalfaoglu@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гутенев М. Ю., Калфоглу Р. Научная дипломатия Турции в Арктике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 142–153.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-142-153

FOR CITATION

Gutenev M. Yu., Kalfaoglu R. Science diplomacy of Turkey in the Arctic. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 1, pp. 142–153.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-142-153

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2022. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор А. А. Глазунова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101);
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 11,5, усл. п.л. 9,75.

Подписано в печать: 28.02.2022. Выход в свет: 01.03.2022. Заказ № 2022/02-06.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А